

ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ

ЗМЕИНАЯ РУБАШКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ»

ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ

ЗМЕИНАЯ РУБАШКА

РОМАН

Перевод и редакция
КАМИЛЛЫ-МАРИАМ КОРИНТЭЛИ

ТБИЛИСИ
2014

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Издание осуществлено при поддержке
Международного благотворительного фонда «КАРТУ»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

СТЕРЖЕНЬ ГРУЗИИ

Еще совсем недавно имя Григола Робакидзе было под тотальным запретом.

По свидетельству известного итальянского картвелолога, почетного доктора Тбилисского государственного университета Луиджи Магаротто, исследователя творчества Робакидзе, «в советское время он был запрещен, и было практически невозможно найти хоть что-то, связанное с ним, - самой его фамилии словно бы и не существовало».

Советский Союз сам себя лишал великого писателя, в то время как за рубежом Г. Робакидзе пользовался репутацией одного из крупнейших литераторов XX века. В западных литературных энциклопедиях упоминались два грузинских писателя – Шота Руставели и Григол Робакидзе. Более того, в 1961 году он был выдвинут на соискание Нобелевской премии по литературе, и лишь кончина писателя помешала ее получению.

Очевидно, что именно Г. Робакидзе, органически связанный с тремя культурами - грузинской, русской и немецкой, вывел грузинскую литературу на европейский и мировой уровни.

Минули времена СССР, и справедливость восторжествовала. Сегодня Григола Робакидзе называют «совестью нации», «грузинским Солженицыным». В Грузии уже почти 15 лет успешно функционирует университет его имени. Несколько лет тому крупнейший тбилисский проспект Дружбы народов был переименован в проспект Григола Робакидзе.

Трехязычный писатель, мыслитель мирового масштаба, европеец по мировосприятию, грузин по самоощущению, он был движим такой яростной силой глубокого патриотизма, что не приходится удивляться тому, что для нации он является нравственным ориентиром,

духовным наставником, мерилom морали.

«Стержень Грузии» – так называется одна из самых примечательных статей Робакидзе, посвященная «проклятому вопросу: наделена ли Грузия гением?». «Я, как грузин, не сумею сохранить спокойствия, слишком эмоционально перегну палку», - признается автор. Действительно, с волнением читаешь эти пламенные строчки, и ловишь себя на мысли о том, что не имеет значения, где жил и творил их автор - в Грузии, Германии или Швейцарии, такой болью и любовью пронизана каждая из них.

Неравнодушие к родине – вот чему учит нас Робакидзе. Работа над собой – вот к чему он нас призывает. Память о прошлом, которая становится твоим сегодняшним состоянием, сосредоточенность на своей душе как центре мироздания, конечном пункте исторического пути – вот как он жил сам. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», - написал русский гений и обозначил единственно возможный способ существования всех великих. Можем ли мы сами так жить? Хватит ли нам на это бесстрашия и отваги?

Великим называем мы Григола Робакидзе. Не только потому, что он прошел тяжелый путь, на котором его ждали то бездны, то звезды. Не только потому, что сполна испил горькую чашу страдания. Но потому, что успел сказать свое слово в искусстве – свое, только свое. Как-то раз, характеризуя «Житие святого Григола Хандзтели» Георгия Мерчуле, Робакидзе написал: «Это не традиционное жизнеописание обычного святого. В нем представлено цельное мировоззрение, мироощущение - совершенно оригинальное». И тем самым сформулировал то, что ценил более всего в творчестве, в произведении искусства. Как признавался пушкинский Дон Гуан, «а пуще – новизною...». Новое, словно впервые сказанное, слово, неслыханная доселе мысль – вот что привлекает нас в Робакидзе. «В Советском Союзе думают, что я нахожусь на противоположном берегу, - писал он, находясь в Германии. - Они не правы. Я нахожусь на третьем берегу. Такой третий берег имеет каждая река. Тот, кто не может находиться на нем, - не писатель и не художник».

Да, из двух берегов Робакидзе всегда выбирал третий. Скажу больше - я совершенно убежден, что он, как любой настоящий мыслитель и творец, выбирая из «быть или не быть», обязательно бы выбрал «или».

Именно поэтому читатель никогда не найдет в текстах Робакидзе

ни одного ответа. Но этот писатель задает нам именно те вопросы, которые и придают смысл человеческому существованию. Как писал выдающийся русский поэт XX века,

Но гениальный всплеск похож на бред.
В рождение смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.

В Европе Григола Робакидзе читают и почитают как классика. Само собой, сегодня он широко издается на грузинском языке. Но в силу разных причин для русскоязычного читателя его творчество, даже самый лучший и всемирно знаменитый роман «Змеиная рубашка», остается малоизвестным.

«Змеиная рубашка» (название романа переводилось и как «Змеиная тельница», и как «Змеиная кожа»), первый роман писателя, опубликовался в тбилисском журнале «Мнатоби» («Светоч») в 1925-1926 годах. Со временем произведение получило известность не только в Грузии, но и в Западной Европе, особенно в Германии, где роман вышел с предисловием Стефана Цвейга. Можно сказать, что отзыв великого австрийца стал первой в Европе реакцией на современную грузинскую литературу.

Немецкая критика приняла роман восторженно. Философское осмысление современности через обращение к библейской символике, грузинской мифологии и традициям вызывали не только интерес, но и восхищение читающей публики. Впоследствии роман не раз переиздавался и в Европе, и в Грузии.

Данное издание - уникально. Это первое полное издание романа «Змеиная рубашка» на русском языке.

Перевод с тбилисского издания 1925 года блестяще осуществила Камилла-Мариам Коринтэли, чей талант переводчика широко известен. Ей удалось создать не только совершенно конгениальный текст, но и сохранить пунктуацию, графический рисунок и орфографию топонимов оригинального текста.

Как-то раз Григол Робакидзе признался: «Я мечтаю, чтобы каждый год, когда меня уже не будет на этом свете, в октябре, месяце моего

рождения, какая-нибудь мать-грузинка зажигала бы свечу в маленькой церквушке во Мцхета и в своих молитвах вспоминала бы меня. Ничего больше не прошу я у Грузии».

Так счастливо совпало, что книга, которую вы держите в руках, увидела свет в юбилейный для писателя год (Грузия празднует 130-летие со дня его рождения) и именно в октябре.

Это - наша свеча, зажженная в память Григола Робакидзе.

Александр МАРГИШВИЛИ

Вице-мэр города Тбилиси

СТЕФАН ЦВЕЙГ

О РОМАНЕ «ЗМЕИНАЯ РУБАШКА»

Наш европейский, да и вообще цивилизованный мир непрерывно подчиняется закону единения и устойчивого равновесия. Обычай и костюмы, народные обряды и национальные танцы на наших глазах исчезают один за другим или же искусственно, чуть ли не как музейная редкость, хранятся в качестве исторических курьезов: Европа национализируется; и когда ты находишься на улице какого-либо современного города, тебе трудно определить, на какой широте она, собственно говоря, расположена – настолько унифицируются материальные формы (а, благодаря этому, скрыто – духовные) некогда столь выразительных, ярких народных характеров и личностей.

Любопытный человеческий дух, настроенный на естественное многообразие и перемену, всячески противится этой внешней монотонности; и чем большее распространение получает цивилизация единения, тем дальше от нее уносится дух на крыльях фантазии. Он теперь уже не удовлетворяется тем, что лежит по соседству, рядом, а привлекает его все больше экзотическое. И вот появляется литература, заимствующая материал и художественные образы для своих произведений из заморских, тропических и арктических стран. Следует, однако, тут же оговориться, что взгляд в эти страны брошен в основном из окна скорого поезда или же с палубы океанского лайнера, зашедшего в какую-нибудь гавань во время кругосветного путешествия. Поэтому в таких коротких, сжатых репортажах отражена лишь внешняя, пестрая сторона жизни этих стран и крайне редко – подлинная сущность, первозданный аромат и уж тем паче – дыхание самой души того или иного народа.

Для того, чтобы почувствовать и тем более отобразить ее, нужны более прочные узы, нужны корни, природное чувство и неподдельный восторг любви к родному краю. Подлинную экзотику своей страны способен отобразить в поэтическом искусстве лишь тот поэт, духовные корни которого переплелись с корнями родного народа.

Мы немало узнали благодаря все более растущему интересу наций друг к другу (и война, кстати говоря, больше способствовала, нежели препятствовала этому): эскимосы, японцы, китайцы поведали нам о своей культуре. Через Тагора и Ганди нам открылась современная, живая Индия. И вот теперь благодаря роману Григола Робакидзе мы, я полагаю, впервые знакомимся с еще одним народом – грузинами. Это древнейшая нация, с которой входил в соприкосновение еще Александр Македонский во время своих походов. Грузины на протяжении веков противостояли мощному натиску и влиянию турок, персов и русских. Они пустили корни на одной из самых прекрасных земель нашей планеты, приютили представителей и других народов, процветающих здесь. Грузия знаменита благодаря богатству песен и легенд, и все же непростительно мало известна нам, европейцам. Насколько эта нация богата первобытной, мифической силой, героическим духом и вместе с тем всей душой открыта современности, я, откровенно говоря, узнал теперь, прочитав эту книгу, автором которой является молодой писатель, оказавший своим искусством нам не менее великую услугу, чем своей родине. Нам представилась возможность познакомиться с новым для нас и необычайно привлекательным духовным миром, ибо глубокое постижение того или иного этнического феномена происходит прежде всего через эпическое искусство, через способность самоизображения.

Чем-то напоминающим хаос с первоначала дышит эта книга, как, впрочем, и любая другая, представляющая новую литературу. Пламенные полосы из древних легенд, из баллад седой, забытой старины как бы вплетены здесь в общую орнаментальную ткань сюжета. Книга ассоциируется порой с изобилием персидских героических песен, с чувственной романтикой Востока. И вдруг ярким светом высечена современность: мы видим, как мчатся по Александровской улице советские автомашины, слышим, как цитируются стихи Бодлера – магия и реальность, старый и новый мир переплетены здесь самым

необычным, неожиданным образом, что, по-видимому, можно объяснить и оправдать лишь поэзией, я бы даже сказал исключительной поэзией, каковой является подобный вид эпического искусства. И какое пламя исходит из всех этих картин! Некоторые страницы так и хочется вырезать и выделить в строфы стихотворений, каковыми они, собственно говоря, и являются; некоторые главы словно рассказаны сказителями, которые иногда еще появляются по ночам на базарах слишком цивилизованного Востока. Каждая страница романа полна ярких, напоминающих баллады, пассажей необычайной, неведомой нам красоты, и, хотя сердцу нелегко определить, кому оно обязано этим экзотическим, будто розовое масло и гашиш, дурманящим ароматам: писателю Робакидзе или самой Грузии, оно охотно дает себя пленять этой новой для него экзотике. Мир моих представлений стал богаче благодаря этой книге, мир экзотического счастливым для меня образом приблизился и осветился, душе моей теперь доступен незнакомый мне доселе вид эпической поэзии: Ташкент и Тифлис, мир караванов и базаров еще обольстительнее манит мою фантазию в свете утренней и вечерней зари с тех пор, как я прочел эту необычную, ни к какой категории не относящуюся книгу, с триумфом свидетельствующую о том, что миф продолжает жить в искусстве вопреки нашему материализованному миру, с каждым днем все больше знающему и все более тяготеющему к науке.

1928 г.

*Перевод с немецкого **Сергея ОКРОПИРИДЗЕ***

*Гёте, – чьего «Лесного царя»
еще до прочтения познал я,
семилетний ребенок.*

Глазу Гёте – Роман «Змеиная рубашка» – Как любовь.

ЭКБАТАНА

*...Брата моего небывшего
как любить мне больше солнца
и больше меча, –
ибо был он
двойник мой.*

(Высечено на камне цвета
ящерицы, найденном в Хамадане)

К юго-востоку от города – холм Мюселлах. К югу от холма – большой каменный лев рыжий; словно крапленный солнцем. Каменный лев – из песка и известняка. В извести – жар солнца, в песке – семена солнца. Каменный лев – щит города. Из голых теснин Персии, где обезумевшее солнце порой утоляет свою плотоядную страсть, львиный рык низвергается в задыхающиеся ущелья и яростным потоком уносится вдаль, взрывая тишину пустых просторов. В этом грохочущем шуме странная своеобычность: несокрушимая и величавая. Каменный лев – меч Хамадана. В пору большого полдня, когда предметы утрачивают свои тени, к каменному льву устремляется недужный: бесплодный либо пораженный сифилисом. Бесплодный обнажает фаллос перед раскаленным камнем и просит семя у рыжего льва. Сифилитик прикладывает фаллос к пышущему жаром камню и ждет исцеления от зверя с разверстой пастью. На горячий песок градом сыплются мольбы – Бог знает, на каком языке.

Холм Мюселлах – «место моления». От холма – долина длиной в пятнадцать миль и шириной в девять. Непрерывной чередой – сады и луга. Там и сям – взметнувшиеся ввысь тополя. Местами – дерево

огромное «нарвенд»¹. Местами – струны аллеи. Долина Хамадана – волнами спускающаяся со склонов Элвенда и отлого поднимающаяся к возвышенности.

Возвышенность всхолмлена, и на холмах – город, расположенный террасами. Мюселлах – холм наивысший. Здесь стояла крепость (если верить «отцу истории»²), воздвигнутая легендарным Дэйоком. Вокруг крепости – семь стен, одна другой выше, концентрическими окружностями. Первая стена белая, вторая черная. Третья – багряная. Четвертая – синяя. Пятая – красная. Шестая и седьмая же – крапленные серебром и золотом. В ограде седьмой стены, в средостении ее – дворец царский, из кедрового и кипарисового дерева. Отягченный серебром и золотом. Крытый серебряной черепицей. Так описывает Геродот, и нравится это ему. Ныне здесь лишь географический пункт («Тахт Ардэшир»)³. Каменная платформа. Передняя часть ее из белых четырехугольных камней. Задняя из простого камня и песка, смешанного с известью. Все, что осталось от первого Сасанида – Ардэшира Бабегайя.

Хамадан – древняя Экбатана.

Город, раскинувшийся на северных склонах Элвенда.

Элвенд – «Оронт» древней географии. Гранитная масса, вершина которой подобна половине луны.

На расстоянии семи миль от края города – скала. Из подножья скалы выбивается река. Кверху от реки, на высоте сорока шагов – расщелина «Гендж–Намех». И там – две таблицы порфиновые с надписями. Выше – ручьи. Элвенд изрезан ручьями. Персиянин верит: среди скал Элвенда сокрыт камень мудрости. Верит и в то, что на горе, изрезанной ручейками и ключами, произрастает таинственная трава, исцеляющая ото всех недугов. Персиянин знает: на Элвенде растет магическая трава, которая одним прикосновением своим простой металл обращает в багряное золото. Но не знает он, что сам Гендж-Намех и есть магия и волшебство. Гендж-Намех, который два с половиной тысячелетия безмолвными словами, словно очами, гля-

¹ Нарвенд - нарванд: ольм (перс.) (Примечания здесь и далее переводчика)

² Геродот.

³ Ардашир (Арташир Бахман) Бабаган, на среднеперсидском Папакан – первый шахшах Ирана, основатель династи Сасанидов (224-241).

дит на окрестности Хамадана. На одной из порфировых табличек высечено:

Великий бог Аурамазда,
который создал эту землю,
который создал это небо,
который создал человека,
который создал удовольствия и радости для человека,
который посадил царем Дариуса,
царя, единственного из многих,
царя страны, единственной из многих, –
Я есмь
царь Дараиавуш,
царь величайший из царей,
царь, над многими странами стоящий,
царь этой великой земли сын отныне Вистаспа¹.
Ахеменид.

Слова – как клинки. Надпись Дария – 522-486 гг. до н. э. Этот пафос имел силу. Под властью Дария были многие страны. Персия. Сирия. Месопотамия. Финикия. Палестина. Египет. Бактрия. Хорезм. От Средиземного моря и до Китая.

...Вистаспа сын, Ахеменид: герб Хамадана.

Хамадан – древняя Экбатана. Сокровище династии Ахеменидов.

Экбатана – летняя резиденция Ахеменидов.

«Ахеменид»: в самой фонетике слова – звон дамасской стали.

Это из Экбатаны Кир издал манифест – как обнаженный меч.

Элвенд... Близ порфировых скрижалей – алтарь солнца. Ныне лишь его развалины.

Вероятно, разрушился он потому, что сам Хамадан и есть алтарь солнца.

...Сын Вистаспа, Ахеменид – солнечный герб Хамадана.

Полуразрушенные глинобитные стены. Чередою этих стен проходишь в город. Мечеть Месджид-джумах – сильно тронутая вре-

¹ В современной исторической науке принята форма Гистасп.

менем. Перед нею – площадь, там гомонит базар. Каждое утро до восхода солнца собираются там рабочие с лопатами в руках. С ними договариваются и уводят их в поля – работать на земле. Невдалеке от Месджид-джумаха есть двор – полный могил. Здесь гробница Эсфири и Мардохая, сложенная из кирпича. Строение венчает эллипсоидальный купол. Гробница из двух камер. Архитектура – не ранее нашествия сарацинов. В гробницу проникаешь через каменную дверь. В камне имеется отверстие. Просунешь руку в отверстие и отопрешь дверь. Первая камера – точно кладовая символов смерти. Среди них – деревянные носилки. Вторая камера – усыпальница: два саркофага с крышками черно-красного дерева. На крышках высечены еврейские письмена. Здесь покоятся Эсфирь и Мардохай. По стенам – изречения из талмуда, иные на арабском, иные на еврейском языке. Надписи глиняные. Дневные лучи, проникающие из окошечек в куполе, освещают надписи. Молиться приходят сюда не только евреи, но и мусульмане. Прилепляют на стены бумажечки, тоже с надписями: «Я, такой-то и такой-то, сын такого-то и такого-то из такого-то города посетил святое место сие и молился». Эсфирь и Мардохай! Как вторглись иудеи в мир мидийцев! На куполе аист свил гнездо. Ирония погрузившейся в века Экбатаны или юмор иудейской гробницы – того не знает аист. Он знает одно: стоя на куполе и вперившись в одну точку, позой своей соперничать с соколом, который, гордо изогнув шею, восседает на запястье феодала.

В городе там и сям – остатки прошлого. Старая мечеть. Осколок старого базара. Надгробные плиты. Руины башен. Письмена «куффик» на каждом углу. Цилиндрические камни с персепольскими фигурами и надписями. Древние монеты – сасанидские или ахеменидские или еще какие-то. Остатков множество. И все же путешественник удивлен. Сколько раз плуг истории прошелся по земле Экбатаны! По сравнению с этой «пахотой» остатков маловато. Но удивительно и то, что скудость остатков, или попросту отсутствие их, еще более усугубляет древность Хамадана. Бывает местность без характера. Словно бы еще не обретшая характер. Словно бы только что открывшая глаза на свет. Но бывает местность – сплошной характер. История оставляет там свой запах, напитав им почву. Хамадан – характер до последнего камешка. Здесь глаз созерцает тени минувшего. Но глаз осторожен:

чтобы не спугнуть эти тени. Здесь даже пласт земли излучает запах прошлого. Лишь по запаху и возможно ощутить прошлое. Иначе его не воспримешь. Ушедшее может вернуть лишь ощущение его аромата... На первый взгляд – глинобитные дома и узкие улицы. Но – как знать: быть может, глина и есть выражение почтения перед временем (время все разрушает, глина разрушается сама). Теснота, быть может, выражает страх перед пространством: строения стоят скученно. Все, казалось бы, одного цвета: золы или пепла, в зависимости от того, в каком настроении солнце. И все – малое- и большое – покорно судьбе. Лишь тут и там вдруг вскинется мечети – как веснушчатые женщины на ходулях, которые молят полную луну о плодородии. И в воздухе – слова, будто сами собой рождающиеся: ла илах илла аллах...

Улицы. Извилистые. Переплетающиеся. Узкие. С одной стороны можно просто перепрыгнуть на противоположную. Из одного дома – в другой. Суета. Людская масса – как муравьи из разных муравейников. Мужчины всюду – в шапках, подобных половине круглой тыквы. Шапки и в зной – на лысых или полулысых головах. Лица – маски прошлого. Далекого прошлого. Глаза глядят из недосыгаемой дали – безошибочный признак древней расы. Смотришь на человека, а он будто где-то, далеко-далеко. Необходимо долгое время, долгое ожидание, чтобы взор персиянина приблизился к тебе. Кое-где, по углам, мелькают и семитские профили. Евреяне... И их взор выходит из глубин прошлого. Но чуть улыбаются влажные глаза и как бы скрадывают эту глубину. Есть что-то таинственное в лице евреянина: ирония в глазах – и на губах печаль. Глаза будто говорят: я знаю, но ты не знаешь тайну. Губы шепчут: храни тебя Бог от моей участи. Он отвернется и пойдет прочь. Ты проводишь его взглядом. И запомнятся: морщинистые и желтоватые увядшие уши. Это там, где евреев мало, как в Хамадане. Попадаются здесь и армяне. Покатые лбы отмечены печатью страшного упорства. Угловатость движений говорит о кряжистости характера. Твердое дерево, крепкое, но согнутое и искривленное.

Пыль и грязь – повсюду. Однако не следует думать, будто персиянин любит пыль или грязь. Нет, скорее персиянин знает, что, в конце концов, все обратится в пыль. С конечной ипостасью мира надо обращаться почтительно. Может, персиянин знает, что вода унесет грязь и уничтожит без следа. Вскормленному сосцами пустынных холмов,

ему и вправду ведома тайна воды. Он восславляет воду: она всемогуща. Грязь, брошенная в ручей или растворившаяся в нем, на расстоянии десяти алаби¹ уже не грязь: она очищена водой. Так думает персиянин. Посреди Хамадана бежит кристальная горная река. Река уносит городскую грязь. Хамадан не боится грязи.

На каждом углу – кофейни, полные людей. Тонкие пальцы – и четки: янтарные, гиштерные. Всюду гашиш. Один курит – и передает трубку другому. Другой курит – и передает третьему. Третий – четвертому. Четвертый – пятому. Пятый – шестому. Шестой – седьмому. И так до тех пор, пока трубка не вернется к первому курильщику. Тогда замыкается магический круг. Здесь с открытыми глазами ловят видения. Здесь сокрыта тайна со-бытия – или единства – Востока. Здесь нет места отчуждению либо брезгливости: единая трубка для всех уст. Один переходит в другого и через других возвращается к себе. Магическая сила раскрытия – или освобождения – в единении многих. Витают пестрые видения. Кто-то начинает рассказывать героическую историю: «В один из дней встал Рустан и пришел к Зорабу...». Другой продолжает. Третий стихами вспоминает Саади. Четвертый говорит – рассыпает розы Ширази. Пятый заливается исфаганским соловьем. Так до поры, пока опьянение еще подвластно словам. Но невидимый зверь его уже потягивается и порыкивает.

В стороне появляется некто – в лохмотьях, с разинутым ртом, нечесанные волосы всклокочены. На губах – пена. В глазах – лихорадочный блеск. Голова мелко трясется. Это дервиш. Он смотрит на всех и не видит никого. Будто видит невидимого и ждет его знака. Нависает тишина невыносимая. Внезапно дервиш вскидывается и раздражается ужасающим воплем. Вопль оборачивается исступленной пляской. Пространство, пестрящее видениями, теперь наполняется странными словами. Не понять, что вещают они. Все перемешивается и обращается дневной фантасмой. В это время появляется белый навьюченный осел. Высокий, ростом с лошадь. Знаменитый хамаданский осел. За ним шествует парень и кричит: «Пенир! Пенир!»². Пестрые видения исчезают. Белый высокий осел со стоической степенностью проходит

¹ Алаби - старинная грузинская мера длины, употреблявшаяся до принятия метрической системы, немногим более метра.

² Пенир-сыр (перс.)

вниз. Все отрезвляются. В стороне гадалка зазывает прохожих.

Лавки. Ларьки – точно лари. Горы изюма. Оливки. Фундук. Грецкий орех. Рис. Фисташки сырые и фисташки жареные. Ткани – несть числа. Парча разная. Шелка. Кашемир. Различнейших цветов и оттенков... Стаканы. Чаши. Кувшины. Медные сосуды для воды – тунги. Изукрашенные чеканным орнаментом. Бесконечное множество, разнообразие... Позумент. Медальоны. Завораживающие глаз... Ковры. Ковры. Ковры настенные. На коврах – хамаданский «нумуд». Паласы. Циновки. Разнообразные, всякие. Хорасанские клинки. Мечи Шах-Аббаса. Палаши, сабли. Стрелы и луки. Седла. Сбруя. Ремни. Тесьма. Галуны. Амулеты. В углу – миниатюра. Тут же Коран в узорчатом сафьяновом переплете. Рядом – драгоценные камни всевозможные: рубин, бирюза, янтарь, яшма, изумруд, лал. Клетка, и в ней – соловей, то ли кенарь. Тысячи и тысячи различнейших предметов вперемешку. И вдруг – женщина, до пят закутанная в зеленое покрывало. На голове плат цвета шафрана с легкими пестрыми разводами. На ногах – зеленые коши с красно-рыжими каблуками. Чадра слегка откинута, будто ненароком, и – лицо: мягкий мрамор с оттенком слоновой кости. Быстрый мимолетный взгляд – и глаза: большие, миндалевидные. Глаза – влажные индийские изумруды темной воды. Движения стройного стана колеблют покрывало, и искушенный глаз различает точечные формы танагрской статуэтки. Невольно устремляешься вслед за красавицей – но виденье исчезает, как сон, растворяется в мельтешащей толпе. И вспоминается – «Тысяча и одна ночь». И продолженье той же ночи...

К югу от Мюселлаха – большой каменный лев рыжий; из известняка и песка. В извести жар – солнца, и в песке – семена солнца. Каменный лев – щит города. Из голых теснин Персии, где распаленное солнце утоляет порой свою страсть, львиный рык низвергается в задыхающиеся от зноя ущелья и гневный гул лавиной обрушивается на просторы, взрывая опасную тишину. Есть в этом грохоте какая-то странная своеобычность: несокрушимая, величавая. Каменный лев – меч Хамадана. В пору большого полдня, когда предметы те-

ряют свои тени, к каменному льву приходит недужный: бесплодный или пораженный сифилисом. Бесплодный извлекает фаллос перед пышущим жаром камнем и молит льва даровать ему семя. Сифилитик прикладывает фаллос к раскаленному солнцем камню и ждет исцеления от каменного зверя. На горячий песок падают таинственные заклинания – Бог весть, на каком языке...

Возле каменного льва сидит чужестранец.

Он не недужный. Не страдаемый сифилисом, не томимый бесплодием. И сейчас – не пора большого полудня, когда предметы теряют свои тени. Ночь, озаренная луной. Лето 1917 года. Предметы не утрачивают своей тени – колдовской свет луны сам обращается в тени. Рождается иной лик мира – безыменный – бесплотный – неосознаваемый. Чужеземец, кто он? Не персиянин и не осман, не индус, не евреянин, не славянин и не француз – и не германец. И не грузин?.. Он смахивает на англичанина. Да и то лишь на первый взгляд. Возле каменного льва сидит чужестранец, и фигура его сливается с лунными фантомами. Подле него – белый солнцезащитный шлем. Светлое лицо с правильными чертами словно соперничает с лунным профилем. Чужеземец созерцает окрестности Хамадана и, зачарованный, отдается воспоминаниям. Ведь и сам Хамадан – одно лишь воспоминание.

Он вспоминает:

Две тысячи лет назад Александр на своем Буцефале ураганом ворвался в твердыню Экбатаны. Одним ударом взял древний город – точно царицу, которую жаждал тысячи лет. Победил непобедимых Ахеменидов, и сам стал Ахеменидом. В сверкании и блеске мечей отпраздновал свадьбу с царицей и привязал этот бешеный, сокрушавший все преграды пир к обезумевшим копытам необъезженного коня. По желтым склонам Экбатаны «Двурогий» раскинул бесчисленные шатры, и в каждый шатер закинул сорванную с неба звезду. Великий словно оскопил солнце мечом и багряными ручьями, хлынувшими из его лона, наполнил азарпеши (кувшины) жаждущих воинов. Десяти тысячам воинов дал в жены десять тысяч малоазийских рабынь. В одну ночь справил эту свадьбу. Никогда еще ночь не была так безумна. Возможен ли большой пафос? Было разрушение и опьянение. Было величие и торжество. Той ночью, в Экбатане мужское покинуло границы мужского. В Ливийском храме «Двурогого» объявили

сыном Амуна-Ра. Может, в ознаменование той ночи. Чужестранец вспоминает и другое: будто похожее. Существует предание, столь же жгучее. Столетия назад Солейман Блистательный¹ (или Мохаммед Завоеватель? Но гиды предпочитают Солеймана. Наверное, из-за благозвучия гласных) – столетия назад Солейман Блистательный направил вспененного коня в константинопольский храм Айя-София. Обезумевший конь заметался в левиафановом чреве святого храма и, взвившись на дыбы, передними копытами стал биться о мощную колонну. Отпрянул, утолив ярость, – и из белой колонны с огненных следов копыт ручьем брызнула кровь. Так гласит легенда. На той колонне и ныне багровеет кровавое клеймо – след копыта. Чужеземцу вспоминается копыто коня Солеймана Блистательного, и вспыхивает мысль: вторжение Александра Великого в Экбатану – как вторжение Солеймана Блистательного в Айя-Софию. Сама Экбатана – след коня Солеймана, кровавым клеймом отпечатавшийся на высокой колонне храма. Есть в этом некое странное безумие. Ужасающая жестокость – и острейшее наслаждение. Страсть – и ярость преодоления. Мужское и вправду разрушает здесь границы мужественного. И теперь вот: Хамадан – след подковы Буцефала Александра Великого. Кровавый – желтый – ржавый – слегка замшелый. И все же – солнечный. Хамадан – след обезумевшего копыта. Каменный рыжий лев – пылающий солнцем щит Хамадана.

Чужестранец шевельнулся. Издалека – топот коней. Чужестранец видит: группа всадников мчит к городу. Впереди старик, лет за шестьдесят. Живые зоркие глаза, острая, как алмаз, мысль. Синеватой ткани длинная накидка, подобно крыльям, развевается за спиной. На голове – белая чалма. Эмир Авган со слугами и стражами. Наверное, спешит к губернатору Хамадана, чтобы высказать ему упрек. В свете луны кортеж стелется по земле, как некое феерическое видение. Не воспоминание ли об Александре Великом мучает феодала? Но что знает феодал о преодолении Македонца! Феодал не знает, что народы

¹ Султаны Турции XV-XVI вв.

Европы схватились друг с другом в смертельной схватке. Разве знает феодал о том, что с севера доносится гул революции? О Петербурге он, наверное, и не слышал. Город, который сифилитическая одержимость Петра Великого заставила подняться из финских озер. Город, превращенный в остров Патмос эпилепсией Достоевского. Город... Этот город ничего не говорит феодалу. Эмир Авган и Апокалипсис – где встретятся они! А в трех милях отсюда, в Шеверино – русский штаб, удрученный тяжелым предчувствием. Генерал Н.Н. Баратов – то ли осетин, то ли казак, то ли и осетин, и казак вместе, – малорослый человек с маленькими умными глазками, выраженный в черкесское платье, мучим одной лишь заботой: а что, если рухнет великая русская империя? И в тайных мыслях своих изыскивает пути...

Приходит трезвость действительности. Проступает жестокость народов. Чужестранец оглядывается по сторонам. Куда-то подевалась тень Александра Великого. Рыжий лев просто камень, состоящий из песчаника и известняка, Хамадан – глинозем и грязный город.

Чужестранец – Арчибальд Мекеш возвращается домой. Внезапно вспоминается обломок камня цвета ящерицы, увиденный вчера. Странные слова, высеченные на камне, обжигают мозг:

Брата моего небывшего
как любить мне
больше солнца
и больше меча, –
ибо был он
двойник мой...

ПОЗВОНОЧНИК С ПРОСТРЕЛОМ

Некто идет лесом. Наступает на странную траву. Вмиг затуманивается у него разум. Он продолжает путь. Мнится ему, что идет обратно. Он теряет направление. Снимает с себя одежду. Выворачивает ее. Одевает навыворот. Приходит в себя. Вновь находит направление. Продолжает путь.

...Существует такое вот предание.

Арчибальд Мекеш лежит. Пока еще ночь. У луны иссякают фантазмы. Но Арчибальд не спит. Вернее – или лучше – так: в полусне его сознание ступило на грань яви. Он знает, где находится. Не знает только направления. Он взбудоражен, взвинчен, раздражен. Сбил с дороги, что ли, как если б наступил на ту колдовскую траву. Может, встретилась она, трава эта, когда он вместе с русским отрядом казака Палия следовал из Багдада в Хамадан. Или сам этот путь, Багдад-Хамадан, и есть колдовская трава! Ни туда, ни сюда. Ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз. Восприятие личности опутано сетью фантастического паука. Конечности изменяют, и опорное колено не держит. Личность распадается: надвое, натрое, на четыре, на пять. Но чаще – на две личности. Одна в стороне от другой. Одна взирает на действия другой, созерцает, другая – действует. Арчибальд Мекеш наблюдает за Арчибальдом Мекешом. Закрадывается страх: одолевает то одного, то другого.

Вспоминается Арчибальду слышанное однажды: некто отдыхает среди скирд. Солнце печет нещадно. Оцепеневшая лошадь стоит подле. Внезапно сидящий замечает кого-то – который тоже сидит возле скирды. И подле него стоит оцепеневшая лошадь. Вскрикивает несчастный, узнает своего двойника. Срывается с места. Вскикивает в

седло. Мчит коня. Слышит топот копыт. Его ли коня этот топот – или...? Ага, и позади тоже топот. Верно, двойник скачет за ним. Страх порабощает его. Лошадь тоже обезумела.

...На дороге находят его, на земле, в полусознании. И на губах его – пена...

Арчибальд Мекеш встает. Выходит на балкон. Смотрит на Хамадан. Луна продолжает рассыпать фантазмы. Правда, уже с меньшей силой. Хотя грань, разделяющая видения и явь, еще резче, жестче, Арчибальд Мекеш боится увидеть над Хамаданом своего двойника. Он вбегает в комнату. Бросается на постель. Погружается в забытие. Сознание, истончившееся, как игла, пронизывает даль – далекую, далекую. Уходит, почти исчезает. Но игла созерцает самое себя. Арчибальд Мекеш созерцает себя – в далеком далеке.

Арчибальд Мекеш художник. В 1914 году парижский Salon d'automne¹ принимает его картину. Полотно невелико. Простой ландшафт: долина, выжженная зноем. Широкая беловатая река. На берегу много черных быков. Истомленные жаждой, быки жадно пьют. Головы приподняты кверху быки проглатывают последние глотки. А глазам их видится странное: тень или тени, проносящиеся над рекой, как бы видения иного мира. Удивительны их взоры. Рисунок привлекает внимание. Краски размягчены предельно. Белый, переходящий в голубиный, сизый. Черный, словно черный гишер в прозрачной воде. Красный – как зерна граната, пронизанные солнцем, композиция словно скрученный дуб. Фактура – земля первозданная. Репродукция картины печатается в журнале. И – портрет автора. Картина привлекает внимание. Портрет автора – тоже. Лицо спокойное. Глаза серые с голубиной. Нос – прямой, лишь посреди – орлиная горбинка. Волосы черные, на пробор расчесанные. Во всем облике – удивительное спокойствие. Но под конец понимаешь: за этим спокойствием – необыкновенная страсть.

Арчибальд Мекеш получает приглашение от американского миллиардера. Фергюс Уорвоор – странный человек. У него вилла на побережье Средиземного моря. В его натуре дремлет сплин. Каждое лето он приглашает к себе знаменитых личностей со всех уголков Европы.

¹ Ежегодная художественная выставка в Париже, устраивается с 1903 г. по сей день.

Создает для них особый мир. Живет этим созданным миром. Развлекается: от времени до времени убивает сплин. И думает: вероятно, Господь Бог сотворил мир для того лишь, чтобы его, Уорвоора, одолевал сплин. Фергюс Уорвоор яростно убивает сплин – пока сплин не убьет его самого. Умирая, Фергюс Уорвоор непременно убедится в том, что и Бог умирает вместе с ним.

Арчибальд Мекеш – в числе приглашенных. Избранных – до ста пятидесяти человек. Художники. Музыканты. Артисты. Поэты. Певцы. Исполнители. Философы – но лишь те из них, кто умеет мыслить особо и писать особым стилем. Романисты. Последователи лорда Гарри из «Дориана Грэя». Дамы и куртизанки. Последние – типа Манон Леско. По национальности англичанки, французенки, немки, итальянки, испанки, норвежки, датчанки, шведки, голландки, шотландки, русские, польки, гречанки, румынки. Множество других. Профили всевозможные: от древнеримских до современных еврейских. Встречаются и хеттские, и египетские. Коптские. Финикийские. Народы умирают – профили остаются.

Вилла построена в артистическом вкусе. Камень – гранит. Прочность скалы. Множество залов – белый, желтый, красный. В середине – зал концертный. До трехсот жилых комнат. Для каждого гостя – три комнаты: спальня, рабочая комната, туалетная. Полный комфорт. Потоки электричества. Вода неиссякаемая. Бассейны. В конюшнях лошади английской и арабской пород. Экипажи. Автомобили. Коляски (двадцать пять). Пять аэропланов. Три парохода. Вокруг виллы – цветущие сады с редкостными цветами и растениями площадью в десять квадратных верст. Аллеи, клумбы различных стилей. Площадка, залитая асфальтом – для игры в лаун-теннис. Оркестр струнный из ста пятидесяти человек. Музыканты – все негры, кроме дирижера. Развлечения и пиры. Премированные повара. Блюда соперничают с древнеримскими. Всевозможные напитки: токай, херес, шампанское знаменитых фирм. Различные коньяки. Шартрез. Шерри-брэнди. Коктейли. В саду высокие башенки, окруженные балконами. Роскошнейшие виды на море. Уединенные уголки. Множество разных разностей

– плоды безудержной фантазии Фергюса Уорвоора.

Фергюс Уорвоор доволен созданием такого рая. Теперь понимает он слова Бога, произносимые, после каждого дня творения: «Это хорошо». Желтоватое лицо, никогда не знавшее бороды, улыбается, все в морщинках. Сухощавая фигура исполнена удовлетворения. В маленьких умных глазах чуть заметно искрится гордость. Фергюса Уорвоора заботит лишь одно: что он не может всю эту виллу со всем ее убранством, со всеми ее окрестностями, со всеми ее обитателями перенести на морскую поверхность и превратить ее в плавучий остров. Но сухощавый американец, желтолицый и безбородый, все-таки доволен тем, что создал мир для выведения новой расы. Фергюс Уорвоор убежден: в этом уголке встретятся друг с другом разум всепонимающий и интуиция, угадывающая потаенное; Эрос – рождающий восторг и упоение: тело, жаждущее другого тела, желание, разрушающее границы.

Фергюс Уорвоор не читал Фридриха Ницше. Да и зачем ему Ницше! Фергюс Уорвоор полагает, что он создает почву для явления сверхчеловека. Сам он при этом держится в стороне. Издали искоса поглядывает на группы гостей. Лишь изредка присоединится к ним, как одинокая звезда. На его лице, неизменно сохраняющем одно и то же выражение, похожем скорее на мумию фараона, лишь изредка можно заметить ироническую улыбку. И то слабую. Печаль умирает прежде, чем достигнет его лица. Воля Фергюса Уорвоора выкована американским упорством.

К концу июля зной распалается. Пир устроен в тени. Фергюс Уорвоор празднует день своего рождения. Торжество длится три дня. Застолье словно оркестр, поющее тело которого, как острым ножом, рассекает порой то стан красавицы, которая суть лишь пена шампанского, то само шампанское, которое суть лишь взорвавшаяся жажда прекрасного стана, то изящная фраза, которая как чеканный сонет, то обжигающий взор, встречающий взор ответный, глаза в глаза – призрачный круг, замыкающий в себе пары. Застолье словно оркестр. Но и оркестр настоящий услаждает слух пирующих. Танцы.

Пение. Выступления солистов: музыкантов, певцов. Стихи поэтов. Тосты, тосты и повсюду имя – «Фергюс Уорвоор!» Сухопарый американец оживает: желтизна оборачивается блеклой белизной, безбородость – как бы свежесбривенностью. Фергюс Уорвоор становится открытым. Монокль носит с изяществом. Улыбка обновляет его губы. Фрак ловко сидит на фигуре. На белоснежной сорочке сверкает бриллиант величиной с орешек. И сам он сверкает, словно бриллиант.

Оркестр изощряется. На внутреннем свode эстрады натянута полотно для кино. Пирующие не забывают и о несчастной планете Земле. По полотну пробегают то боксер, то тенор. То кокотка, то леди. То депутат. То президент, то кайзер. То преступник, то манекен. Пирующим интересны и события. И на том же полотне возникают радиодепеши. В Китае то-то... В Германии то-то... Хроника... хроника: метафизические детали планеты. Остановка и снова: сонеты, песни, пируэты... тосты... последние – самые многочисленные и самые надоедливые, нудные.

Один только тост ловит слух... «человек создан... но он сам создает мир» (Фергюс Уорвоор высоко поднимает голову: видно, говорят о нем). «Этот творец – дух человеческий»... (Фергюс Уорвоор не может разобраться...) «Дух создает и соединяет»... (...«Дух создает и объединяет»...) Фергюс Уорвоор опасается, как бы флегма не одолела его. «Дух – это нерв планеты Земля» (при упоминании планеты Фергюс Уорвоор наостряет уши: ведь это он повелитель планеты)... «Мы сотворяем новый дух»... (Фергюс Уорвоор слышит только три первых слова, из которых второе заставляет его безволосые брови вскинуться... «Мы создаем новую расу»... «Мы...») И Фергюс Уорвоор внезапно взглядывает на полотно экрана. Другие тоже. На экране: «Эрцгерцога Франца Фердинанда убил в Сараево сербский принц...».

При апоплексическом ударе у человека закрывается один глаз и сворачивается набок нижняя челюсть; одна половина тела утрачивает жизненные силы. У пира тоже исказилась челюсть и закрылся один глаз. Одна половина пира, левая или правая, утрачивает жизнь. Фергюс Уорвоор читает на полотне, – как древний Навуходоносор прочел на стене: «Манэ тэкел фарес» – и сникает, опадает...

Арчибальд Мекеш содрогнулся как от укуса змеи: древнеави́лонские магические слова пулями пронзают слух. Это не «вспоминается», это происходит сейчас. Вавилон близко от Хамадана. Он чувствует, как покрывается холодным потом.

Три дня спустя ви́лла на берегу Средиземного моря необитаема. Фергюс Уорвоор – сухощавый американец, безбородый и желтолицый, похожий на гриб-дождевик, снова охвачен сплином. Он бредет по опустелой аллее. Прежде Фергюса Уорвоора заботило лишь одно: что всю эту ви́ллу со всем ее убранством, со всеми ее гостями, со всеми ее окрестностями он не может закинуть, как сеть, в море и превратить ее в некий плавучий остров. Фергюс Уорвоор чувствует сейчас, что это желание его осуществилось нехорошо: ви́ллу подхватило нечто и зашвырнуло в необитаемость, в пустоту, как некий балласт. Гости куда-то подевались – или унесли ноги, спасаясь. Остался он сам – один на один со своим загадочным сплином. Фергюс Уорвоор ползет по аллее, как гусеница. «Скука начало всего». Во рту – соленость. В голове – затуманенность. В ушах комариный писк. На дереве – цикада. Море – олово. Цвета золы. Тишина – лишь удушье. Скука, одна лишь скука.

Фергюс Уорвоор прибавляет шаг. В конце аллеи кто-то сидит. Американец чувствует незнакомую радость. Некто сидит на скамье согнувшись, упираясь локтями в колени. Дума далекая... далекая... Фергюс Уорвоор приближается.

– Мсье Арчибальд Мекеш?!

– Сэр Фергюс Уорвоор!..

– Вы здесь...

– Я остался...

– Вы один...

– Я один...

– Все разбрелись...

– Их позвали корни...

– А вы?

– У меня нет корней.

Фергюс Уорвоор удивлен. Удивление придает краску сухощавому лицу американца. У всех есть корни. И у него есть корни. Если позовет Америка – он пойдет на ее зов. Впрочем, заберет с собой и сплин – или сам последует за ним. А этот художник – без корней?! Уорвоор видит – лицо у него изменилось. Лоб нахмурен. Глаза устремлены куда-то вдаль. Губы недвижны. Уорвоор радуется: наверное, и этого молодого человека одолевает сплин.

– Мсье Мекеш! Не думаете ли вы сейчас, что хитроумный еврей был прав: «Скука – источник всего»? Я думаю, это верно сказано.

– Возможно...

– Вы не в духе...

– Возможно...

– Скука... скука...

– Нет: скорее печаль... тоска...

У Арчибальда Мекеша сжимается сердце. Не Хамадан ли его сжимает?.. Он встает. Выходит на балкон. Хамадан спит, как висячие сады Семирамиды... Все лишь призрак – тень – видение. Может, и я сам. Но видение не имеет крови. А мое сердце трепещет, как птица, пронзенная стрелой... Он возвращается. Снова постель и снова сон с открытыми глазами... За дверью рычит во сне дог Аллан. Смотрит сон, что ли. Хамадан сновидец – полон снов. А может быть, и он не спит. Или: если и спит – наполовину. Может, и он грустит и вспоминает – где его корни... Снова дрема охватывает Мекеша. Арчибальд Мекеш номер два снова выходит на сцену. Мекеш номер один наблюдает за ним из своих снов.

Три года – невыносимых. Зов с виллы «Новая раса» где-то далеко, далеко – будто придуманный. Сейчас другой пароль: «гений латинян» – «идея славян» – «германский дух» – «британское владычество», – пароль упорядочивания – или примирения – или мира. Много и других.

А вместе с тем – кровь, убийства, голод. Отрезанные ноги, похороненные отдельно. Плач отрезанных ног, когда приделывают механические. Грусть их, похороненная вместе с отрезанными. Смерть плода. Оплакивание груди матерями. Потеря брата. Гибель отца. Исчезновение друга. Прощание воинов перед окопами. Ослепление одного глаза и оплакивание его вторым глазом. Сырые слезы осиротевшего. Возвращение ослепшего к невесте. Плач невесты и углубление безнадежности от ее плача. Далекий стол на далеком вокзале – где ожидают писем. От одного письмо не пришло – или уже не придет. И от второго. И от третьего. И крики, крики: матери – сестры – отца. Список убитых. Список раненых. Чтение списков, напечатанных в газетах: в управлении графства или в сельской канцелярии. Поиски знакомой фамилии или имени. Животное чувство: «хотя бы не было моего... другой – это другое, а у меня, для меня он единственный». Озверение и равнодушие. И много другого, много всякого.

У Арчибальда Мекеша нет никого: ни матери, ни брата, ни сестры и никакого другого родственника. И ни отца?! Где он, кто знает, Мекеш – блуждающий атом – вне тела – потерянный – скитающийся со своей печалью и тоской. Не останавливающийся ни на одном фронте. Желание затеряться – или пропасть. Просьба друга – к лорду К-рту. Мекеш – корреспондент в армии генерала Томсона в Месопотамии. Встреча с отрядом казака Палия, который преодолел ужасные просторы и соединился с передовыми отрядами англичан. Просьба к тому же лорду и переход из Месопотамии в Персию с частью отряда Палия. Арчибальд Мекеш, вспоминая, уходит куда-то вдаль.

Месопотамия – Персия. Это ближайший путь. Но именно этот путь – наидлиннейший, если следовать им по воспоминаниям. Месопотамия – колыбель человечества. Здесь сама земля глаголет об этом. Здесь будто бы все – дитя. Но сколько пройдено этим дитем. Сложны воспоминания именно детской поры: ибо эта пора – наидлиннейшая. О, как прав великий Толстой: пора от первого года до пятого длиннее, чем от пятого – до восьмидесятого. Гениальнейшая истина. Как знать, быть может, путь назад – от первого года жизни к зародышу в материнском чреве – еще длиннее. Безусловно длиннее.

У Арчибальда Мекеша нет «корней» – он здесь без «дна», без «корня». Он возвращается назад в беспредельную даль. Все – лишь

призрак. Все – праобраз, зародыш. Настроение, которого наяву не удержишь. Может и тогда, когда явь мешается с грезами. Здесь черта таинственной грани, таинственного предела. Эту черту видишь, пробуждаясь, выходя из сна. Выходя – но не выйдя вполне, еще не проснувшись. Тогда сердце начинает так биться, словно оно – пульс всего мира: не умещается в груди. Не умещается – жаждет коснуться этим биением невидимой черты, невидимой нити. Устремляется, рвется – чтобы коснуться. Но прикосновение и замирание сердца – одна нить обрывается, сердце останавливается. Человек вдыхает смерть – и внезапно просыпается. Вскрикивает. Ему не хватает воздуха. Выбегает наружу. Сердце колотится. Там, на воздухе, печать небес осенит его и уймет волнение сердца.

Здесь именно «это» настроение. Это настроение растворено в Месопотамии. Одурманенный пласт земли. Молчаливый камень. Медленная река. Дремлющий пень. Печальный камешек. Ветка, опущенная книзу. Замерший зяблик. Нетель влажноокая... во всем – это настроение. Здесь первозданная земля: первозданная жизнь. И как таковая, жизнь близка лону – или тьме – или смерти. Нигде Арчибальд Мекеш не ощущал, не испытывал такого настроения. Настроение словно расплавленное, растворившееся от Багдада – и до Так-И-Гирима, где начинается персидская граница.

Арчибальд Мекеш идет из далекого далека, медленно погружается во дни детства. Путь ужасный. Тысяча опасностей. Но путь и притягательный, как притягательна порой сама смерть. Вспоминается столь многое. Зеркало Тигра, на дне которого можно считать камешки. Это бывает редко в желто-бурой реке. Дом Шейх-бен-Эгира. Конюшни и лошади. Нападение. Угон семи коней. Тигринный гнев Шейх-бен-Эгира и потом – детские слезы его. Деревня прокаженных, куда отправляют всех прокаженных, и откуда никто не приносит вестей: княжество заживо умерших? Высохший, корявый куст боярышника и на ветке – удавившийся прокаженный. Оставшиеся открытыми глаза самоубийцы, в слепом взоре которых отражен весь мир, грешный и несчастный. Набег курдов ночью. Ожесточенная оборона. Ярость казачков как ярость раненых волков. Ранение. Железное хладнокровие Арчибальда Мекеша и его девятиокый кольт. Бешеный лай Аллана. Расстреляны все патроны кольта и – второй кольт. Натиск огромного

курда с саблей наголо. Миг и Арчибальд Мекеш упадет с отрубленной головой. Но стремительный прыжок Аллана, и курд летит в пропасть. Снова колыт и победный клич казаков, яростный лай Аллана, грохотом отдающийся в гулком ущелье. Курды принимают Аллана за тигра, расцвеченного пятнами лунного света, и с воплями исчезают. Тут Арчибальда Мекеша пробирает озноб, члены его напрягаются, словно наливаются металлом... Снова туман, и он засыпает с открытыми глазами.

Некто идет лесом. Наступает на странную траву. И тотчас затмевается у него разум. Мнится, что идет он назад. Продолжает идти. Теряет дорогу. Срывает с себя одежду. Выворачивает наизнанку. Одевает навыорот. Приходит в себя. Находит дорогу. Продолжает путь. Есть такое предание.

Арчибальд Мекеш лежит. Все еще ночь. Луна склоняется к закату. Призраки скоро исчезнут. Арчибальд Мекеш не спит. Или лучше так: в полусне сознание его бодрствует. Он знает, где находится. Но не знает дороги. Он взбудоражен. Раздражен. Наступил на странную траву, что ли, и переменялось его настроение? От Багдада до Хамадана много такой травы. Или сам этот путь, – Багдад-Хамадан, и есть колдовская трава?.. Ни туда, ни сюда. Ни вперед, ни назад. Ни вверх, ни вниз. Блуждающий атом, потерянный. Вывернуть одежду?! Одежда снята. Но... как знать, может, выворачивание то же поворачивание?..

Мекеш ищет самого себя. Не находит корней. Ни брата, ни сестры, ни матери и никакого другого родственника. И ни отца?! При мысли об отце он подносит к груди правую руку. На шее у него висит крошечный узелок цвета шафрана. Это не крест. И не образок. Не ладанка. В узелке – отцовский медальон... Бывает, порой промывают ручей. Пустеет его русло. А где-то в уголке бьет сверкающей стружкой исток ручейка. Русло ручейка расширяется: наполняется его высохшее лоно... Сердце Арчибальда Мекеша наполняется, как лоно пересохшего ручья. Он встает. Хочет при луне поглядеть на любимое лицо. Идет к двери на балкон. И вдруг в дверях перед ним – некто высокого роста. Открытый лоб. Глаза цвета меда. Бородка с проседью. Твер-

дый подбородок. Орлиный нос. В глазах спокойствие... спокойствие... до ярости. Он улыбается юноше... «Отец!» вскрикивает Арчибальд. Обнимает его. Но в объятиях лишь тень. «Отец!» – кричит Арчибальд. Аллан вскакивает. Озирается по сторонам. Врага не видно. Мощными лапами обнимает Арчибальда за шею. Арчибальд плачет. Огромный дог с белыми и желтоватыми пятнами на аспидного цвета теле ласкается к нему. Глаза у дога – один серый, другой желтый. Арчибальд плачет. Аллан ластится к нему.

Над Хамаданом – сизоокий рассвет.

СЕРДЦЕ НА ЛАДОНИ

Из Хамадана мчится форд. Шофер, как мускулистый жокей, сросся с автомобилем. Головные уборы образуют белую линию: один – английский белый шлем солнцезащитный и второй – чалма персидская – или восточная. Одному из путников положил на колени голову огромный дог. Дорога идет на север. После станции Ахбулах расстилается низменность – деревни, деревни по ней. Ущелье двух рек: Карасу и Дарагазан. Близ низких гор Кулебада пролегает граница Хамадана и Хамзэ. Возле деревеньки Рамазан дорога идет берегом небольшой реки. Переезжают мост. Чуть дальше, на левом берегу реки, бьет холодный ключ: серно-известково-железный. После Рамазана подъем постепенно нарастает. От станции Маниан, где нынче пункт питания «Союза городов», подъем окончательно набирает силу и вдоль глубокого ущелья карабкается все круче и круче – к высокому перевалу Караган. В двух километрах от Караганского перевала – станция Султанбулах. И здесь – тоже пункт питания.

Форд натуживается, чтобы преодолеть этот большой подъем. Временами вздыхает шумно, как раненый зверь. На лице шофера при этом сомнение и недоверие. Он, шофер, знает: не родилась еще на свет женщина, которая была бы так капризна, как автомобиль. Осматриваешь его, и вроде бы все в порядке. Едешь – и через несколько часов – непонятная нервозность.

Приближаются к Султанбулаху. Форд дышит часто: как бы сбива-

ясь с ритма. Шофер молчит – все поглядывает вперед, на Султанбулах. Вероятно, думает о том, как бы благополучно довести туда машину. Несколько мгновений – и форд с тяжким вздохом останавливается у ворот Султанбулаха.

Первым спрыгивает на землю Аллан и направляется к ограде. Затем – Арчибальд Мекеш. За ним следует мужчина в чалме. Мекеш высокого роста, но рядом с мужчиной в чалме кажется почти низким. Чалмоносец в длинном и очень широком плаще цвета болотной травы. На ногах – желтоватые туфли без задников – коши. Он слегка сутуловат в плечах, грудь неширокая и впалая. Нос длинноват и слегка подвернут влево. Глаза глубоко сидящие: цвета серы с тусклой прозеленью. Спокойные – внимательные – пронизывающие. Лицо веснушчатое и рябое. Такое лицо и с такими глазами останавливает змею на горячем песке. Тип смешанный: то ли персиянин, то ли индус, то ли египтянин. Какого возраста сказать трудно. Усы – словно только что отросшие. Бородка – короткая, редкая, чуть подцвеченная хной.

Шофер осматривает машину. Мекеш и чалмоносец созерцают окрестность. Хамадан отсюда – как след яростного удара бешеной подковы. Налево – горы Авеха: нагие гиганты. Мекеш пленен непривычным пейзажем. Его всегда восхищали потоки света, льющиеся сквозь листву дуба на волны зеленого шелка травы. Его всегда восхищало это. И еще более этого – когда ветви дуба глядят в реку и солнечный поток, прорываясь сквозь них, пригоршнями проливается в воду, на вечно движущееся тело реки. Здесь – волшебное слияние желтого – темно-синего – облачно-свинцового. И при этом безудержное течение: солнечный поток – колебание листвы, шелест листвы – шум воды. Мекеш смотрит на высящиеся скалы и повсюду видит листья волшебных красок: иные плотные и крупные. Иные – нежные и миниатюрные, иные – удлиненные и поникшие. Мох и гвоздика соперничают друг с другом. Гвоздика побеждает. Аспид и квакша древесная борются. Побеждает квакша, которую расцвечивает пестрота хвоста сказочного павлина...

– Теперь я понимаю, что создало персидский ковер...

– Это лишь преддверие... Впереди Казвин!..

Шофер заканчивает ремонт, Мекеш и чалмоносец глядят на горы. Внезапно влаивает Аллан. Мимо проезжает автомобиль «Союза го-

родов». Мекеш успевает заметить сестру милосердия и – будто очутившись на краю пропасти – вздрагивает всем телом. «Глаза цвета ящерицы!» Неужели?! Нет... Откуда они здесь!

– Что с вами?

– Я увидел такие краски, что...

– Вон там, на склоне той горы, глядите... кизил, пролившийся на поблескивающее тело дракона...

– Поразительно!..

Автомобиль готов. От Султанбулаха дорога спускается в ущелье, по дну которого бежит горная речушка. Вправо от речушки, с северо-запада на юго-восток протянулась цепь рассеченных скал – точно хребет доисторического мамонта. Приближаются к станции Авех. Здесь стоял русский штаб, когда Хамаданом владели турки. Река Авех летом почти пересыхает. Печаль опустевших грудей – эта истощившаяся река. Или выхлебал ее солнечный дракон-кровопийца?.. Громадные каменные глыбы в двухсотметровом русле. Река Авех протекает близ деревни Аббасабад и сливается с Харрудом. На берегу Харруда горячий ключ серный – сорокаградусный. Они продолжают путь. Впереди – низменность. Деревни: Новенд – Сайфабад – Райкан – Дэхкан. Река Абгар. Мост через нее. Сады – фруктовые, виноградные. Руины.

Форд громко дышит. Порой всхлипывает, и тогда шофер меняется в лице. Аллан подремывает. Чалмоносец погружен в нирвану. Арчибальду Мекешу видятся глаза цвета ящерицы. Ольга... Неужто?! Да, но откуда она здесь? Когда он отводит взор от голых скал, в глазах мельтешит цвет квакши древесной. Наверное, этот цвет и затмил, затуманил его взор. Но почему так жгуче само видение?!

Форд всхлипывает, и шофер бледнеет. Аллан подремывает. Чалмоносец погружен в нирвану, Арчибальду Мекешу мерещатся глаза цвета ящерицы. Солнце садится. На опаленные окрестности проливается гранатовый свет. Арчибальда Мекеша пьянят удивительные просторы.

– Здесь нужен глаз Адама.

– О да! Глаз Адама!..

Глаза цвета ящерицы озарили станцию Маниан. Опорный пункт точно желтый гриб на выжженной равнине. На шум автомобиля выходит одолеваемый сплином солдат. Он приближается к прибывшим и почесывает чуб. Фигура в белом стремительно выпрыгивает из автомобиля. У Жана Гужона есть картина «Диана». Женщина пристально смотрит на высокую лань. Лань словно магнетизируют глаза женщины. Она приближается к женщине, подняв голову: будто хочет жарким ртом своим запечатлеть на ее устах поцелуй зверя. Выпрыгнувшая из автомобиля женщина похожа на Диану Гужона. Длинные флорентийские ноги – два упругих потока ручья белопенного. Нет: это другое! Бедрa фигуры в белом более широкие. И еще одно. У этой, спрыгнувшей с машины, грудь высока. И на ней две крупные розы Шираза. В незапамятные времена гончар лепил из глины жертвенные чаши по форме груди девственницы. Так гласит преданье. Эти груди и есть те чаши.

Солдат стоит обалдуем.

– Позови начальника! – слышит он голос женщины.

Солдат уходит.

Женщина входит в комнату. Как подкошенная, падает на постель. Срывает с головы платок и бросает в сторону. Волосы – короткие и густые. Словно поток солнца, выплеснувшийся персидской хной. Лоб высокий – лоб боттичеллиевских женщин. Нос слегка вздернутый. Губы сжаты, будто в гневе. Тело чуждо покоя.

Входит косматый человек. Восточный профиль. Глаза будто подернуты жиром – или слезятся жиром. Нос морковка. На лице – темно-синие прыщи с дробинки величиной. Прыщи кое-где усохли и оставили на коже следы, как оспины. Он зеваает, но на пороге обрывает зевок.

– Сейчас же вызовите мне по телефону уполномоченного.

– Из Казвина?!

– Из Казвина!..

– Вызову...

Косматый выходит.

Распростертая на постели женщина размышляет: определенно это был он... Но откуда он здесь взялся?! Иранское плоскогорье любит миражи... Нет, это был он!.. Почему он не остановил автомобиль?! По-

чему не выпрыгнул?.. Почему не бросился ей навстречу?! Женское сердце не понять и женщине... Распростертая фигура резко поднимается. Женщина встает, смотрит в окно. Нагие просторы безмолвны... Кто ей что скажет?..

Возвращается начальник.

– Через час он будет говорить с вами...

Начальник поворачивается и уходит.

Женщина идет на кухню. Там ее встречает шофер. Вымазанными в мазуте руками он сворачивает дудочкой персидский лаваш и не ест – жрет. Бог знает, кто он: грек ли из Трапезунда, армянин из Ростова или ассириец из Урмии. Глаза глядят исподлобья. Нос как бы рассечен сверху вниз. Низкорослый, коренастый. Глаза серые, маленькие.

– Стэпко! Мы должны сейчас же возвращаться обратно!

– Не могу...

– Причина?

– Устала машина...

– Ты ее взбодришь...

– И я устал...

Не родилась еще на свет женщина, которая была бы капризна, как автомобиль. И ни одна машина, которая была бы капризнее шофера, не сошла еще с конвейера автозавода.

– Стэпко! Ты ведь знаешь, когда я прошу...

Женщина улыбается. Разве существует на свете каприз, который бы не сломила улыбка красивой женщины!..

– Кажется, поврежден руль...

Слова Стэпко теперь уже лишены убедительности.

У женщины крепнет надежда.

– Ты можешь подремонтировать ее в гараже военной части...

– У меня и бензина-то нет в достатке...

– И бензин там раздобудешь... Я сама раздобуду...

Стэпко все еще колеблется... Он ходит по земле так неуклюже, как альбатрос по палубе.

– Машина испортится... Совсем пропадет...

– Сколько стоит оппель?

– Пять тысяч... или шесть... не знаю...

– Если пропадет, я оплачу ее стоимость...

Крупная сумма перешибает упрямство.
На лице Стэпко забрезжала улыбка.
Появляется начальник.
– Он у телефона... просит вас... ждет вас...
– Значит так, Стэпко...
Стэпко вдыхает улыбку женщины, как аромат дикой розы...
Женщина убегает...

Внезапно Аллан навостряет уши. Вскрикивает. Лает. Лай грохотом отдается в ущелье. Что он учуял? Издалека слышится песня. Шофер поднимает голову. Чалмоносец выходит из нирваны. Аллан встает на задние лапы. Арчибальд Мекеш замер; как наседка с цыплятами, увидевшая тень ястреба. Песня звучит громче, разносится далеко. Арчибальд Мекеш – сдерживаемый трепет. Он тоже что-то учуял – близкое и одновременно далекое. Бывает, человек, как безумный, смотрит в зеркало. Не может глаз оторвать от своего отражения. Проходит минута. Лицо кажется человеку чужим. Под конец в зеркале мелькает тень двойника. Человека охватывает страх. Кто это? Чья тень? Моя? Чужая?! И моя, и чужая. Незнакомая. Но как? Каким образом? Песня приближается и нарастает. Сердце Мекеша замирает.

Табай: У вас испортилось настроение?

Мекеш: Странная песня...

Табай: Похожа на песни гурджей.

Мекеш: На песни гурджей...

Шофер: Это грузины поют.

Мекеш: Грузины...

Мекеш хватается за дверцу форда – словно опасаясь вывалиться. Приходят на память слова отца: «Владей собой». Собирает силу воли. Песня наплывает волнами. Песня – как сверкающий на солнце клинок. Аллан лает. Автомобиль приближается к деревне. Форд дышит с натугой и ускоряет ритм.

Мекеш: Откуда здесь грузины?

Шофер: Они проводят отпуск.

Табай: А-а, из конного полка.

Шофер: Путешествуют.

Мекеш: Путешествуют...

Автомобиль приближается к калитке.

Шофер: Машине требуется вода.

У Арчибальда Мекеша с плеч свалилась огромная тяжесть, и он выпрямился. Хотя сердце стало биться еще сильнее. Форд останавливается перед калиткой. Худощавый молодой человек приветствует:

– О, Табай-хан! Пожалуйста, пожалуйста!

– Я не один.

– Тем лучше! Пожалуйста к нам!

Выходят из автомобиля.

– Мой английский друг. Арчибальд Мекеш.

– Сандро Амилахори.

Тень тутовых деревьев. Длинный стол накрытый. За столом – около двадцати молодых людей. Все встают. Почтительно приветствуют чалмоносца: «Пожалуйста, Табай-хан». Чалмоносец знакомит их: «Мой друг Арчибальд Мекеш. Он немножко знает русский. Немножко и персидский. А среди вас кое-кто знает и французский. Переводчик нам не нужен». Называют фамилии: Чавчавадзе. Орбелиани. Авалишвили. Морбедадзе. Макашвили...¹ «Как?!» Чуть не вскрикнул Мекеш и побледнел. Таба-Табай, будто угадав его чувства, представляет: «Макашвили».

Кто-то поясняет: «сокращенно – Макаш». Макаш... Арчибальд Мекеш опирается о стол – чтобы не упасть. Он видит: молодой человек, высокий, черноволосый. Кожа – матовая, гладкая, как пергамент. Глаза – светлые с поволокой. В движениях сквозит древняя раса – чуть усталая. Мекеш смотрит, кажется, куда-то вдаль.

– У аппарата... да... Ольга Балашова. Сегодня я должна возвратиться... Причина? Лично... Нельзя? Вместо меня пришлите кого-нибудь другого... Лишние расходы? Я оплачу... Вы согласны?! Спасибо! Большое спасибо... Еще две минуты... В Казвин сегодня прибудет ан-

¹ Фамилии старинных аристократических родов Грузии.

гличанин. По Хамаданской дороге... Мой дальний родственник... Фамилия? Мекеш... Ищите повсюду... спросите! Что потом? Скажите ему мою фамилию и имя... Больше ничего. Я надеюсь... Вы меня очень обяжете... Выезжаю сейчас же.

– Кутим! Кутим!

– Вина! Вина!

– Табай-хан, вино в Персии не годится!

– Я согласен с вами! У вас найдется грузинское.

– Да, есть... настоящее кахетинское...

– Табай-хан не пьет вина...

– С вами выпью...

Веселье. Радость. Ликование.

Шашлык на малиновых прутьях.

Чаши.

Мекеш рассматривает каждого.

Вспоминается:

На границе с Месопотамией у Шейх-бен-Эгира отняли семь лошадей. Шейх-бен-Эгир во время атаки был олицетворением гнева. И все же потерял лошадей. Кто застал его в тот момент – увидел: горечь утраты – как тугая гроздь черного винограда. Лошадей вывели из темной конюшни. Они еще не видели света. Когда лучи солнца коснулись их глаз – глаза засверкали, как пробившийся ручей. Такие глаза были, наверное, у того, первого, человека, который изобрел огонь. Тела их – натянутая тетива... Горячие, порывистые. Истинно арабская порода. В повадке – веками отточенные движения. В поступи – сдерживаемый ритм. Вот оно, оправдание биологии. Арчибальд Мекеш до сих пор видел оправдание биологии только в Аллане. Сейчас же перед ним и юноши: статью – как арабские кони. Именно так изысканны. Именно так полны сдерживаемой силы. Внезапно пробежала тень отца и слезы сверкнули в уголках глаз.

Песня! Песня! Песня!

Поют «Мравалжамиэр» кахетинскую, которая льется, как Алазанская долина: сперва неторопливо. Потом быстрее. Потом – обжигая. Потом – выйдя из берегов. И в конце – как накинутый аркан. Здесь – кутеж мужа, победителем вернувшегося с войны. Поют «Мравалжамиэр»

картлийскую, которая льется, как Картлийская долина – медленная, тихая сперва, потом взметнувшаяся, стремительная. Потом согбенная. И в конце – выпрямившаяся по весь рост. Здесь оборона крепости гарнизоном. Гарнизоном, который умеет верить и который умеет выстоять. Всегда ли крепость выдержит и не сдастся нападающим? И в конце песни – легкий призыв сдержанной злости. Поют «Высокую дэлиа» – как утихающий ураган, спускающийся постепенно с Имерских гор в ущелья. Эта песня редка и в Грузии. В ней застолье и меч кахетинца, стойкость и щит картлийца, кольчуга и «Лиле»¹ свана, меч и натиск хевсура. Поют. Поют словно царицу на скрещенных мечах несут.

Арчибальду Мекешу мерещится королева с глазами цвета ящерицы. Может, это вправду была она? Нет... Откуда ей здесь взяться! Песня словно обвивает верхушку дуба – и не знаешь, приласкать его хочет или... Арчибальд Мекеш слушает пение под шелест листвы. Интересно: где еще он слышал эту песню? Она знакома ему. Он заглядывает в зеркало. Но не видит там корней... Далеко – в дальней дали – колышется корень личности, колышется, извивается; что-то знакомое – и одновременно чуждое. Видение позабытое?.. Нет: наверное, это и есть корень: близкий и далекий. И опять мелькнет тень отца, Мекеш опирается о стол, чтобы не упасть.

Солнце еще не зашло. Автомобиль мчит к Казвину.

Мысли женщины уносятся вдаль – назад. 1914 год... Апрель. Лозанна. Прогулка по парку. Останавливаются перед памятником Вильгельму Теллю. Юноша охвачен страстью. Молчаливый, застенчивый. Но в молчаливости и застенчивости столько силы и столько чувства!.. Он весь – единая страсть. Женщина вдыхает его близость. Ноздри ее расширяются, как у зверя, попавшего в западню. Юноша не молвит слова. Да и к чему слова? Разве сам он – не одно расплавленное слово? Каждой мышцей, каждым вздохом – слово. Всем существом своим – слово. Женщина вся – радость. Но почему страдание на лице

¹ Древний сванский гимн солнцу.

ее? Она и сама не знает. Чувства женщины – загадка для нее самой. Она слышит, как юноша говорит, задыхаясь:

– Я хочу сказать вам...

– Знаю без слов...

Юноша изумленно смотрит на нее.

...«Султанбулах», – раздается голос шофера.

Прошлое обрывается где-то там, вдалеке. Женщина отрезвляется. Выпрыгивает из машины. Входит в здание станции. Листает книгу регистрации путешественников... Его нет. Спрашивает у дежурного. Ей говорят: «Фамилию не назвал»... Может, это был кто-то другой?.. Нет. Это был он. Несомненно он. Она идет обратно. Автомобиль мчится, натужно дыша.

Опять Лозанна... И прерывистые слова женщины:

– Знаю без слов...

Юноша смотрит, изумленный.

– Арчибальд! Вы верите в роковую встречу?

– Верю...

– Которую сама смерть не сотрет...

– Верю... Это происходит сейчас...

Женщина останавливается. Смотрит на него, как на постороннего.

Что с ней происходит? Или показалось лукавство? Нет!.. То, что раньше называли «даймон», сейчас – в плечах женщины. «Даймон» обмана... Но отчего так завлекателен соблазн обмана? Женщина борется с соблазном... Но ее борьба и есть победа соблазна. С самого начала. Нет... Поражение в борьбе с соблазном – это ее победа. У нее кружится голова. И поражение необыкновенно сладостно.

– Арчибальд! Я знаю...

– Знаете?

– О, если бы мы встретились годом раньше...

Он стоит замерев.

Женщина словно хочет поправить сказанное:

– Нет! Что я говорю! Слова провинциальной курсистки!

Высказанное чувство порой кажется элементарным...

Ей слышится чей-то шепот. Она говорит – будто кому-то другому:

– Была у меня такая встреча...

– И что потом?..

Заметно, как он дрожит... Женщина чувствует легкое прикосновение руки...

– Его больше нет.

– Как?!

– Убили на дуэли.

Шепот стих. Улетел ли кто... И женщина с ним улетела?.. О, как прекрасно раскачиваться над пропастью... Ее качели не оборвутся... А если и оборвутся, кто-нибудь ее подхватит...

Юноша, побледневший, смотрит в пространство...

– Авех! – раздается голос шофера...

Прошлое откатывается вдаль. Женщина отрезвляется... Выпрыгивает из машины. Входит в здание станции... Листает книгу регистрации проезжающих. Его нет... Она спрашивает служащих... Отвечают: нет, не останавливался. Призрак это был, что ли!.. Но глаза цвета ящерицы не умеют ошибаться. Она возвращается. Автомобиль мчится с ревом...

И снова Лозанна... И прерванная беседа.

– Теперь вы поняли?

– Понял!

Шум автомобиля нарастает.

Пляска! Пляска! Пляска!

В отдалении играют на сазандари. (Звук приближается). Пляшут лезгинку. Название пляски – несуразность: причем тут лезгины! Эта пляска грузинская, и кроме грузин, никто ее не спляшет так. Не хватит расы. Юноша приглашает сестру милосердия, грузинку (из опорного пункта Абгерм). Сколько мужского напора и сколько девичьей застенчивости! Сколько строф поэмы любви – или страсти! Под конец словно пленение женщины и похищение ее – срезая круг. Похищенная – но не рабыня – падает на руки юноши (разгоряченное тело – словно трепещущее сердце), вдруг рывком она выскользывает из обруча его рук и убегает с девической застенчивостью. Кажется, танец не кончается – обрывается. Это – печать грузинской расы, печать ее рыцарственности. Весь напрягшись, наблюдает Арчибальд Мекеш за

танцующими (не выиграла ли и его кровь?..). Теперь танцуют мтиулури. Ритм простой, но красота – как красота первоцвета весенних рощ. Только огонь. Только страсть. Только безумие. Радость первозданной земли. Первозданный ритм, вольный, сокрушающий все преграды. Пляшут одно и то же. Только теперь пляшут представители разных родов – каждый по-своему. Один род пляшет так, второй – иначе, третий – еще по-иному. Проявляется не только вся раса, но и порода каждого рода.

Арчибальд Мекеш смотрит на пляшущих – и ему вспоминается отец. Однажды отец устроил прием (что за день то был? Он не помнит). Пригласил избранных: знакомых и друзей. В тот день впервые одел черкеску. Стан высокий и тонкий. Плечи широкие, мощные. Лоб открытый и гордый. Глаза медовые – таящие страсть. Вспоминается отец: когда он сплясал первый круг леури... о, этот круг!.. Горделивость движений, тигриная поступь, отражающаяся в зеркале, которая нравится и самому тигру... Здесь лишь один из пляшущих обошел круг так... и Мекеш, задыхаясь от сдерживаемых слез, падает ничком на стол. Чалмоносец тихим шепотом:

– Что с вами?

– Мне что-то вспомнилось...

– Давайте пройдемся...

– Пора уходить...

Они встают. Прощаются с хозяевами. Шум прерывается. Просьбы: «останьтесь»... Кто-то ласкает Аллана. Таба-Табай и Мекеш топочатся. Поднимают последний тост. Их провожают до автомобиля. Арчибальд Мекеш едва владеет собой.

– Прощайте! До свиданья!

– Мы еще встретимся!

– Разумеется, встретимся!

Сазандари играет прощальную. Одна группа запекает походную. Арчибальд Мекеш и Таба-Табай усаживаются в автомобиль. Форд взрывает. Арчибальд в последний раз взглядывает на Макашвили. Форд мчится. Позади замирает песня – как воздетый клинок.

– Уже завечерело...

– Время пролетело незаметно.

– Грузинское застолье не знает времени.

– Какой красивый народ...

– Вы, верно, помните слова Шардэна о красоте грузин?..

– Кажется, и Персия знала цену этой красоте...

– Ярость персов объясняется красотой грузинских женщин...

Арчибальд Мекеш задумывается. Таба-Табай вновь возвращается к грузинам.

– Грузин создан для застолья.

– Вероятно, потому он тяготеет к лени... так говорят...

– Хм, о лени грузинской много говорят, это верно...

– Да...

– Но разве лень так уж плоха? Чтобы постигать мир, необходимо мечтать. Вы ведь помните слова Уайльда...

Арчибальд Мекеш помнит многое. Но сейчас он не в состоянии ничего вспомнить.

Женщина погружена в прошлое.

Больше она не видела его. Юноша точно исчез... Почему она сказала ему неправду?! Она и сама не знает... Дурман обмана был так сладок... Может, она хотела испытать его?.. Нет, нет, она не знает... Но как горько отрезвление от чар гашиша! Она проклинает тот день. Проклинает искус... Юноша будто исчез... В Париже? В Лондоне? В Риме? В Ницце? Нигде! Потом война – и оползни... пропасти... бездны... Расставания... исчезновения... утраты... И вот теперь – на перевале Султанбулах... Нет. То было не видение. То был не призрак. Среди тысячи мужчин она узнает его. Почему она не остановила автомобиль? Почему не выпрыгнула? Почему не обняла его? Ах, разве она знает, почему. Сердце женщины полно неожиданностей, в нем все – нежданно.

– Абгерм! – раздается голос шофера...

Вновь та же сцена:

– Нет, такого не знают...

Потом «Зиадэхан!»... И та же сцена... Не видали...

«Султанабад»... Не знают... Не видали...

Женщина приближается к Казвину...

Форд летит... Аллан подремывает. Таба-Табай глядит на восходящую луну: будто магнетизирует змею. Арчибальд Мекеш растворяется в пространстве – не видит ничего. Или слушает кого-то? На берегу реки осина. Река размыла берег и обнажила корни осины. Волна бьет о корни. Осина забывает о листьях. Забывает о ветках. Забывает о стволе. Чувства осины – в корнях, в обнаженных корнях... Арчибальд Мекеш глядит в безмолвное пространство и не видит ничего. Может, Арчибальд Мекеш ощущает обнаженные корни, когда их шевельнет принесенная волной коряга. Он словно бы стыдится наготы... точно девственница... Болят у него корни. И сладостна эта боль – значит, корни еще живы... Арчибальд Мекеш собирает всю волю: чтобы окровавленные корни не закричали, как разъяренные менады.

Аллан зевает. Форд натужно дышит. Таба-Табай глядит на беременную луну: словно взором магнетизирует змею. На Иранском плоскогорье – великий покой. Воздух чист, как кристалл на дне зеркально чистого ручья. Прохлада замшелых камней. Небо – как покрывало из индийского изумруда: покрывало безбрежное, безграничное. Звезды – как бриллианты величиной с яйцо, сердцевинки которых весело лопаются, и вся окрестность – огромная единая суть небывшего мифа, пробуждающегося от глубокого сна. Срывается звезда и очерчивает пурпурную борозду на голубином пространстве. Срывается вторая. Срывается третья. Настоящая звездная марула!¹ Велик покой Иранского плоскогорья. И этот покой взрывает разъяренный форд. Арчибальд Мекеш шепотом обращается к шоферу – боится спугнуть тишину, – чтобы он вел машину помедленней. Таба-Табай глядит на беременную луну и тихо бормочет:

– Руах элохим...

¹ Марула – скачки (груз.)

– Руах элохим?

– Повсюду руах элохим... повсюду...

Он будто молится – персиянин то ли – индус, то ли – египтянин... Рябое лицо обращено к луне. Арчибальд Мекеш удивленно смотрит на него.

– Вы ведь не еврей?

– Это почувствовал лишь иудей... – Таба-Табай указывает на небо.

Арчибальд молчит. Персиянин, то ли – индус, то ли – иудей говорит сам с собой, произнося обрывистые фразы:

– Целое и единое...

– Целое – но не собрание единичных, а – тело единичных.

– Единичное словно отделенное, выделенное из целого. Единичное с другими – словно растворившееся в целом...

Камень. Растение. Вода. Животное. Человек.

Все – в таком порядке и таким образом.

Одно создает другое. Другое – третье. Третье – четвертое.

И так – до скончания... пока круг не вернется к своему началу.

Страшный, опасный круг:

змея, кусающая собственный хвост.

Все создают друг друга. Удивительно...

А всех? Кто создает всех?!

Один. Великий. Безымянный.

Руах элохим: дыхание безыменного...

Тишина... Упадающая звезда спешит за упавшей звездой... Аллан поднимает массивную голову и лает. Лай уносится за звездами... Звезды пропадают. И лай замирает вдали...

– Ведь «элохим» – во множественном числе?

– Вот это и странно. В том-то и дело... Элохим: боги... Это больше, чем системы Европы.

Таба-Табай продолжает, как бы про себя:

– «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал, как один из Нас»¹. Из нас!... Элохим.

– Но ведь всех создаст «один»... А тут...

– Одни... Безусловно один... Безымянный... Но каждый созданный

¹ «Бытие», III, 22

– в создателе (мысль идет все вверх и вверх)... Каждый создатель сам – в созданном... (мысль идет ниже и ниже). Но и созданный больше создателя, и создатель больше сотворенного... То, что остается – вот странность и вот загадка (в сознании рождается «один»)... Да: Элохим – один, и вместе с тем – множество.

– Что есть этот – «один» – материя или дух?

– Это деление – аналитика Европы... «Один» – не материя и не дух... Или, вернее: и материя, и дух... Или еще вернее: стоит над – выше этого деления, членения: по ту сторону его...

– Безыменный... Непознаваемый... Непостижимый.

– Но к чему познавать? Нужно чувствовать.

– С этой точки зрения, я думаю, все системы правильны.

– Почти что...

– И материализм?

– Думаю, да...

Молчание. Покой. Иранское плоскогорье не знает и вздоха ветерка... Аллан дремлет: он не понимает метафизики. Порой он удивленно оглядывает окрестность. Может, все же он лучше понимает «Руах элохим»? Чутье у него острее... Тишину ничто не нарушает... Глаза Аллана – как раскаленные уголья (или звезды?). Персиянин, то ли индус, то ли египтянин беседует сам с собой – произносит обрывистые фразы.

Производящая сила космическая:

отец и сын – едины друг в друге.

Отец – один. Сын – отец и вместе с тем – «кто-то».

Отец: хребет мира.

Сын: отклонение...

Отец: необходимость... Сын: свобода...

Первый: судящий и проклинающий...

Второй: агрессивный и ненасытный...

Всюду: в камне и в растениях...

И в этой схватке – бытие мира...

И во всех отцах: единый отец... безыменный... Пауза... Арчибалду Мекешу трудно разобраться. Сложное учение... А объяснение?

– Учение не объясняется...

– А как же?..

- Ты сам должен его постигнуть...
- Но все же?
- Помните, как Иахве избрал Моисея?
- Когда Моисей из земли Мадиямской шел в Египет?
- Именно... В пути его настиг Иахве и хотел убить... Что сделала тогда жена Моисея?
- «Сепфора обрезала крайнюю плоть сына и, бросив к ногам его, сказала...»
- И что сказала при этом Сепфора?
- Не помню...
- «Ты жених крови у меня»...¹
- А потом?
- Иахве отступил от Моисея...
- Не понимаю! Иахве – жених?!
- Знание – в этом.
- Какое знание?
- Обрезанная плоть сына возвращается к Иахве. В знак того, что он – часть Иахве. Производящая сила мужчины – сам Иахве и есть. Иахве семя и кровь. Отец творит Иахве в сыне...
- Поразительно...
- Здесь тайна раскрыта почти полностью.
- Это учение израильтян.
- Больше – египтян... Моисей был египтянин...
- Таба-Табай умолкает... как на краю пропасти: сказать еще больше – уже смертельно... Арчибальд Мекеш погружается в корни совершенно ошеломленный, растерянный. Порой мелькает странный профиль: затуманенные глаза таят страсть... На Иранском плоскогорье иранская тишина. В тишину падает шепот Арчибальда: «отец–отец»... – Таба-Табай при этих словах шевелится и возвращается вновь к тому же:
- Да: отец... Отец – это фамилия – дальний зов – как бы оклик сзади, вдогонку сыну. Сын – отклонение, он стремится в сторону... Будто хочет избежать чего-то, уберечься от чего-то. Отец – путь мироздания. В нем каждый элемент возвращается к целому. Путь сына – обходя-

¹ «Исход», IV, 25.

щий – пробующий – разрубающий... Блажен сын, возвращающийся в лоно отца... В этом – большая радость...

– Но ведь и сын является отцом по отношению к кому–нибудь?

– Безусловно!

– Но как же тогда?

– Я и его принимаю как отца... И сын является отцом кого-то! В бесконечном ряду я беру не только этого отца и того отца (он – отец с начала же!), но вообще «отца», который никогда не есть «сын» и в каждом «сыне» – суть «отец»... Руах элохим – дыхание всего сущего.

– Это туманно...

– Это потому, что на Западе не знают «отца». Там только «сын». Да и тот – отторгнутый, в отрыве. На Востоке Гамлет невозможен: отъятый от отца... Здесь и Фауст немислим – ищущий отца... У нас «сын» сначала же – в лоне «отца». Это не укладывается в голове Канта. Слова Сепфоры сильнее всего Гегеля...

Есть великая тишина Иранского плоскогорья. Воздух чист, как кристалл на дне зеркала прозрачного ручья. Прохлада замшелых камней. Небо – как покрывало из индийского изумруда: безбрежное, бесконечное. Звезды, точно бриллианты величиной с яйцо. Чьи сердцевины лопаются, ликуя. И вся окрестность – единое сущее из небывшего мифа, которое пробуждается от беспамятной дремы. Срывается одна звезда – и огненная борозда стремительным пурпуром прочерчивает синий простор. Срывается другая. Срывается третья. Целая звездная марула – скачки звезд. Пурпурные борозды исчезают во мраке и взор – их провожающий, им следующий – охватывает все пространство как незримую вечность, чья плоть – ушами, глазами, ртом это растение, тот камень, эта звезда, та трава.

Луна убывает.

Форд продвигается медленно. Аллан подремывает. Арчибальд Мекеш весь оголенные корни: как та осина на берегу реки. Таба-Табай молча созерцает небо: мириады звезд с мириадами глаз. Весь Иран: отраженный в огромном зеркале огромного египетского изумруда. Шофер тоже дремлет, что ли... Внезапно форд взревел (будто

бы рруууаааххх злооххиимм) – и накренился, склонился ко рву. Первым сошел Таба-Табай.

– Ничего... «отстранение и отклонение», – с улыбкой говорит до сих пор безмолвный шофер.

Аллан лает. Мекеш смеется.

– Нужно ли было доказывать сказанное... Мы – сыновья отклоняющиеся...

– Ха-ха-ха...

Веснушчатый рябой человек рассыпает улыбку, как лунные осколки... Мозолистые руки шофера ощупывают карбюратор. Нет, не поврежден...

Женщина въезжает в город через Хамаданские ворота. Луна и тут рассыпает фантазмы... Женщина направляется в пункт «Союза городов»... Расспросы... Нет, не видали... Затем обращается в «Лигу наций»... И там не видали... Затем «Красный Крест»... И там не знают. Затем комендатура... И там никаких вестей!.. Не приезжал... Не приходил... Она чувствует себя разбитой. Едет на квартиру. Войти в свою комнату или нет? Нет, лучше избежать расспросов сестер милосердия. Она бродит по улицам, как раненая пантера...

Бульвар в Казвине – широкая улица... По сторонам гигантские платаны... В лунных лучах – тысячи призраков... На верхушках платанов стаи воронов... Персиянин не убивает ворона (может быть потому, что ассонанс: «корани» – «куруани»¹, – подумает грузинский стихотворец. Но нет: ворон – священная птица). Стаи воронов на верхушках тысячелетних платанов... Среди лунных призраков – призраки еще более причудливые.

Женщина входит в отель. В один... в другой... Спрашивает... «Нет, такого не было»... «не приезжал»... Вороны кричат над ее головой... Это что еще за наваждение?! Послать им проклятье?.. Нет, нет, ворон в Персии – неприкосновенная птица... Женщина подходит к высокому помосту – что-то вроде эстрады... Здесь персияне музыкой встреча-

¹ Игра слов: корани – ворон, курани – коран (груз.)

ют солнце... здесь персияне музыкой провожают солнце. И на завтра встретят его... и послезавтра проводят... и на следующий год и через год снова... Но что скажут эти встречи и проводы маленькому сердцу, которое, как озябшая птичка, трепещет во вздымающейся груди женщины? И что скажет восход или заход самого солнца этому маленькому сердцу?.. Все потеряно!.. Все...

Слезы подступают... Но эта женщина – дочь новой, молодой расы. На ее родине когда-то скифы делали чаши из вражеских черепов и из этих диковинных сосудов пили чуждое, странное вино... Ее родина и поныне – бескрайние степи... По бескрайним степям и поныне с рыжим ржаньем мчится дикий жеребец. Кто укротит, кто объездит его? Кровь Ольги Балашовой поднимается. Она расправляет плечи.

Город отходит ко сну. Только кое-где еще по плоским кровлям расхаживают юноши... Наверное, истомленные дневным зноем, ждут лунной прохлады. Женщина бредет, как сомнамбула. Мысли прожигают мозг. Куда же он делся? Куда исчез? А вдруг разбился?! Внезапно вспоминается песня, которую она услышала близ Абгерма... Не свернул ли он туда? Нет, не может быть. Что нужно там Арчибальду Мекешу! Но надежда хватается и за невозможное. И все же догадка эта сомнительна. Нет... Женщина взбудоражена и измученна... Она проклинает тот день в Лозанне. Проклинает шепот... Проклинает себя... Почему она солгала ему? Почему сама же возвела преграды? Не потому ли, что любит их преодолевать?! На ее родине часто бывает – помчится вскачь степная кобылица, серая, цвета свинца – и в ее ржанье – опасность бескрайних просторов...

Из дальнего сада слышится пение... Женщина прислушивается... Пение обрывается... Теперь кто-то играет на тари... Нужно привить своему телу иранское солнце... Нужно увидеть обожженные солнцем голые скалы... Нужно оглохнуть и задохнуться от тишины. Нужно перейти, перелиться в прошлое... Только после всего этого поймешь голос тари... В нем – испеление сердца... В нем – само сердце: выпрыгнувшее, выскочившее и кровью пролившееся на жгучий песок... В нем тоска... Только тоска... Все отдыхает. Только сердце не отдыхает. Но есть миг, когда и сердце замирает, останавливается, как зачарованная птица... И нет тогда воздуха... Нет дыхания... Свет – свет! – кричали глаза Гёте. Сердце Ольги тоже порой останавливается – ра-

ненное сердце менады... О, какой острой тоской пронзает ее сердце голос тари... Он влечет ее сердце куда-то вдаль, в мир видений или волшебства... Рвет на части... Треплет... Расшвыривает по клочкам... Но сердце все же не умирает... Бедное, оно продолжает трепетать... О, как же сладостен первый удар сердца в тот миг, когда оно оживает!.. Женщина слушает тари... Теперь звукам тари сопутствует песня... Это не песня – это плач... это рыдание... это крик... это вопль... Вокруг никого... Тополя, взметнувшиеся ввысь, как эфесы мечей. Луна ткет нити прозрачных сетей... Город спит. Временами стаи воронов перелетают с дерева на дерево... Человек, раненный любовью, кричит – рыдает – плачет... А может, неясить это, поющая устами человека... Женщина слушает ее пение и душит рыдания в горле. Ей хочется заплакать, ее останавливает только лишь ярость. Ей хочется кричать, горестно кричать, как менада, бросившаяся за Дионисом, но она знает: крик погубит ее, что-то – или кто-то останавливает ее...

По окрестностям Казвина мчит обезумевший форд. Аллан внезапно вскакивает. Навостряет уши. Лает остервенело. Наметанный глаз заметит, как по телу дога пробегает дрожь. Форд приближается к голому холму. Оттуда доносится вой. Аллан едва не выпрыгивает. Вой усиливается. Мекеш выхватывает кольт. Аллан лает еще яростнее. Вой ужасен. Волки или шакалы? Что им надо в эту пору? Форд поравнялся с холмом. Волки или шакалы образовали круг. Здрава мордыверху, смотрят на луну и непрерывно, протяжно воют. Грянул выстрел. Таба-Табай удерживает Аллана. Высокий лай Аллана несется вслед грохоту выстрела. Вой смолкает. Разбежались они, что ли. Форд оставляет холм позади. Вой раздается вновь. Шофер прибавляет ходу. Вой замирает. Таба-Табай погружается в нирвану. Арчибальд Мекеш смотрит на луну. Аллан разочек взлаивает на луну и головой утыкается в колени Мекеша. Издалека опять доносится что-то похожее на вой. Таба-Табай треплет рукой Аллана по голове.

- Собака тоже волчьего племени...
- Или волк собачьего племени...
- И волк, и собака лают на луну.

- Удивительно это.
- Когда кто-нибудь умирает, собака начинает выть.
- Да, я слышал об этом... Но почему?
- Чует запах трупа...
- В умирающем?..
- Да. Потому боятся воя собаки.
- Но при чем тут луна?
- Луна – мертвое тело, труп... вернее – знак трупа...
- Как это?!
- Луна светит благодаря солнцу, луна – мертвая планета.
- И потому собаки лают на луну?
- На этот труп воют и волки.
- Поразительно...
- У них космический нюх.
- А-а-а... Теперь я понимаю...
- Что вы понимаете?
- Молитву фессалийских колдуний...
- Которую приводит Ориген?
- Да!
- Как это у него?
- «Я пришла в ад! Пришла на землю, пришла! Небесная Геката! Богиня великих дорог и перекрестков! Ты, идущая в ночи! Ты – дающая свет! Ты – ненавидящая свет! Ты друг и соучастница ночи! Ты – радующаяся лаю собак и пролитой крови! Блуждающая по могилам среди призраков. Ты – алкающая крови и несущая ужасы смертным! Бомбо! Горго! Многоликая луна! Будь благосклонной сопутчицей во время принесения жертвы...»
- Жуткая молитва... скорее заклинание. Примечательно: луна – дающая свет и – ненавидящая свет. Здесь ее знак. Вы видите: фессалийские колдуньи знали: луна радуется лаю собак... Да!.. Луна – мертвая планета.
- Арчибальд Мекеш все смотрит на луну. Мысли роятся вокруг нее. Что есть – того нет. Луна тень этого «нет». Призрак... Второй лик... Дыхание смерти – ее цвет и ее настроение... Знак смерти: труп... учуять запах трупа... лай... ужасающий. Страшный... Может, прав этот человек – рябой, веснушчатый, персиянин – то ли индус – то ли египтянин...

Луна ведь меланхолична. Но почему же так любят ее поэты? Не потому ли, что предчувствуют испепеление любви? Почему воспевают ее поэты?.. Вероятно, потому, что предчувствуют аромат смерти... Неожиданно от сонма поэтов отделяется тень Жюль Лафорга... Мекеш видит: он с упорством собак лает на луну... Арчибальд Мекеш уже не воспринимает сидящего рядом... Его губы шепчут:

– Лает... лает...

– Кто?!

– Жюль Лафорг!..

– Кто он?

– Поэт Франции!

– Что его мучило?

– Чахотка и Апокалипсис...

– Я же вам сказал!

– Что?!

– Что луна – планетарный знак трупа. Хотя она и имеет аромат.

Поэт обладал космическим чутьем...

Форд разъярен. Тишина Иранского плоскогорья заглушает все... В мириадах звезд, в мириадах глаз, в фантазмах луны – Иран со своим сверкающим небом словно огромным морем – которое, по словам Гомера, «не знает сбора винограда» – море зеркал египетского изумруда. Все двоится. И сама луна на ущербе. Среди мириад призраков мелькнет порой вдали тень женщины с глазами цвета ящерицы...

Неужели она?! Нет... Откуда ей здесь взяться! Верно, лунная пороша... Но отчего так сладостно даже видение?..

Куда он исчез? Куда провалился? Или это был призрак? Нет! То был он. Мысли буравят мозг. Куда, куда он исчез?.. Внезапно в памяти всплывает чалма... Ага, несомненно, то был персиянин... Может с ним он и заехал куда-нибудь?.. Сердце ищет надежду: даже на краю пропасти – пока не изойдет кровью. Вот верстовой столп. Отсюда от-

крывается дорога на Хамадан. Она выходит за город – из города. Не знает куда, не знает – зачем... Шоссе пестрит лунными призраками... Женщина видит: перед нею – юноша... высокий... глаза серые с голубизной... нос прямой с орлиной горбинкой. Волосы черные, разделенные на прямой пробор... Лицо спокойное и черты лица твердые. Вся фигура – сдержанная страсть. Безмолвный, стоит он перед женщиной. К чему слова? Весь он – слово, укрощающее стихию...

– Знаю без слов...

Юноша вздрагивает при звуке ее голоса.

Вспоминает женщина... или это происходит сейчас...

– И я... Я тоже люблю тебя...

Женский крик рассекает замороженные лунной просторы, как полет сказочной птицы.

Глаза женщины расширяются... Сердце расколосось на две жаждущие горсти. Если не прольется в него живой поток, сердце разобьется о землю, как трепетный птенец...

Женщина кричит. Крик разбивается...

Впереди – собачий лай... Мчится автомобиль...

Женщина цепенеет. Ждет. Собачий лай нарастает...

Автомобиль приближается.

Шофер замедляет ход...

Персиянин – то ли индус – то ли египтянин сбрасывает флегму.

Мекеш всматривается вперед, приподнявшись на сиденье.

Аллан лает. Автомобиль останавливается.

Арчибальд выпрыгивает.

– Ольга!

– Арчи...

Аллан лает на женщину.

КАШАНСКИЙ КОВЕР

... un baiser ma tûrait si la bauté n'était la mort...

Малларме, «Иродиада»

Лавки. Прилавки. Ларьки.

Словно шатры или ковчеги.

Проходы узкие и извилистые.

Лавки без конца.

Огромнейший муравейник. Карнавал тысяченожек.

Небосвод лишь проглядывает изредка: лавки будто заслонены большим зонтиком. Солнца боятся.

Казвинский базар скорее лабиринт. Войти легко. А выйти? Но кому нужно выйти?! И зачем!

Глазу любо опьянение.

То же, что в Хамадане – (или еще изобильнее?).

Изюм. Оливки. Миндаль. Фундук. Орех.

Фисташки сырые и фисташки жареные.

Хурма. Ахджанабад. Шербет.

Курага – «tosmachms»: «солнечное яйцо».

Крупный ширазский гранат: откусывают, сосут – пурпур разливается по губам.

Ткани бесчисленные: шелка, шелка – и парча разная.

Вакханалия красок и оттенков.

Чаши. Кувшины керамические. Кувшины медные.

Расписные. Чеканные.

Позумент. Шнуры крученого шелка. Тесьма. Галуны. Канитель серебряная и золотая.

Ковры. Паласы. Циновки. Полсти, кошмы.
Хоросанские клинки. Сабли Шах-Аббаса.
Мечи. Щиты. Кольчуги. Стрелы. Луки.
Седла. Ремни. Уздечки. Подпруги.
Тысячи и десятки тысяч разных разновидностей.
Персидское резюме изделий.
Там и сям – лаваш: точно свежесоленные шкуры.

Арчибальд Мекеш рассматривает лавки.

От столбика к столбику протянута веревочка. Большой сундук. Подле сундука меняла сидит. Потянет веревочку сюда, потянет обратно. В сундуке деньги всевозможные, различнейшие. Серебро и золото. Сундук укрыт занавесками. Старинные серебряные монеты – пластины. Их не разменивали – их отдавали целиком. Мелкие монеты – «шах» – с просверленной дырочкой – нанизаны на шнурок. Глаза менялы устремлены, на них, как на волшебные четки.

Рядом навьюченный осел.

Серебром и златом навьючен?..

Разве не могут украсть? Вору отсекут руку. Мекеш останавливается возле одной из лавок.

Сидят антиквары. Тотчас узнаешь иудейские профили. Если посмотреть сзади – бросаются в глаза, уши: желтовато-вялые, как грибопенок. Это – персидские евреи.

Где не встретишь евреев!

Вездесущность Бога способны постигнуть лишь евреи.

Они сидят перед ящиками. В ящиках – драгоценные камни во множестве.

Один из торговцев полирует жемчужины – словно Барух д'Эспиноза, шлифовщик алмазов.

Он тоже философски смотрит на драгоценность.

Сначала Мекешу (как каждому вновь пришедшему) протягивают саблю: обязательно.

Сабля Шах-Аббаса: обязательно.

Шах-Аббас сам был саблей разящей. Достоинство сабли в Персии

измеряется именем Шах-Аббаса. Это лучше всех чувствует, вероятно, грузин.

Сталь хоросанская: это тоже «обязательно».

Мекеш проверяет клинок.

А «Барух Спиноза» – тот, что полирует жемчужины – маленькими глазками рассматривает незнакомца: может он заплатит много или нет.

«Может», – улыбаются наметанные глаза.

Барух открывает ящик. Теперь радуются губы. «Мерварид»: плод света – жемчуг.

«Zemegoud»: изумруд. Безусловно египетский?! «Ишэд ширак»: ночной факел – лал.

Арчибальд Мекеш не выдерживает ни улыбки маленьких глаз, ни радости тонких губ. Да и кто выдержит?!

Покупает изумруд.

Барух потирает руки.

Приговаривает: «египетский! египетский!» Поодаль, в крохотной лавчонке, сидит маленький человечек и листает книгу. Книга точно обращена к Аллаху. Лицо маленького человечка – иероглиф, поросший мхом. Сухие пальцы двигаются почтительно и осторожно.

В углу – Коран в пестром кожаном переплете.

Тут же – «Гюлистан» Саади. «Шах-Намэ» Фирдоуси. Газели Хафиза. Множество других книг других поэтов.

От пожелтелых, заплесневелых страниц ароматы:

розы Ширази

соловья Ирана

пронзительной песни Вис и Рамина,

длинных ресниц

миндалевидных глаз.

Рядом миниатюры. На миниатюрах: целомудренная дева и влюбленный юноша. При нем – лук и стрелы. Фон – мелкие красные листочки на молодой траве цвета мха.

Арчибальду Мекешу слышится позвякивание бубенцов.

Он оглядывается – работают украшения для верблюдов.

Отливают бубенцы, выделяют поводья.

Как-то вдруг появляется и караваньеро – ведет верблюдов.

Головы химер глядят печальными человеческими глазами.
В глазах – растерянность.
Созерцающим пустыню претит лабиринт муравейника.
Караваньеро примеряет верблюдам бубенцы.
Сперва один. Потом другой. Проверяет тональность бубенцов на верблюжьей шее (караван музыкой одолевает пустыню).
Караваньеро тщательно подбирает бубенцы.
Головы химер покачиваются, как колышущиеся колосья.
Лавки наполняются фантастическими тенями.

Суета. Гомон. Вопли. Крики.
Кто-то продает то ли розовую воду, то ли розовое масло.
Чтобы получить один золотник розового масла необходимо несколько тысяч роз. Но ведь Шираз – огромный розовый сад.
Идут уличные плясуны. Останавливаются возле лавок, и начинается действие.
Поодаль – бой баранов: рыжего и черного.
Там же – скорпион и фаланга сражаются насмерть. Они внутри огненного кольца: чтобы ни один не смог убежать.
Фаланга скачет. Скорпион ползет за ней.
Фаланга останавливается перед чертой огня.
Скорпион бросается на нее и жалит. Фаланга издыхает.
Скорпион убегает. Но кругом – огненное кольцо.
Тогда скорпион взмахивает хвостом и вонзает ядовитое острие себе в голову.
Скорпион покончил с собой.
Страх взмывает над шумом.
Потом: опять суета и опять шум.
Шума не слышат только играющие в шахматы. Они словно погрузились в нирвану – смотрят зачарованно на шахматную доску.
Там же и продают шахматы.
Фигурки из кости. Фигурки иных шахмат из простой кости, иных – из слоновой. И все – различных форм, различных цветов. Чаще всего оттенки красного.

Рядом с игроками в шахматы торгуют перьями и бумагой. Переписчики переписывают прошения, сидя за низенькими столиками, – неподвижные, точно египетские скрибы (хороший почерк в Персии – богатство).

Шум. Гомон людской окутывает и объятых флегмой шахматистов, и скрибов с томными глазами.

Повсюду – «куллах»: персидские шапки.

Там и сям – «аттате»: чалма.

На ногах – «гиве»: белые облегающие сапоги тонкой кожи.

На теле – «аба»: плащ без рукавов. Цвета песка или вина, или – мха.

В толпе иногда промелькнет женщина.

На голове – «чадур» – длинное покрывало черное.

На лице – «рубенд» – белая вуаль прозрачная с дырочками для глаз.

Гомон нарастает. Толпа кружит.

В персидской массе время от времени попадают и чужеземцы: русские солдаты либо земгусары, либо – сестры милосердия.

Арчибальд Мекеш плутает в толпе.

Внезапно он останавливается. Видит: в углу некто разглядывает меч. Тот человек тоже взглядывает на него. Арчибальд вздрагивает. Они меряют друг друга глазами: словно борцы, которые нравятся друг другу. Мекеш опускает голову. Шум толпы нарастает. Незнакомый юноша куда-то исчезает.

Что творится с Мекешем?

Персидский базар порой рождает видения. Лучше возвратиться домой.

Дом глинобитный.

Серый куб, проржавленный солнцем.

Улица пыльная. Ограда высокая. И тоже глинобитная.

Калитка не ажурная: заглядывать во двор неприлично.

Никаких украшений снаружи.

В доме множество комнат. Почти каждая – с застекленной галереей. В середине – большая зала. В зале бассейн с фонтаном. Одна стена залы – стеклянная от пола до потолка. Стекла маленькие, разной формы, разноцветные: красные. Синие. Зеленые. Три камня господствуют в Персии: бирюза, лал, изумруд.

Залу продолжает широкая терраса. Терраса выходит в сад. Сад – как розарий. Из плодов больше всего вишня. Сад окружают тополя: тонкостанные стражи, устремленные ввысь.

Арчибальд Мекеш входит во двор словно одурманенный.

Перед глазами его – образ незнакомого юноши.

Мекеш занимает две комнаты. Комнаты завешаны кошмами. Кошмы ночью поднимают и днем опускают: ночью комната наполняется прохладой, днем укрыта от зноя. Комната хранит прохладу, как пещера. Вы выходите наружу – вас палит зной. Входите в комнату – словно в прохладный ручей окунаетесь.

Арчибальд Мекеш входит в комнату возбужденный.

Убранство простое. На стене ковер, на полу – ковер. На тахте – ковер. Полсти и шали. В углу – письменный стол.

На тахте восседает Таба-Табай и рассматривает меч.

– О-о, Арчибальд!

– Солнце да сияет вам, Таба-хан.

– Если будет воля Всевышнего...

На столе портрет отца... Лицо спокойное: сдерживаемая страсть.

Таба-Табай рассматривает меч. Бормочет:

– Сталь хоросанская...

– Должна быть хоросанская...

– Где вы его раздобыли?

– Мне завещал его отец.

– Старинный...

– Его выковали несколько столетий назад...

– Много жарких сердец охладил он, верно...

- Много.
- Сталь хоросанская...
- И причастился Хоросану...
- Кто??
- Меч.
- Причастился Хоросану?!
- Такова его участь...

Таба-Табай испытующе смотрит на Мекеша. Молчание: в этом случае – как неприкасаемая грань.

Кошма колышется: та, что снаружи занавешивает дверь. Просовывается сухошавая желтая рука. Вор, что ли?.. Нет: в Персии и ночь не соблазнит человека на воровство.

Завеса приподнимается на высоту одного алаби. Входящий, вероятно, опасается как бы в комнату не ворвался зной. Коши¹ он оставляет за порогом. На ногах остаются красные грубошерстные носки.

Вспугнутой тенью проходит по ковру. Через правую руку у него перекинут втрое сложенный ковер.

- Мир тебе, Хасан!
- Мир вам! Слава Аллаху!

Прикладывает к груди правую ладонь – точно дубовый лист плотный. Наклоняет голову. Хасан деликатен. Арчибальд встречает его приветливо:

- Как поживаешь, Хасан?
- Хорошо... слава Неодолимому...

Пришедший воздевает руку. Прямые длинные пальцы – словно газыри. Холеные ногти: удлинненные, подточенные, хной крашенные. Злобность ястребиного носа смягчают спокойные глаза. Длинная борода тоже выкрашена хной. Время от времени газыри пальцев прочесывают бороду.

- Принес обещанное?
- Вот!

И – точно на руке не ковер – младенец грудной, осторожно опускает его на пол и расстилает.

- Настоящий «кашан»...

¹ Коши – обувь без задников, распространенная на Ближнем Востоке и в Закавказье.

– Настоящий... – подтверждает Таба-Табай.
Хасан расправляет на полу ковер. Величина его – семь алаби на пять. Арчибальд и Таба-Табай опускаются на колени, рассматривают.

– Шелковый...

– О да, «хали ибришум»¹!..

Они встают. И снова смотрят на ковер.
Удивление: ковер необычного рисунка.
Хасан догадывается, чем они удивлены.

– Повесьте на стену... лучше видно будет.
Таба-Табай быстро вешает ковер на стену.
И опять они созерцают его в удивлении.

Зеленая, цвета квакши древесной, трава. Там и сям словно солнечные листья. Местами: крупные беловатые пятна. Посреди: стройная серна с профилем нежней луны и изящнейшим изгибом шеи. Рядом с ней: юная дева, застенчивая, томная, как луна. Левая рука ласкает шею серны, глаза устремлены куда-то... не юношу ли ожидают солнцеликого?.. Отрываешь глаз от серны и девы, и по обе стороны – двое юношей с луком и стрелами. Оба жаждут пленить деву?..

Таба-Табай наслаждается.
Арчибальд изумлен.

– Какая красота!..

– Шедевр!

Хасан стоит в стороне и улыбается. Так улыбается араб, когда на показ выводит жеребца необъезженного.

Таба-Табай оборачивается к Хасану:

– Хасан! Рассчитаемся завтра. Ковер оставишь.

– Хорошо, господин.

Хасан склоняет голову. Прощается. Уходит. Арчибальд не может отвести взор от ковра.

– Поразительно по сочетанию красок и оттенков.

– Такой ковер годами ткут...

– Как?

– Ткет целая семья. На это уходит два-три года. Кто-то один подбирает краски. Другой рисует узор. Третий создает композицию. Со-

¹ Ковер шелковый (перс.)

вещаются. Сочиняют. Творят.

– Словно нитками сказку рассказывают.

– А разве это не сказка? Взгляните еще раз!

И оба снова разглядывают ковер.

– Меня удивляет одно... Этот ковер не похож на другие.

Мекеш задумывается.

Таба-Табай продолжает:

– Персидский ковер обыкновенно пестрый...

– А этот: рисунок контурный...

– Как редкостная персидская миниатюра.

– Да, здесь определенная картина...

– На других коврах все больше торжество красок и линий...

– Там не увидишь ничего конкретного...

– Да, как видение, навеянное гашишем...

– Как цвета иранских скал...

– Иранские горы – видение гашиша...

– Персидский ковер – опьянение этих гор...

И снова молчание, снова созерцание...

Арчибальд Мекеш восхищен.

– Этот ковер – видение: врезавшийся в галлюцинацию, или – вырезанный из галлюцинации...

– Понимаю: такой ковер, вероятно, ткут иногда сами горы...

– Потому и столь редкостен такой ковер...

– Безусловно...

Снова любят, наслаждаются, пьют глазами красоту.

Потом приходит другой гость. За ним еще кто-то. Потом еще. И так – в течение целого дня.

Приносят: кто меч. Обязательно Шах-Аббаса.

Кто – медные чаши разнообразные.

Кто – персидскую парчу.

Кто – персидскую миниатюру.

Кто – перстень с геммой.

Кто – драгоценные камни: изумруд. Лал. Гиацинт. Бирюзу.

Кто – слоновую кость.
Кто – старинные монеты.
Кто – медальон.
И так – без конца...

Арчибальд Мекеш разглядывает каждую вещь. Искоса поглядывает на Таба-Табая. В его неподвижном взоре читает – какво достоинство каждой вещи. Покупает.

Солнце словно задерживает время. Остальное – ничто.
Остро одиночество в пору захода солнца.
Аллан растянулся на полу, притворяется спящим. Порой вздрагивает: сновидения, что ли.

Арчибальд Мекеш один.
В глазах его все еще – промельк тени незнакомого юноши.
Порой тень эта колыхнет одиночество.
Эту ли тень чувствует Аллан...

Арчибальд взглядывает на калитку.
Дог вскакивает и с лаем несется во двор.
Арчибальд выходит следом и останавливается на террасе.
В воротах сияние – Ольга. Она ласково встречает дога. Дог встает на задние лапы: словно хочет обнять шею красавицы.

Арчибальд наслаждается:

в эти секунды Ольга и вправду Диана Жана Гужона – стройная, тонкостанная. Она идет и несет в себе сладострастный жар Иранского плоскогорья. И сама она обожжена этим жаром. Шершавые листья солнца словно прошлись по ее груди и рукам.

Как зрелая полуденная нива, когда пробегает по ней ветерок – погибает, колышась, так медленно приближается к Арчибальду полное страсти тело женщины.

Он вводит ее в комнату.
На тахте кашанский ковер.

Ольга стягивает с головы белый плат и отбрасывает его в сторону.

Солнце и в волосах оставило свои горячие листья. Ольга останавливается перед ковром.

Шепотом – про себя:

– Какой красивый!..

– Это тебе...

Его слова обжигают ей плечи.

Женщина – как подкошенная – падает на тахту. Нога за ногу – так повисает на ветке налитая гроздь.

Юноша смотрит на женщину, обуреваемый желанием.

Видит: тело ее словно осколок океана. Океана, который не знает, что такое часть или доля. Тело – словно жемчуг океана, хранящий его шум.

Это тело распростерто на тахте.

Юноша видит: глаза расширяются, зрачков не видать. Вода «земрода» замутилась и затуманилась. Ноздри – как висок звериный, рассеченный надвое.

Юноша уже не видит – только вдыхает.

Ее грудь волнуется дыханием земли – когда растрескавшаяся от зноя, ждет она дождя. Или уже напоенная влагой, ждет, когда взрыхнет ее плуг.

Юноша садится на тахту.

Женщина замерла.

Юноша – надтреснутым голосом:

– Помнишь слова Иродиады у Малларме?

– Перед зеркалом?

– Да!

– Помню... Кажется, так:

*«Поцелуй убил бы меня,
если бы красота не была смертью».*

Губы говорят или тело?!

Теперь молчит и тело. Юноша вдыхает.

Звериный слух улавливает дальний шум.

То не шум ли океана, хранимый жемчужиной?

Тело женщины наливается страстью.

– Тебя поцелуй не убьет...

Женщина не слушает более. В объятиях юноши тело ее словно наполняется хлынувшим потоком женского естества всего ее пола.

Извиваются далекие инстинкты.

В глазах женщины – тысяча глаз:
все – затуманенные.
Аллан тихо рычит – ревность?
...На Иранском плоскогорье
солнце
запуталось в сетях...

КРОВЬ БОРЦА

Кровь есть жизнь и страх.

Грузинская поговорка

Арчибальд Мекеш приподымает завесу. Выходит на террасу. Таба-Табай ушел. Арчибальд ждет Ольгу. Смотрит в сад и думает: сердце этого сада открыто для Ольги. Мысль заканчивается улыбкой: лексикон влюбленных – наибеднейший.

Он смотрит на часы. Почему она не идет! Он нетерпелив...

Но его движения не проявляют нетерпения.

И это тоже унаследовано от отца.

Снова смотрит на часы. Ольга запаздывает. Вдруг стучит калитка. Сердце настораживается, но тут же сникает: солдат с запиской. От Ольги?!

Мекеш читает записку. Она не может прийти, ее не освободили. В словах скрытая тоска по свиданию. Хотя ведь только вчера она была здесь. Но влюбленные не знают «вчера».

Арчибальд Мекеш выходит в сад. Прогуливается.

Что это за песня?.. Арчибальд – сплошной слух. А-аа, опять та самая, которую он услышал возле Абгерма. Чуждая... и вроде бы знакомая: старинная грузинская песня.

Песня доносится из сада, что неподалеку от дома.

Арчибальд надевает шляпу. Идет, как сомнамбула.

В саду наскоро сооружены навесы. В их тени – накрытые столы. Кого только тут нет? «Союз городов», «Красный Крест», «Лига наций»,

«земгусары»¹ и сестры милосердия.

Праздник, что ли, какой.

Арчибальд усаживается за уединенный столик.

Осматривается.

Русские. Литовцы. Поляки. Греки. Осетины. Грузины. Армяне.

Больше всех – русские. Больше них – грузины. Больше грузин – армяне.

Профили: от Ассаргадона – до Карапета.

За одним столиком сидят грузины.

Пьют и пьют тосты.

– Слово Петридзе! – провозглашает тамада.

– Не Петридзе, а Петрици!² перекрывает тамаду чей-то иронический голос.

Вдруг кто-то третий, услышав «Петридзе» то ли «Петрици», вскакивает. Сухощавый человек бледнеет. Тонкий нос как бы заостряется, ноздри расширяются. Лицо – точно сычуг, которым заквашивают сыр. В стремящихся книзу уголках губ залегла печаль. На печаль, как на кончик шампура, нанизана странная улыбка. Волосы черные. Глаза налиты кровью и поблескивают – точно зрелый красный перец. Впалая грудь дышит, как осевшая крышка. Весь он дрожит, как в лихорадке. Сухощавый человек на первый взгляд будто жалок. Но он поднимается – и гордость пробегает по его, так похожему на сычуг, лицу.

И стоит он, как взведенный курок:

– Да, Петрици! Моя фамилия Петрици!

– Философ, верно?³ – поддевает его второй. Слог «са» особенно насмешлив.

– Оставь ты его, Бога ради, – шепчет второму третий.

– Не то если уж он заведется...

Кто-то, не выдерживая, смеется громко.

– Да, да, Петрици! Петрици! – повторяет сухощавый человек.

¹ Служащие Земгора: объединенный комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и Всероссийского союза городов (1915-1918 гг.)

² Один из известных старинных родов.

³ Иоанэ Петрици – известный грузинский философ (XI-XII вв.).

– Знаем, что ты Петрици... – теперь смеется еще кто-то.
– Не слишком ли много этого «трици»?! – бросает кто-то в сторону.
Смех перерастает в хохот.
– Это спросите у другого стола! – говорит кто-то, указывая на стол армян.

– Что-о-оо?!

Грубый вызов.

– Наш Петрици все твердит «трици»... Не вашего ли он племени, батано Чишмаритов?

Вскакивает коротышка, высокомерно задирает голову, причем, впечатление такое, будто голова эта пришита. Он расправляет плечи и принимает вызывающую позу. Нос нависает, как белый гриб, на носу пенсне. Сквозь пенсне видны выпученные глаза цвета черного инжира.

– Вы бросьте эти разговорчики!..

– Вам, может, фамилия не нравится, батано Чишмаритов¹? – не отстает грузинский стол.

Снова смех и хохот.

– С кем вы меня сравниваете, шалопаи?! – кричит рассвирепевший Петридзе.

– С кем тебя сравнивать, на что ты похож!.. – нападает на него Чишмаритов.

Шум. Переполох. Выпады с обеих сторон.

Персы-прислужники, точно ищейки, наблюдают за столами: если завяжется драка – как-нибудь спасти бутылки и тарелки.

Шум усиливается.

Петридзе выкрикивает какие-то имена.

Чишмаритов орет и вырывается из рук: пустите меня!

Арчибальд Мекеш оборачивается и смотрит в сторону. И видит приближается высокий молодой человек. «Это он!» – который мелькнул на базаре. Незнакомец, в свою очередь, задерживает на нем внимательный взгляд.

Раздаются возгласы: «Вамех! Вамех! Вамех!»

Вновь пришедший с улыбкой подходит к столам.

¹ Чишмаритов - фамилия вымышленная, от груз. слова «чешмаритеба» - истина. Здесь - как насмешка.

– Что тут у вас происходит?

– Ничего... Петрици и Чишмаритов повздорили.

Вамех оглядывает обоих. И обоих – беззлобно.

Столики успокаиваются.

Затем незнакомец подходит к Чишмаритову. Приветствует его.

Кладет ему руку на плечо. Вздвигнутый Чишмаритов стихает.

Вамех идет обратно к грузинскому столу.

– Что случилось, Серго? – спрашивает он Петридзе.

– Саргис, а не Серго!

Петридзе все еще горячится.

– Не Саргис, а Саркис!..

– Этого не доставало нашему «Трици»!¹..

Хохот. Гомон.

– Ах вы, мерзавцы, и имя мое коверкаете?! – кричит в запальчивости Петридзе.

Чишмаритов вскакивает снова, готовый к перепалке. Петридзе тоже готов к бою! Но пришедший подхватывает его, поднимает на руки и подкидывает, словно ребенка. Потом опускает на землю и расцеловывает.

Петридзе смягчается:

– Ну что ты за человек, Вамех!

И слезы выступают у него на глазах. Он умолкает, пристыженный.

Вамех подсаживается к столу.

И снова: тосты и песня.

Арчибальд Мекеш глаз не сводит с пришедшего:

тому лет двадцать семь. Как он ходит! – пластикой движений напоминает Аллана. Роста примерно такого же, как и Арчибальд. Галифе – на восточный лад. На ногах – желтые ботфорты. Такие ноги Арчибальд впервые увидел возле Абгерма. Бедра узкие. Тонкую талию подчеркивает френч, подогнанный под грузинскую одежду. Грудь широкая с

¹ Саргис – грузинская огласовка имени, Саркис – армянская. Здесь ассоциация: Саргис Мхаргдзелидзе – полководец Тамар. Окончание «трици» само по себе ничего не значит, но употреблено с насмешкой.

разлетом широких же плеч. Руки сильные и ловкие.

Пауза между тостом.

Внезапно Вамех взглядывает в сторону Арчибальда.

Взгляд Мекеша жесткий. Но почему он опустил голову?

Не выдержал? Нет...

Может быть, что-то другое.

Высокий лоб иберийский. Орлиный нос. Глаза: медового цвета с серым отливом. Губы: как у ребенка. Речь спокойная и уверенная.

Арчибальд Мекеш сдерживает дыхание. Вдруг он шевельнулся: глаза встретились с теми глазами – и он увидел промельк того пламени, который порой таится в золе...

И внезапно – тень!..

С уст Мекеша готово сорваться слово... слово, произнести которое может лишь только «сын».

Но – руки впиваются в стол и, готовое сорваться с уст, слово задышается непроизнесенным.

Или сам он задышается?

Теперь настораживается пришедший. Брови встрепнулись и губы дрогнули. Взглядом соперника меряет он чужестранца.

Песня! Песня!

А ну, азарпеша!

Тост за Вамехом!

Пируют. Кутят. Поют.

Лишь один человек не кутит и не пирует в этом саду.

Песня захватывает и другие столы.

За столом у армян – тари. Кто-то играет удивительно. Потом тари умолкает и кто-то другой берет дайру. Подкинув ее вверх, подносит к уху и вопит – поет баяти¹.

«Руставели больше уже нет у нас!

Встань, поднимись, Тамар-царица! Тебя оплакивает...»

¹ Жанр ближневосточной песни.

Внезапно вскакивает Петридзе:

– Кто спрашивает этого несчастного о Руставели... или о великой Тамар?! О, история!

Поющий умолкает.

Опять вызов: словно взведенный курок.

Вамех успокаивает Саргиса.

Противоположный стол тоже утихомиривается.

За грузинским столом громко провозглашают тост:

– Выпьем за то, что армянин в Персии по-грузински поет персидский баяти!

– Хорошее сочетание, клянусь твоей жизнью! – замечает кто-то.

Снова смех и снова хохот.

Чишмаритова не могут удержать. Он стучает рукой по столу и орет осипшим голосом:

– Это уже наглость! Это уже невозможно терпеть!..

Шум и угрожающие движения.

За армянским столом сидит какой-то косматый тип: то ли осетин, то ли мусульманин. Высокий, здоровый. С первого же взгляда видишь: в нем страшная сила. Лицо – точно морда овчарки, что сторожит овечью отару.

За грузинским столом не могут сдержать смех.

Косматый великан медленно поднимается и, точно сейчас залает, оглядывает грузинский стол. Глаза злые.

Со всех столиков сейчас смотрят на него.

В одном углу сидят женщины.

(Столкновение двоих обычно бывает яростнее, если наблюдает третий. Не будь третьего, столкновение вообще может и не произойти).

Осетин или мусульман медленно поводит плечами и с вызывающей насмешкой смотрит на грузинский стол.

Грузинский стол распаляется, как лошадь, только что выведенная из реки на солнцепек.

Возможно пауза этим и кончится?

Нет: глаз третий – подзадоривающий.

И с грузинского стола несется:

– А этому чучелу чего надобно?

Снова смех. Снова хохот.

Верзила вдруг стучает по столу кулачищем. Кулак – как рука боксера в кожаной перчатке. Стол с треском ломается и падает. Персы-прислужники стремглав бросаются спасать уцелевшие бутылки и тарелки.

Верзила орет, выкатив бешеные глаза:

– Ну я вас р-разделаю!..

Арчибальд Мекеш смотрит только на Вамеха.

Вамех окаменевший. Мускулы напряжены.

Петридзе вот-вот вскочит. Вамех его уже не останавливает. Почему? Он не знает. Какой-то зуд ощущает он в теле.

В это время раздается голос Петридзе:

– У сидящих за тем столом есть история. А ну, спросите эту овчарку, что за ним есть?

– К черту твою историю, и тебя заодно!.. – несется в ответ, верзила протягивает огромные руки: – Вот что у меня есть!

– Есть или нет – это еще вопрос!

– Голову вам размозжу вашей «историей»!..

– Что ж, попробуй!

– А вот и попробую! Или этот Вамех тебя защитит?

Пауза. Теперь уж должно что-то произойти.

«Некто» взглядом меряет Вамеха.

Вамех бровью не поведет. Берет яблоко, подкидывает. Пистолетный выстрел – яблоко разлетается на две половины. Вамех опять неподвижен. Лицо веселое. Но опытный глаз заметит, что веселость чересчур уж веселая.

Арчибальду нравится его стремительность и сдержанность.

А верзила не понимает.

– Он только фокусничать и умеет!

Вамех атакует его пронзительным взглядом. Весь напряжинуется. (Издали доносится осколок музыки).

– Прошу вас замолчать... – Вамех приподнялся, как гончая.

– Что? Замолчать?! – Но верзила не успевает закончить:

Вамех срывается с места и в мгновение ока вlepпляет верзиле мощную затрещину. Верзила рычит, как раненый медведь.

Схватка.

Атакует верзила. Образуется круг.

Вамех – как необъезженный арабский жеребец.

Замахнулся верзила – Вамех отскочил в сторону. Кулак просвистел мимо.

Замах силен чрезвычайно – потеряв равновесие, сам верзила покачнулся и растерялся. Вамех пользуется мигом замешательства. Атакует верзилу. Наносит удар сокрушительной силы.

Верзила ошалевает, глаза его мутнеют.

Арчибальд Мекеш смотрит на Вамеха:

Взор Вамеха ясен и пронзителен, как у сокола.

Волнение Арчибальда спадает.

За грузинским столом ликование.

Верзила впадает в ярость. Нападает вновь. Замахивается еще сильнее. Вамех отскакивает в сторону, и удар обрушивается на столб. Столб трескается, крыша строения прогибается.

Верзила пьянеет от собственной силы.

Злоба распяляет его. Кровь приливает к глазам.

Вамех наготове, как занесенная лапа тигра.

Ничто не ускользает от его взора.

(Что это за переполох? Один нападает на другого там же, рядом.

Почему? Никто не понял причины...)

Верзила задыхается от ярости.

Но надежды не теряет:

все равно в конце-то концов он одолеет противника.

Он бросается вперед, как несомое взбешенной рекой бревно, и налетает на противника со страшным ожесточением. Удар и на этот раз приходится мимо.

Сила замаха перетягивает замахнувшегося. Верзила едва удерживается на ногах.

В это время словно нарочно:

другая пара дерущихся врзается в круг верзилы и Вамеха. Случайно?

Верзила бросается в атаку. Вамех уворачивается от удара. Верзила снова атакует. Вамех бьет. Верзила снова пытается ударить, и снова Вамех отскакивает в сторону.

Но внезапно вторая пара дерущихся бросается под ноги Вамеху.

Вамех оступает и падает на одно колено. Верзила пользуется моментом. Он вот-вот нанесет сокрушающий удар... но френч чужеземца летит в сторону, и Арчибальд Мекеш стремительным прыжком как стальная пружина, бросается на верзилу.

Шум. Смятение.

Верзила теперь нападает на чужеземца – яростно, остервенело.

Но – великолепный удар боксера, и громадное бревно брякается наземь.

Переполох. Возгласы. Крики.

Вамех на ногах и готов продолжать бой.

Арчибальд Мекеш на его стороне.

Оба желают одного и того же: чтобы ни одни не оказался втянут в общую драку.

Переполох усиливается.

Кое-кто даже выхватывает револьвер.

Запах смерти веет невдалеке.

Но тут с громовым лаем мчится Аллан. Он видит своего хозяина окруженным и с наскака разрывает круг разъяренных противников. Сейчас он швырнет двоих-троих на землю – но хозяин окликает его: «Аллан!» Дог останавливается как вкопанный. Хотя и рычит свирепо.

Присутствующие разевают рты.

Никому не пришло в голову выстрелить в дога.

Арчибальд и Вамех меряют друг друга испытующим взглядом. В глазах – странная радость.

Чужеземец представляется:

– Арчибальд Мекеш.

ХАЛИБСКАЯ СТАЛЬ

Халибская сталь умеет распалиться.

Георгий Саакадзе

На террасе – прохлада.

Таба-Табай сидит – неподвижный, как змея на песке.

В гамаке – Ольга.

Саргис Петридзе рассматривает меч.

Арчибальд рисует Таба-Табая.

Персиянин, то ли индус, то ли египтянин, словно созерцает «Руах элохим». Нос. Губы. Борода. Во всем черты личности. И сам – личность; однажды на свет явленная. Все бытие – близкое и осязаемое. И все же – уходящее в далекую даль. Бытие, где-то отлитое или переплавленное.

В полдень, когда солнце ярится – конь кувиркается в знойной неподвижности.

Но Таба-Табай – не конь. Он – нечто иное. Человек и призрак. Личность и тень. Лицо и маска. От всего отстранившийся: быть может, для того, чтобы узреть Творца всего сущего.

«Руах элохим»: шепчет иногда про себя художник. Неподвижную маску колыхнут внезапно глаза цвета серы. Такие глаза останавливают змею на горячем песке.

Художник присматривается.

Он должен нарисовать портрет индивидуальный.

Но портрет должен быть отстранен от всего близкого. Задача сложная и почти невозможная. А невозможность распалает художника.

Работа становится интересной.

Художника охватывает азарт.

– Арчибальд, что было с тобой в саду? – слышит он голос Ольги, смягченный любовью. Хотя в ее улыбке и проскальзывает ирония.

– Я и сам не знаю...

– Как?!

– Ольга! Ты помнишь вечер в Лозанне?

– Помню!

– Что заставило сказать тебя это?
– Я и сама не знаю...
– Как так?..
– Будто во мне говорил кто-то другой...
– Теперь ты понимаешь, что со мной случилось?
– В какой-то степени...
– И во мне будто действовал кто-то другой.
«Во мне... кто-то другой»... слово найдено. Женщина скорее на-
ходит нужное слово. Художник бледнеет.
Саргис Петридзе все рассматривает меч.
Надпись на мече удивляет его.
– Господин Арчибальд! Откуда этот меч?
– Я купил его в Хамадане...
– А вы знаете, что на нем написано?
– Нет... не знаю...
– «Ирубакидзе»...
– Что-о?!
– Это фамилия древнегрузинского княжеского рода.
Арчибальд Мекеш бессмысленно уставился на палитру с красками.
– А как он попал в Хамадан? – спрашивает, приподнявшись, Ольга.
Саргис Петридзе вдохновляется:
– Казвин однажды был взят грузинами...
– Но Хамадан?
– И через Хамадан проходило грузинское войско на пути к Багдаду.
– Когда?
– Во времена монголов.
– Ирубакидзе... – повторяет про себя Таба-Табай.
Ольга обращается опять к Саргису Петридзе.
– Этот род и сейчас существует?
– После монголов его уж нет.
Арчибальд Мекеш глядит будто бы на Таба-Табая. Но его взгляд
устремлен в глубь веков.
Ольга не отстает от Петридзе:
– А что произошло с ним потом?
– Он разделился надвое: на Чолакашвили и Макашвили. Чолака и
Мака были братья.

– На какие фамилии он разделился? – язык едва повинуется Арчибальду Мекешу.

– На Чолакашвили и Макашвили.

– Вы часом не нездоровы ли, господин Арчибальд? – спрашивает его Таба-Табай.

– Нет... перемена настроения в процессе рисования дело обычное.

Художник продолжает работу. Хотя и чувствует, что сердце его – где-то далеко отсюда.

Теперь меч рассматривает Ольга.

– Красивый...

– Можно мне взглянуть? – это Таба-Табай.

Саргис Петридзе берет меч из рук Ольги и передает его Таба-Табая.

– Сталь хоросанская...

– Нет... сталь халибская, – возражает Петридзе.

– Халибская?.. А что это – халиб? – голос Мекеша, слегка взволнованный.

– Халибы – древнейшее грузинское племя. Это племя владело тайной выплавки стали. Халибам введена была особаяковка ее.

– Да... Я слышал... – шепчет как бы про себя персиянин – то ли индус – то ли египтянин.

– Какого века может быть он? – спрашивает Ольга.

– Двенадцатого.

– А по каким признакам?

– «Почерк» надписи. Такими буквами писали в двенадцатом веке. Великая Тамар тоже писала так. Поглядите на эти буквы: они переплетаются, как тонкие ножки саранчи.

Петридзе возвращает меч Ольге.

Ольга разглядывает его с большим вниманием.

Арчибальд Мекеш садится.

Слышится тихий голос Таба-Табая: «отдохните».

Аллан приближается к хозяину. Ласкается.

В ушах художника звучат лишь эти слова: «Ирубакидзе»... «Чолакашвили»... «Макашвили»... «халиб»... «Тамар Великая»... «двенадцатый век»... «нашествие монголов»...

Слова – как могучие противники...

Какой маленький и беспомощный перед этими словами крепковейный Арчибальд Мекеш!

Пауза. Ольга возвращает меч Саргису Петридзе.

– Вы влюблены в историю Грузии.

– Она обжигает и красива... потому.

– А у других не «обжигает и красива»?

Саргис Петридзе – сплошной пафос.

На высохшем растении порой остается росток. Растение – уже не растение. И не почва. Но на безжизненном стебле затерялся росток жизни. Для истории?.. Росток живет прошлым – минувшим.

Саргис Петридзе – пафос этого ростка.

Ольга повторяет свой вопрос:

– У других история не «обжигает и красива»?

– Нет.

Таба-Табай оживает. Разглядывает Петридзе – словно впервые видит.

Арчибальд Мекеш опустил голову. Боится посмотреть на Петридзе? Лицо маньяка, пылающее пафосом, и вправду страшно.

Ольга иронической улыбкой встречает его «нет».

Петридзе продолжает, хотя его никто не просит:

– Нет!.. Ну-ка укажите мне другую историю, такую же обжигающую и красивую?.. Из Малой Азии идет дева. Ее стан воспламенил бы многих юношей. Она презрела всех. Она несет учение Христа. Он, Христос, – ее незримый жених. Она идет, не ведая – куда. Идет, как по наитию, и приходит в Иберию. Иберийская земля утишает ее жар. Родник освежает тело. Деве полюбились виноградники. Она просвещает народ и дарует ему крест... Разве это не обжигающе, не прекрасно?

...Но – потерпите!..

...Может быть, такая обжигающая и такая прекрасная история произошла и в другом месте? Но существовала ли где-либо еще такая история?..

...Из обрезков лозы дева сотворяет крест. Крест у других народов либо каменный, либо железный, либо деревянный. Всегда сухой и бесплодный. Здесь же крест – из лозы. А ведь лоза есть лик: земли – почвы – жизни. У других народов крест – символ муки и наказания. У

нас крест – свет и радость.

...Но погодите! Это еще не все...

Дева перевязывает обрезки лозы прядью своих волос. Словно рану перевязала лозе – лозе, которая льет слезы. Крест, скрепленный прядью девичьих волос. Покажите мне образ более обжигающий и более прекрасный. Крест из ветвей лозы... А ведь волосы девы тоже символ: женственности – девичества – материнства.

...Нет! Крест других бесплоден. Наш крест – плодоносный и полный жизни.

...Тот крест и ныне покоится в тбилисском Сиони¹.

Лицо маньяка светится.

Сухой сычуг превращается в светоносца.

Гаснет улыбка Ольги.

Глаза Таба-Табая недвижны. Кажется, он хочет взором просверлить маньяка.

Арчибальд Мекеш ниже опускает голову. На руки наваливается страшная тяжесть. Он взволнован.

Пауза – невыносимая.

Петридзе окаменел. Взор устремлен вверх.

Таба-Табай обращается к нему – вкрадчиво, мягко:

– Если бы вы рассказали мне еще об этом... более пространно...

– Когда вам угодно!..

Пауза.

Арчибальд поглаживает Аллана.

Вдруг Аллан забеспокоился. Навостряет уши.

Выглядывают – по двору идет Вамех.

Аллан поднимается. Он готов залаять, но юноша ласкает его, и дог тотчас начинает ластиться к нему.

Мекеш встает. Идет навстречу. Вамех каждому пожимает руку,

¹ Патриарший собор.

Ольге – целует.

Мекеш попеременно смотрит то на дога, то на Вамеха. Будто сравнивает обоих. Удивительное сходство в движениях, в поступи. Биология, рафинированная тысячелетиями. Но удивительнее другое: дог не рычит на вошедшего, встречает его, как своего. Или чувствует в юноше непосредственность зверя?.. Ему, вероятно, все дается легко – Вамеху.

Он обращается к Саргису:

– Позавчерашняя история – твоя вина.

– В этом я никому не уступлю!

В голосе маньяка – детская серьезность.

– Ты просто помешался на исторических именах и фамилиях.

– История – это имя и фамилия. Я должен быть правым в истории.

Вне этого нет спасения.

Детская серьезность переходит в пламенный пафос.

Таба-Табай теперь удивленно смотрит на Петридзе.

– О-о, Саргис! Ты уже оправдан и в истории и всюду...

И двадцатисемилетний мужчина кладет руку на плечо сорокалетнему.

Арчибальд Мекеш наблюдает. Ирония? Нет. Дерзость? Нет! Фамильярность? Нет. Может быть, маньяк чувствует это? Нет, напротив: маньяк смягчается и глаза, сверкающие раскаленными угольями, влажнеют.

Вамех смеется.

– Я уверен – он рассказывал вам о Грузии.

Улыбка – Мекеша, Ольги, Таба-Табая.

– Держу пари: рассказывал и о кресте из лозы.

Улыбка исчезает.

Мекеш смотрит на него. Насмешка? Нет. Охлаждение пафоса хладнокровием? Нет. Может быть, маньяк это чувствует? Нет.

Саргис произносит тихим голосом:

– Ты все должен высмеять...

– Нет... нет, мой Саргис!..

И двадцатисемилетний мужчина похлопывает по спине сорокалетнего маньяка.

Последний еще более размягчается.

Мекеш изумлен.

Вамех обращается теперь к Ольге – радушно, приветливо:

– Как поживаете?

– А вы? Когда ждете вызова?

– От кого?

– Да от этого...

– От овчарки?

– Да, да!

Вамех смеется.

– Ха-ха-ха! Мы уже помирились!

– Как?!

Удивлены все, кроме Петридзе.

– Мы и покутили вместе. Бедняга: он, правда, овчарка, но – не кусается. Славный парень. У него доброе сердце...

Вамех треплет по голове Аллана:

– Если бы не он, один из нас был бы мертв.

Мекеш опять сравнивает дога и юношу. Звериная непосредственность в обоих. Нет, такие вправду могут так помириться.

Таба-Табай размышляет вслух:

– Вы хорошо поступили.

Саргис опять рассматривает меч.

Вамех замечает меч и вмиг загорается:

Подходит к Саргису. Берет у него из рук меч.

Упирает острие меча в пол, сгибает. И – резко отпускает. Сталь звенит. «Отличный звон», – говорит он.

Затем вытягивает руку, держа меч горизонтально. Прищурив один глаз, смотрит вдоль лезвия.

– Как стрела, – говорит он.

Затем, держа эфес правой рукой, левой берется за кончик острия и сгибает его пополам. Резко отпускает правую руку – и сталь выпрямляется, как натянутая струна.

Потом зажимает в зубах кончик острия. Раскачивает меч туда и сюда. В его глазах – блеск стали.

Потом отходит в сторону, тренированной рукой со страшной силой взмахивает мечом. Слышен звук рассекаемого воздуха и звон стали.

– Вот это да! – произносит он восторженно.

Так араб осматривает скакуна иноземной породы.

Мекеш думает: «Доброму коню – такой вот всадник».

Вамех все любит мечом.

Ольга нарушает его сосредоточенность:

– Нравится?

– Великолепный!

– Дарю вам! – раздаётся голос Арчибальда.

Вамех вдруг смутился, оробел. Двадцатисемилетний мужчина превратился в семилетнего ребенка. Сник. Опустил голову.

– Примите этот дар на память!

– Благодарю!.. – выговаривает с трудом, сдерживаемой тайной радостью. Вертит меч в руках.

– Он очень подходит вам.

Это Ольга старается разрядить напряженность.

– Вашего врага рассеку надвое!

Уверенность возвращается к Вамеху. Теперь он поигрывает мечом с присущей ему непринужденностью.

Пауза.

Петридзе встает, собирается уходить.

– Господин Мекеш! Урок по грузинскому языку завтра должен быть готов. Я суровый учитель.

– «Суровый»?!

Вамех раздражается смехом.

– Добрый... – корректирует Мекеш.

Вамех продолжает:

– Эгей, Саргис! Не Ирахшанда ли тебя ждет?

Таба-Табай при звуке этого имени оживает.

Саргис слегка обижен:

– Вечно ты со своими шутками...

– Прости меня, Саргис... это у меня так получилось... ну ты же знаешь.

– Знаю... У тебя все получается «так»...

Вамех обнимает Саргиса, поднимает, как ребенка. Потом ставит на землю и целует.

Саргис тает. И уходит с опущенной головой. Его радость всегда со слезами.

– Хороший человек бедняга Саргис...

Слова Вамеха словно бы провожают Саргиса.

Таба-Табай встает. Проходит в комнату.

Вамех – за ним.

Таба-Табай созерцает ковер.

Вамех замечает на столе портрет. Берет его в руки. Вглядывается.

Бледнеет.

И с поразительной поспешностью – входящему в двери Мекешу:

– Господин Арчибальд! Чей это портрет?

– Это один грузинский князь...

– Его фамилия?!

– Я не знаю...

– Откуда он у вас?

– Мне завещал отец... вероятно, это был его друг...

Вамех смотрит ему прямо в глаза – словно противнику.

Воля и взгляд Мекеша тверды. Но он чувствует: взгляда Вамеха ему не выдержать. Взгляд Вамеха сильнее? Нет. Мекеш знает единственный взгляд наисильнейший: это взгляд Таба-Табая. Холодны и пронзительны его глаза.

А в этих глазах – тепло и спокойствия. Словно глядишь в исток ручья.

И Мекеш обманывает эти глаза.

Как же не замутишься истоку ручья?!

– Друг? Отца?! – с каким-то сомнением переспрашивает Вамех и снова смотрит на него в упор. В его взоре в глубине искорка недоверия.

Мекеш улавливает это. Теряется, опускает голову.

С террасы доносится голос Ольги. Арчибальд выходит.

Таба-Табай все созерцает ковер.

Вамех не сводит взор с портрета.

Арчибальд – возвращается.

– Вас спрашивает солдат, – говорит он Вамеху.

Все трое выходят.

У перил террасы навтыжку стоит солдат.

Вамех обращается к нему:

– Готово?

– Готово!

- Сколько?
- Четыре.
- Все арабские?
- Так точно, арабские!
- Зачем вам столько лошадей? – спрашивает Ольга.
- Мы должны прогуляться.
- Кто «мы»?
- Мы все.

Арчибальд удивлен. Он чувствует, что этому человеку никто не сможет отказать.

Все соглашаются. И уходят.

– Одну секунду!..

Вамех возвращается в комнату и опять берет в руки портрет.

ИРУБАКИДЗЕ

Арчибальд Мекеш лежит. В головах сидит Ольга. Она проводит рукой по его лбу. Кольцо на безымянном пальце. В кольце – огромный, с бычий глаз, изумруд. На изумруде – профиль римлянки.

Ольга чувствует необычное состояние юноши. Она обнажает грудь – две упругие розы Ширази. В древности ваятель с таких грудей отливал жертвенные чаши. Юноша горячими устами прикается к чашам: утолить жажду? Но странное настроение подавляет его, и он снова опускает голову на подушку, слегка раздраженный.

Женщина угадывает его дурное расположение. Целует в лоб и уходит. Лучше пусть побудет в одиночестве, – думает она. Но, может быть, в женщине «женское» (только лишь «женское»!) ощутило неясную боль. Ольга сама не может разобраться.

Мысли юноши сплавляются в единый металл. Этот металл – «отец». Не время, и не пространство. Не какой-либо предмет. И не Ольга. Не Вамех. И не Таба-Табай. Никто и ничто не занимает его. Все существо заполнилось цельным металлом. Этот металл есть «отец».

Юноша встает. Проходит в угол комнаты. Открывает чемодан. Извлекает ларец – матово-красный. На ларец наклеен кусок плотного

пергамента. На пергаменте по-английски написано:

«Открой ларец тогда, когда,
как металлом, будешь исполнен единой мыслью».

Юноша изучает ларец. Сколько раз брал он его в руки?! В Лондоне. В Париже. В Лозанне. На средиземноморском берегу, на вилле Уорвоора. В Хамадане. Нигде не осмелился открыть. Неужели «это» выпадет на долю Казвина?

Невольно он оборачивается к столу. Оттуда на него глядят светлоглазые глаза отца. И глаза эти велят: открой. Решительным движением он раскрывает ларец. Внутри – толстый пакет. На нем по-грузински написано: «Ирубакидзе».

Юноша читает фамилию, и вспоминается ему халибская сталь. Он разворачивает пакет. Множество пергаментных рукописей. Почерки разные. Преобладает один: твердый и четкий.

Он читает. Мало что понимает. И стоит, как в забытьи. Он растерян. Входит Саргис Петридзе.

Арчибальд Мекеш не дает ему даже поздороваться:

– Господин Саргис! Я хочу поверить вам тайну. Уверен – вы ее сохраните.

– Клянусь крестом Святой Нино, Богоматерью Хахульской, памятью Тамар, переломленным мечом Саакадзе!

– Клятва не нужна! Видите пергамент? Скажите мне, что в нем.

– Позвольте-ка!

Глаза Саргиса загораются. При виде желтого пергамента он и сам словно желтеет. Он зрит древнегрузинский шрифт, и «пафос уцелевшего ростка» вспыхивает вновь. Читает сперва молча, про себя. Затем вслух – Мекешу. Лицо-сычуг загорается пророческим огнем.

«575 год от Рождества Христова. Месяц июль. Преставился князь Ирубак Ирубакидзе. Род его вышел из Халдеи. Слово «Ирубак» – халдейского корня. Должно обозначать «древесный сук». Именно – дерева дзелквы. Сам князь никому о том не рассказывал. Лишь немногие знали: сук этот – огонь дерева. Порой взъярится кряжистый сук – и загорится. Дерево сгорает и испепеляется. Огонь, вспыхнувший в нем, не перекидывается на другие деревья. Князь сложения был могучего. Глаза его были прекрасны. Нос – орлиный. Лоб – открытый и высокий. Губы тонкие и прямые: девические и вместе с тем

– жесткие. Глаза – черноты змеи, в воде таящейся. Глядел – в сторону. На человека взирал сбоку, искоса: мимо него – подозрительным взглядом. Был просвещенный. Знал тайные учения. В частности – Моисея и Пифагора. Любил более Моисея. Был горяч духом и нежен сердцем: как и Моисей. Знал языки: еврейский и греческий. Любил более еврейский. Говаривал часто: к Господу только на еврейском и можно обращаться. Улыбки его не видали годами. Но если улыбался – озарял все вокруг, дитяте уподоблялся. Слез на его глазах никто не видел. Но рассказывали: случалось, ребятишки в щелочку заглядывали в его комнату. И видели: плачет князь. Такое бывало в пору великой радости. Слагал князь стихи. Воспевал Моисея. Говаривал не однажды: «нет зрелища, светлее Синая. Нет страсти более пылкой, чем та, что разбила скрижали заповедей. Нет страдания народа сильнее, чем сорок лет скитаний по пустыне. Нет проклятия, страшнее проклятия Израиля. Нет предвидения, прозорливее завета Мессии. Часто вспоминал он ярость Моисея и проклятие: «Израиль изменил своему Богу – и да развеется он четырьмя ветрами небесными». И добавлял: «перед смертью смягчилось сердце Моисея, и сказал он: Взгляните на Израиль! Когда придет время, вечность явит вам пророка, мне подобного. В уста его вложит слово, и он возвестит вам все, что велит ему вечность». Под конец и смерть его вспоминал и говаривал: «нет печали острее, чем печаль от невозможности узреть землю обетованную. Нет человека более одинокого. Нет смерти страшнее: Моисей словно исчез». Стихи князь читал вслух. Некоторые и сейчас помнят наизусть отрывки: записей не сохранилось. Любил багряных кобылиц, приведенных из пустыни. Если охватывал его гнев, садился в седло и мчался прочь – боялся собственной горячности. Человек он был добрый. Ненавидел ложь. Посреди груди было у него родимое пятно: отметина солнца. «Фамильное клеймо», – говорил он. Любил цвета: желтый – синий – красный. Больше – желтый. Любил квакшу древесную, что после дождя, взобравшись на дерево, славит Господа своим криком-кваканьем. Любил созерцать, как рогатая змея снимает рубашку на горячем речном песке. Любил большой полдень. Но и боялся его. Умер в час, когда солнце останавливается – медлит над головой: уснул под огромным дубом».

Арчибальд переводит дыхание.

– Второе... –

звучит его голос.

Саргис читает:

«Во времена св. Григола Хандзтэли жил некто Ирубакидзе. По имени Радаме. Муж сложения могучего. Горячий. Сокрушавший все преграды. Жену имел красавицу. Однажды преследовали его враги. Радаме и жена его на конях неслись во весь опор. Жена была тяжела. И вот уж невольно ей более мчаться. «Убей меня!» – говорит она мужу. «Что ты!» – отвечает тот. «Лучше мне умереть, чем оказаться в руках врагов». «Но что потом?!» – «Ты спасешься». Радаме колеблется. Слышен дальний топот копыт. Муж выхватывает кинжал, поражает ее и, раненую, бросает в реку. Мчится дальше. Враги продолжают преследование. Но он спасся. Проходит время. Радаме докладывают: рана жены была несмертельной, рыбаки спасли ее. Возрадовался Радаме. Устроил пир на берегу Черного моря. Приезжает жена. Увидев ее, Радаме вскрикивает страшно (ведь предал ее однажды!). Чует сердцем – рок настиг его. Вскрикивает на белого жеребца. Проносья мимо жены, на скаку кидает ей кольцо. Бросается вместе с жеребцом в волны и погибает. Жена ошеломлена сперва, потом, опомнившись, бросается вслед за ним»...

– Повремените немного...

Арчибальд не в силах сдержать волнение.

Саргис раскален.

– Теперь читайте другое...

Саргис читает.

«Во время чумы пришел в Иберию св. отец Иованэ – монах со Св. Афона. И узрел на родине зависть, недоверие, распри. Уязвилась душа его. Говорят – и проклятие сорвалось с уст. И отправился он обратно на Афон. Там узнал: в Испании тоже есть грузины. Поехал он повидать их. Прознал про то некий князь Ирубакидзе. Отправился тоже в Испанию. Возжелал облобызать стопы св. Иованэ. Дорогой узнал, что отец Иованэ с середины пути возвратился обратно. Но Ирубакидзе охватила неодолимая жажда увидеть Испанию. Отправился туда. И потом лишь поехал на Афон. В Грузию не вернулся...»

Арчибальд Мекеш задыхается.

Саргису Петридзе изменяет голос.

С трепетом берет он другой пергамент.

Читает:

«У некоего князя Ирубакидзе была кобылица багряная, присланная в дар из пустыни. Князь горяч был и горд. Хотя душою нежен и кроток. На кобылице, кроме него никто не ездил. Случилось так, что сама великая Тамар попросила у него лошадь. Князь побледнел лицом. Никто не понял: от радости или от огорчения. Отослал ей кобылицу. На другой день привели ее назад. Передали князю благодарность Тамар. Князь побледнел. Никто не понял, с веселья то или от гнева. Отправил кобылицу с посланными обратно. Удивилась Тамар. Велела передать князю: как принять мне это – как подарок или как непочтительность. Князь ответил: как решит твое сердце...»

С Арчибальда Мекеша спадает тяжесть.

По лицу Саргиса Петридзе крадется улыбка.

Он берет следующий пергамент.

Читает:

«Год 1250. Месяц вина¹. Случилось удивительное: Грузию полонили монголы. Все покорились им. Не покорился только Карду Большой: потомок великого князя Ирубака Ирубакидзе. Карду был другом Саргиса Джакели Цихисджварели. В его княжестве покоился крест из лозы. Монголы подступили к княжеству. Карду оказал сопротивление. На сторону Карду перешел военачальник монголов. Говорят, понравилась ему Лалла – дева, посвященная Св. Нино. Монголы пуще разъярились. Осатанел Мангу-хан. Изувечил изменившего военачальника. Гиммир, сын Карду, пропал. Изменник выдал тайну Тасис-кари². Карду разгневался страшно. Снялось все княжество. Идут неведомо куда. Подошли к пропасти. Карду закричал отчаянно. Его слезы увидел маленький ребенок. Он убегает и находит святой крест из лозы. Приносит крест беглецам. Все дивятся. И вдруг – на глазах зазеленела, зацвела лоза, и вот, гроздь на кресте!.. Вострепетали беглецы в небесном восторге. И видится им въявь: Гиммир скачет к ним на

¹ Месяц вина - октябрь древнегруз. календаря.

² Тасис-кари - совр. Ташикари, местность между Хашури и Боржомом, имевшая стратегическое значение.

багряном коне. Вскрикивают и в проп...»

– Не продолжайте!

Кричит Арчибальд Мекеш.

Саргис, весь дрожа:

– Только приписка...

– Читайте.

Он читает.

«На груди Карду, посреди, – пятно: знак солнца. Ребенок Лаллы – от Карду. Гиммир не погиб. Ныне зовут его Лашари»...

Молчание. Пустота.

Арчибальд Мекеш словно поражен солнечным ударом.

Саргис Петридзе глядит полными слез глазами.

Руки его дрожат.

Полчаса проходит в безмолвии. Потом Арчибальд поворачивается и без слов, жестом велит Саргису читать другой пергамент.

Саргис берет рукопись. Читает.

«В XIV веке жил некий князь Ирубакидзе. Муж горячий и добросердечный. Обликом и нравом похожий на того, старого Ирубакидзе. Писал стихи. Сохранилось одно из них – «Наложница Ирубакидзе». Любил князь Моисея и Пифагора. На груди, посередине, у него было родимое пятно: отметина солнца. Говаривал князь: род его – от семени солнца: горячий, как солнце, светлый, как солнце, яростный, как солнце, правдивый, как солнце. Когда почувствовал князь приближение смерти, вышел на балкон. С балкона открывалась бескрайняя долина. Иссиня-зеленое озеро плескалось в той долине. Заходящее солнце проливало пурпурные лучи в темнеющие глубины озера. Ирубакидзе учуял смерть свою и со стены вдруг упал меч. Раскололась надвое халибская сталь. Ирубакидзе ощутил нечто странное – будто в нем переломился хребет рода. Перед смертью в бескрайний простор выкрикнул страшные слова – слова халдейские: «огнь оплодотворяющий». И в мгновения те в конюшне вздыбилась красная кобылица. Оборвала привязь и выбежала вон. Видит князь, что лошадь разгорячена и знает – погибнет она. За кобылицей помчалась наложница князя: черкешенка, медноволосая красавица. Заарканила ее. Вскочила на неоседланную кобылицу и поскакала к реке. Поле льет на нее иссиня-зеленый свет, солнце – багрец. А распушенные волосы ее медные – точно след

падающей звезды. Видит это Ирубакидзе – и наслаждается последним своим зрелищем. Настанет время – в веках будут петь меня! – восклицает он.

Медноволосая вместе с кобылицей разбиваются в пропасти. Ирубакидзе падает, сраженный...»

– Не продолжайте! – кричит Арчибальд Мекеш.

Саргис – весь дрожа:

– Всего лишь приписка.

– Читайте.

Саргис читает: «было у Ирубакидзе два сына: Мака и Чолака»...

– Повторите!

– Мака и Чолака.

– Мака и Чолака...

– Вы помните, я говорил уж вам: от них пошли Макашвили и Чолокашвили.

– Макашвили...

Что-то вскрикнуло в памяти Арчибальда.

Молчание. Пустота.

Арчибальд Мекеш – словно пораженный солнечным ударом,

Саргис Петридзе горячечными глазами ловит видения.

Руки его дрожат.

Проходит в безмолвии полчаса – или более.

Арчибальд спрашивает:

– Неужели не сохранилось стихов?

– Они должны быть здесь.

Саргис ищет. Находит.

– Читайте.

Саргис читает:

Влажная трава льнет к твоему телу,

Прозрачное платье высвечивает твои бедра,

И высокой упругой грудью

Ты скользишь по зеленым полям,

Холеным ногтем ковырнешь початок –

И початок молочный

К груди твоей ластится...

Целует тебя шершавый лист кукурузы,
Твое тело налито солнцем и страстью,
И, как пантера,
Ты ищешь любовника,
Который
тебя
укротит...
Вижу тебя и знаю; в мышцах твоих –
Семена моей страсти.
Я к тебе потянусь... отвернешься,
Разбитая жаждой звериной,
И убежишь...
За тобой устремлюсь...
Белые колени зовут –
Я твоя, я твоя, приходи же в объятия!
Догоню. Твои бедра пылают...
Я схвачу тебя на руки
И швырну на большую давилню –
Чтобы телом твоим раздавить
Тяжелые зрелые гроздья...
Но глаза – но глаза –
О, глаза!..
В них неверность волны и стремительность ящерицы!
Тысяча женщин, и все – прелюбодейки!
Если ты гуляющая девка бесстыжая,
Жаждешь юношей чуждых и чуждых –
Ты – не моя. Ты – ничья.
Хотя никогда не отказываешь.
Знай: твою волю сломлю,
Выпью залпом вино янтарное
И волос твоих рыжими волнами
Привяжу тебя крепко
К хвосту кобылицы...
Но глаза – но глаза –
О, глаза!
И вот ты Мадонна – святая, пречистая!

Что мне делать с тобой, наложница ненасытная?!
Тихая и сладостная,
Стелешься предо мной.
Чтобы снова стали мы парой.
Улыбкой эламеянки, как вуалью, меня обовьешь...
Я смягчусь, и остынет мой гнев.
Как клинок, вознесу тебя к солнцу, клинок Ирубакидзе.
И еще раз тебя,
Замершую гроздь,
Поцелуями
Исполосую...

Арчибальд Мекеш переводит дух.
Саргис Петридзе оживляется:
– А это что еще за тетрадь?
– Это новая тетрадь...
Арчибальд узнает почерк отца.
– Читайте...
Саргис читает.
Арчибальд – сплошной страх.

«Я, Тамаз Макашвили, беглец из Грузии. Пишу последнее слово. Я тоже Ирубакидзе. Наш род в этом столетии обосновался в Кахети, в Икалто. Тяжкий недуг поразил его – эпилепсия и помрачение рассудка. Отец мой переселился в Имерети, близ Саирме. Несчастье последовало за ним и туда. И умер он, достигнутый злым недугом. Моя мать скончалась в родах. Четыре брата и три сестры моих умерли. Из них: один брат пал в схватке с врагом, второй сорвался в пропасть вместе с лошадей. Одну из сестер убил муж, другую свел в могилу наш недуг. Сам я потерял троих сыновей и двоих дочерей. И моя жена тоже погибла в родах – дав жизнь сыну. Вот я один, с четырехлетним сыном на руках. Вырождение подступило ко мне. Я продал отчее име-

ние, оставив за собой лишь дом со двором и церковью. Отправился в Европу. Там я учился в юности. Был у меня друг тех времен – лорд К-рт. Сына я забрал с собой. Имя его – Арчил – я изменил на «Арчибальда». Фамилию мою – «Макаши», как меня называли, изменил на «Мекеш». Печаль и здесь терзала меня. Печаль неизъяснимая. Затосковал я по Грузии. Захотел вернуться. Но не решился. И, в конце концов, поручил сына другу – он позаботится о нем. Я же отправляюсь в Басконию – Страну Басков. Если поправлюсь – поведу сына. Гложет меня тоска по Грузии. Сердце вспоминает прекрасную Н...»

Оба неподвижны. Оба – в слезах.

– А это что?!

Саргис берет небольшой сверток.

Развязывает его. Внутри – пласт земли.

– Покидающие Грузию увозили с собой частицу ее земли.

Саргис убегает, взволнованный.

Что утишит рыдания Арчибальда!..

ОГОНЬ ПЫЛАЮЩИЙ

Есть огонь пылающий...

Халдейский сказ

Сегодня он не может работать над портретом.

На западе – большие ворота города, каменные. Ребятишки гонят стадо. Стадо медленно движется и несет с собой наполненность, умиротворенность.

Арчибальд Мекеш идет на прогулку.

Созерцает стадо. Он и сам наполнен, как это стадо.

Но умиротворенность?..

Огонь тает под золой. Это лишь снаружи – зола и пепел. Удивительно имя огня – «Ирубакидзе».

Память клеймят незнакомые слова и деяния:

Ярость Радаме. Переселение в Испанию. Гордость – и любовь к

светлой Тамар. Экстаз Карду. На всем этом отметины умиротворения
Большого Ирубакидзе и крика Ирубакидзе последнего.

В характере: пылкость – и нежность. Горение и одержимость.

И всюду – «отец».

Чье имя огненными подковами обжигает мозг.

Такие горячие подковы были, верно, у коня Тэмур-ленга.

Он проходит мимо дворца Сипа-салари.

Сегодня в этом дворце больница «Союза городов».

Просторный двухэтажный дом каменный, окруженный садом. Во-
круг, на квадратную версту: высокая ограда глинобитная. В ограде
– аллея взметнувшихся в небо тополей.

Он проходит мимо калитки.

И из калитки выходит Вамех.

Аллан бежит к нему, как к любимому другу. И друг отвечает ла-
ской.

Приветствия.

Арчибальд улыбается ему. Впервые бросается в глаза высокий от-
крытый лоб. И – облачко пробегает по его лицу, будто увидел он нечто
необычное. Облачко огорчения или...

Вамех чувствует, что его рассматривают. Смущается и опускает
голову.

Они выходят за городские ворота. Молчание.

– Где в Грузии находится Саирме?

– На склонах гор Персати.

– Горы Персати...

(Не вспомнилось ли ему что-то?)

– Это между Имерети и Мегрелией.

(Не вспомнилось ли, как ребенком смотрел он с холма?..)

– А где вы слышали про Саирме?

– Я слышал в Европе... от одного грузина.

Вамех смотрит на него с легким недоверием.

Арчибальд напряжен.

– Саирме – моя родная сторона.

– Ваша родная сторона?

(Отчего удивление столь сурово?)

Взор Вамеха зорок: ничто не ускользнет от него.

– Да, то – мои края... Моя деревня на тех склонах.
Молчание. Арчибальд собирает волю в кулак.
– Красивый край?
– Красивейший!
Опять молчание. (Или – мысли: и тут и там?)
– Из моей деревни отличный вид на бескрайнюю Рионскую долину...
– Рионская...
(Не видал ли сам он Риони?)
Сомнения Вамеха усиливаются.
Они продолжают путь.
Арчибальд натягивает волю – как лук.
– Красивое имя «Нино».
(С чего бы это? Вроде бы ни с того ни с сего...)
Вамех – настороженно:
– Почему вы вспомнили это имя?
– Я думал о кресте из лозы.
– Верно, Саргис вам рассказывал...
– Да...
Вамех смягчается.
– Есть еще какое-нибудь грузинское ими, кроме «Нино», которое бы начиналось на «эн»?
(Это еще что? Вамех смотрит на него с легким недоумением).
– Или, может, есть такое же, как Нино, из четырех букв?
(Что он привязался?) Вамех удивлен.
Арчибальд сдерживает дрожь. Но молчание еще невыносимее.
– Какое красивое имя...
– Мою мать зовут Нино...
– Нино? Вашу мать?!
(Почему удивление столь остро?)
– Сейчас не вспомню...
Вамех – недоверчиво:
– Да, так зовут мою мать.
Только теперь он взглянул в глаза Вамеху:
Вамех все такой же – непосредственность, первозданная земля.
Арчибальд устыдился. Опустил голову.
Вамех слегка напряжен: дитячье сердце ревниво.

Опять молчание и опять неловкость.

Вамех взглядывает вперед. В стороне фруктовый сад. Вамех обнажает меч и бежит. И, словно перед ним атакующий враг, – обрушивает удары на толстые, с запястье толщиной, ветви. Каждый взмах – срубленная ветвь: одна, вторая, третья, четвертая, пятая...

Арчибальд смотрит на него. Теперь – с удовольствием.

Стан тонкий. Запястье литое. Плечи могучие. Глаза: не мечут ли ирубакидзевский огонь?..

«Это он», – думает Арчибальд.

Память обжигают последние слова отца:

«сердце вспоминает прекрасную «Н...»

Вамех будто обезумел: не унимается.

Арчибальд приближается к нему.

– Силу испытываете?

– Нет: халибскую сталь.

– В вас могучий огонь...

– Сталь крепка и остра... – и он с удовольствием смотрит на обнаженный клинок.

Вкладывает в ножны. Успокаивается.

Опять молчание.

– Вы слышали о Понте?

– Это Черное море?

– Да!

– Конечно!

– Вы напоминаете мне Понт.

– То есть как это?..

– Вот послушайте. Однажды, давным-давно, на восточный берег Понта высадились мореплаватели. В краю том жили амазонки. Они полонили пришельцев. Каждого привязали к яслям. Амазонки хотели продать их скифам. Но – вспыхнула любовь между пришельцем и амазонкой. Она, умолила сестру – царицу амазонок – не продавать пленников. Чужеземцы остались у амазонок, научились их языку. Поведали ним удивительные истории. Поведали и об острове, мимо которого проплывали. На том острове – большой храм, в храме хранится сокровище. Моряки умели строить корабли. А край амазонок славился корабельным лесом. Построили они корабли. Взяли на корабли коней

и вышли в море. Подплыли к тому острову. Амазонки велели морякам срубить деревья, что росли вокруг храма. Принялись рубить деревья. Но топоры бумерангом отскакивали от могучих стволов. Тогда амазонки на конях ворвались в храм. Внезапно появился Ахиллес (то был его храм). Лошади обезумели от страха. Они сбросили всадниц, стали топтать их копытами. Гривы их вздыбились и уши взметнулись кверху. Затоптали они амазонок. Распотрошили их и стали пожирать. Пьяные от крови, кони понеслись на край острова. Увидели морскую гладь, но приняли ее за сушу и ринулись в море. Поднялся ураган. Корабли столкнулись друг с другом и разбились... Так повествует нам Филострат в своем «Heroicus»-е...

Арчибальд с улыбкой глядит на Вамеха.

– Страшная страсть, правда?

– Страсть великая... но я...

– Мне вспомнилась эта страсть, когда вы рубили ветки. Такие рождались только в краю амазонок. Вы очень горячий...

– В Саирме и нынче много корабельного леса...

– Но на побережье Черного моря нет более амазонок...

– Ведь мы-то есть!.. – Словно вырвалось у юноши – он смутился.

– Вы есть, и халибская сталь – ваша...

Арчибальд улыбается. Тяжесть спадает с Вамеха.

Он берет меч. Размахивает ею. Звенит в воздухе сталь.

Опускает меч. Взглядом скользит по острию: «Прямое, как натянутая струна».

Вкладывает в ножны.

Подымает глаза – кто это идет?!

Перед ним – грузинский солдат.

– Привезли Петридзе. Он болен...

– Что с ним?

– Не знаю... Только кричит все: «я – Саргис Цихисджварели».

– Бедняга!..

Вамех убегает: он забыл и об амазонках, и о страсти.

«Саргис Джакели-Цихисджварели» – ага-а, это было написано на пергаменте, – думает Арчибальд.

Неужели огонь перекинулся на него?

Издали он смотрит на идущего Вамеха:

Это «он»: непосредственный – огненный – пылающий.

Но маньяк: Саргис Цихисджварели?!

И мозг снова прожигают те горячие подковы...

«Огонь пылающий» древних халдеев – вот где, наверное, сердцевина. Горение отдаленное. Отстранение от всякого предмета – от всякой сути – от всякого явления. И от собственного «я». Нырять и утопать – в ширь и в глубь поднебесья ли – преисподней ли... Библейское солнцестояние великое... Неподвижность листка... Оцепенение и окаменение: таяние и расплавление. Утрата «личного». Исчезновение всякого «одного» и видение «единого», которое в каждом как «отец» творящий – производящий: вдувающий душу и движущий.

Ага-а, вот где разгадка египетского профиля и египетского стиля! Там подлинный взор «огня пылающего». Потому его профиль столь неподвижен и столь устремлен вдаль. Лицо – мумия. Окаменение всего, ибо взор – в вечность перешедший останавливается. Пирамиды. Пещеры. Кладбища. Мумии. Менахпты. Рамзесы – Радамесы. Камни – камни – камни. Неподвижность во всем. Безжизненность?! Смерть?! Нет: видение горного живого – и расширение зрачков. Видение смерти – и оцепенение взгляда. Окаменение глаза, в коем – огонь пылающий.

И при этом какая мощь и какая крепость!..

Арчибальду вспоминается:

В одном из музеев Константинополя – два саркофага почти рядом. Один – эллинский, другой – египетский. Один из мрамора: светлый и с изящно высеченными фигурами. Но – мягок и тускл, как и сам белый мрамор. Другой каменный. Нет, не понять: каменный – железный – чугунный – бронзовый – или еще какой. Мнится: то ли камень чугунный, то ли железо каменное. Зеленоватый – цвета мха, – тронутый солнцем. Форма – голова гигантской змеи. Его не сокрушить и земной катастрофе – такой он монолитный и мощный.

А впечатление?

Эллинский саркофаг: смерть – словно игра и жизнь.

Египетский же – страх и тайна.

Арчибальд идет. Будто ведет его кто-то.

Теперь опять те предки.

Их тоже, наверное, снедал тот же огонь.

Им тоже, верно, были ведомы распаление и умиротворение.

Он приближается к дому.

Порой маячит перед ним тень Таба-Табая:

ведь он тоже неподвижный и окаменевший. Истинный египтянин.

Но в египетском профиле – личный характер... Для портрета...

...и на террасе встречается ему женщина...

Существует предание. Однажды вечером в Кротоне, подле могилы Прозерпины, великий Пифагор посвящал учеников в тайное учение. Внезапно в ноги ему упала дева. Прекрасное тело, божественно стройное... Грудь вздымает желание. Голубоокая и строгая. Пифагор видит: достаточно легкого прикосновения – и дева изольется, изойдет страстью. «Превышний! Великий! Спаси меня от любви: которая испепеляет душу и снедает тело!» И еще раз окидывает ее взором. Заглядывает ей в глаза и читает в них вечное соединение. То была дева Тэано. Она стала женой Пифагора. Шестьдесят лет было тогда Пифагору.

...Арчибальду Мекешу едва половина его лет.

Перед ним Ольга. Как дева Тэано...

Такой напряженной молодой человек ее не видел. Здесь огонь.

Но не «тот», пылающий в сердцевине.

А – обрушившийся на берег.

Здесь сам берег, который вот-вот затопит река.

Средоточие всего бытия в одном: одни глаза. Один взгляд. Одно сердце. Одно биение. Берег и рот. Рот и лик. Конкретность: вот что есть в этот миг и навеки исчезнет в следующий миг.

Майя¹: до последнего движения... Ее глаз и ее часы.

Волна: которую выпьешь ли? – (и горсти не удержишь).

Ага-а... думает Арчибальд...

Это другой огонь: личный...

И профиль Египта личный...

Итак – два огня: для портрета...

Ольга укладывается в гамак.

Входит Таба-Табай.

Видит Арчибальд: лицо египетское будто вдальеке. Но мерцание

¹ Майя - в греческой мифологии нимфа гор, отождествлялась с италийской богиней Майей, покровительницей плодородной земли.

глаз цвета серы?!

Здесь словно и одно и другое: «тот» и «этот».

– Я увидел...

Как бы про себя произносит Арчибальд.

Таба-Табай – с удивлением:

– Что вы увидели?

– Тайну египетского портрета.

– Огонь пылающий и затаенный, верно?

– И еще иной огонь...

Таба-Табай улыбается, рассыпая лунные шербинки. Аллан потягивается, лежа перед гамаком.

Ольга замерла.

ИРАХШАНДА

– Земля!..

– Что за земля?!

– Саргис умирает!

– Умирает?!

– Просит землю...

– Какую землю?

– Землю...

Арчибальд бросается к чемодану. Откидывает крышку. Вынимает ларец. Раскрывает его, достает из него узелок. Развязывает. Извлекает горсточку земли. Завязывает узелок. Закрывает ларец.

Ольга в удивлении, что ли?..

У Арчибальда в горсти – земля.

Они идут. Бегут.

Тонкий нос еще более заострился.

Серые глаза горят угольями. Такие уголья могут тлеть в пустыне. Губы изогнуты скорбно. На скорбь нанизана ирония. Впалая грудь еще больше запала. Дышит, как кузнечный мех.

На руках можно перечесть суставы и жилы.
Выпученные глаза ни на кого не глядят.
Такие глаза «некто» увидел на боярышнике в Месопотамии.
Губы говорят сами с собой:
«Рама»: первый творящий. – И мы – от первого. «Амон-Ра».
«Амои» – амо («поднимись» по-грузински). Аамо («чтобы ты доставил
ему удовольствие»). Аман («этот»).

«Ра» – что. Какое-нибудь. Какое-либо...

«Рама»: нечто.

О, грузинский язык! В тебе первое: «он» – он, она, тот ...

«Ра» – что». «Что» повсюду: Рама и Амон-Ра. Но это «что» в инду-
истском «Рама» и в египетском Амон-Ра...

Я есмь – «вар», ты еси – «хар», он есть «арис». Всюду – Ра.

«Арс» – есть. «Арси» – суть. «Аре» – пространство. «Маре» –
окрест. «Гаре» – внешний.

Кто сказал, что в грузинском нет «гайст» – «дух»? Есть: «ари». Я
сказал это – Петрици.

Нет: я, Саргис Джакели Цихисджварели.

Глаза-уголья полыхнули вбок:

– Где Вамех?

– Придет сию минуту...

– Он покинул меня...

– Нет! Сию минуту он будет здесь!..

Глаза внезапно ожигают Арчибальда.

– А-а. Арчибальд... нет, Арчил...

Арчибальд меняется в лице.

– Не бойтесь, я не выдам тайну... Лицо Арчибальда заливает блед-
ность.

– Хотя «Арчил» лучше, чем Арчибальд... Арчибальд ощущает глаза
маньяка в своем сердце.

Его испугало, что тайна может быть раскрыта?

Больше его испугало другое. Он знает по опыту:
умирающий в последние минуты становится ясновидящим.

Он натягивает волю, как натягивают лук. С благоговением подает
Саргису горсть земли.

Иссохшее тело резко приподнимается:

– О, земля! Грузинская земля!
Земля, испепелившаяся на сердце Ирубакидзе! Ирубакидзе Карду
был другом Саргиса Джакели-Цихисджварели!
Я Саргис! Саргис Джакели-Цихисджварели! Грузии изменили все
князя. Не изменил одни лишь Цихисджварели.
Я – Цихисджварели Саргис.

Руки – кости. Кости берут горсть земли и кладут на увядшую грудь.
Глаза отстраняются от живых – там находящихся.
Глаза глядят в пустыню.
В пустыне горят уголья.
Уголья истекают слезами.
О, родник! Орешниковый родник!.. Мама! Сидония! Мама!.. Ты
несешь воду? Я хочу пить, мама! Дай мне напиться воды!.. Да, из
кувшина, из кувшина... Освежи мне грудь... я горю... не упади, мама!
Я помогу тебе! Я понесу кувшин!.. Отчего ты плачешь?! Мама! Твои
груды высохли? Твои волосы побелели?.. Мама!.. Наш бык Нисла пьет
воду...
Слезы не щадят и другие глаза...
Дверь отворяется. Входит Вамех. С ним женщина. На голове белое
покрывало. Не сестра ли милосердия? Новая сестра милосердия...
Внезапно она сбрасывает покрывало.
Так из-за туч вдруг засияет луна.
Но глаза! Сверкание ночного неба Ирана.
Она останавливается, побледневшая. Это всего лишь миг.
В следующий миг она стремительно срывается с места.
Устремляется мимо Ольги – они почти одного роста и бросается к
постели. Склоняется над лежащим.левой рукой приподнимает одеяло,
правой касается его ног. «Холодные!» И некая обреченность про-
низывает все ее тело.
Высохшая голова чуть приподнимается.
Губы кричат:
– Ирахшанда!
– Сайригхи! Сайригхи!

Рыдание. Голова Ирахшанды припадает ко впалой груди.

Вамех стоит подле.

– Вамех!

– Саргис!

– Не оставляй меня!

– Разве я не с тобой?! Чего ты боишься?

– Дай мне меч.

Вамех подает меч. Кости-руки становятся стальными: вертят меч, ощупывают. Глаза – теперь чуть поспокойнее – читают надпись: «Ирубакидзе». Губы произносят отчетливо:

– Ирубакидзе был другом Саргиса Джакели. Я тоже из рода Джакели: Саргис Цихисджварели. Казвин был взят войсками царицы Тамар... Шаб-Аббас! Шах-Аббас! Где ты?! Выходи!.. Я вызываю тебя на поединок! Я рассеку тебя надвое мечом Ирубакидзе! Шах-Аббас! Шах-Аббас!..

На Ирахшанду, распростертую ничком на постели, имя Шах-Аббаса действует, как луч солнца, взошедшего в зенит. Она расправляет плечи. Поднимает голову как в экстазе.

– Сайригхи!

– Ирахшаида! Я пошутил с Шах-Аббасом... я не убью его...

– Сайригхи!

– Не убью... отчего ты плачешь?.. Помнишь стихотворение Насира ибн Хосру, которому ты научила меня?

«О ты, чье лицо – солнце страны сердца.

Тепло страсти к которой – полная луна сердца.

Чей облик – кувшин с вином, вином для глаз.

Жар страсти к которой – алоэ жертвенника сердца.

Чей локон отнял у разума свет.

Чья родинка посыпала пылью сердце.

Чьи уста сосут кровь печени.

Чьи глаза припадают к чаше сердца.

Любовь – это море. Сердце – жемчуг в нем.

Душа – ныряющая в воде. Любовь – жемчуг сердца.

Вчера голубь сердца так говорил

Соловьям таинственной страны:

Мир – отражение лица друга

И все сущее в мире – его тень».

Руки-кости касаются волос женщины. Кости меняют цвет: целуют волосы.

Глаза-уголья глядят в пустыню. Там уголья словно борются с чем-то. Или... испускают дух...

На сердце горсть земли.

Глаза опускаются. Они выходят, идут из пустыни. Останавливаются на земле.

Руки отдаляются от волос. Касаются земли.

Губы кричат:

– Земля! Грузинская земля!..

...Мечом поражу твою грудь... И переломлю меч внутри... Оставлю в ней обломок стали... Не заржавеет он...

Ты помнишь меч Саакадзе?

Вот он, меч Саакадзе! Приближается...

Переломится в твоей груди... в твоём сердце.

– Саргис! Саргис!

Это голос Вамеха.

– Кого ты проклинаешь? Что с тобой?!

– Кого проклинаю? Не знаю...

– Саргис!

– Вамех! Не покидай меня!..

– Я с тобой... я буду с гобой...

– Ты понесешь меня?

– Поведу!

Рука Вамеха заслонила глаза...

Кости-руки подносят к губам землю. Бледные губы оживают. Целуют землю. Забирают щепоть земли. Возглас проклинающий:

– Горька ты, грузинская земля!

Правая рука отбрасывает землю.

В левой руке тоже щепоть земли:

– Нет! Сладостна ты, грузинская земля!

Губы снова целуют землю.

– Вамех!

– Саргис!

– Не покидай меня!

– Я с тобой...

– Ты меня понесешь?

Молодой человек не в силах сдержать слезы:

Поне... поведу...

Нет, понеси...

Руки-кости тянутся к волосам женщины.

– Ирахшанда... Ирахшанда...

– Сайригхи...

– Эли, ели! лама сабактани¹...

– Сайригхи!..

Саргис уже не отвечает.

Жужжание мухи и колыхание листка.

С ветки падает птица и умирает. Куда она делась?! Все здесь: лапки. Головка. Крылья. Но где она сама?! Молчание. Голос из безмолвия: где была она? Кто коснулся ее рукой? Но уже не коснешься...

Желтое лицо-сычуг озаряется светом.

Лицо умиротворенное. Успокоенное.

Нет более печали на устах. И нет иронии. Упокоился.

Муха жужжит. Листок колыхнется.

Иранское плоскогорье замерло: не Пан ли рождается?...

Этой ночью украдкой уйдет из дому бедная Ирахшанда.

¹ Слова Христа на кресте, означающие: Бог мой, Бог мой, почему ты меня покинул? Евангелие от Матфея, 27 гл., 46.

Знает она некий сад. Туда влачит свое тело. Телу нужно движение.
Там она откроет глаза: слезы должны излиться. Там поймает маленькую птичку: сердцу нужна ласка.

В саду кто-то запевает песню.

Ирахшанда прислушивается.

Это не песня. Это плач. Рыдание. Причет. Неужели всякое сердце так плачет?

Кого зовет? К кому зовет?

Или кто-то уехал далеко-далеко? Вернется ли? Может, не вернется – или не сумеет вернуться? Глаза Ирахшанды затуманиваются.

Она возвращается к своему сердцу. Кто есть это сердце?

Может, этот плач и есть ее сердце? Истекающее кровью сердце?..

И здесь стоны. И здесь рыдание... Почему оно истекает кровью?

Потеряло что-то? Не вернуть потерянного? Не увидеть более? Никогда?! Душа Ирахшанды забила, затрепетала.

Маленькая птичка падает из ее рук.

Ирахшанда смотрит на птичку.

Отчего не умирает сердце? Отчего трепещет так, окровавленное?

Хочет услышать биение «того» сердца? Хоть когда-нибудь! Но ведь не услышит!

Пустота поеживается.

Ирахшанда теряет сознание.

Поюший в саду ловит сердце и заставляет его петь. Или плакать?

Иранское плоскогорье скорбит.

Сумерки спускаются на Иранское плоскогорье.

От западных ворот города – улица. Налево, поблизости от ворот – дом Мекеша. В полверсте от нее справа в эту улицу врезается вторая. Образуется треугольник.

В этом треугольнике – автомобильная часть «Красного Креста».

Здесь покоится в гробу Саргис.

Вамех держит свое слово.

Арчибальд удивлен. Следит взглядом за Вамехом. Вамех – подлинный

¹ Так (дословно) называются в Грузии самые близкие люди покойного.

властитель скорби¹. Для усопшего он отец – мать – сестра – брат. Снует туда и сюда. Тысяча мелочей. Страшных мелочей. Гроб. Разрешение. Автомобиль. Беготня. Деньги. Это все делает Вамех. Гроб ставят на грузовик.

Собрался народ: все грузины, какие здесь есть. С ними Мекеш и Таба-Табай. И – Ольга.

Мелькают и персидские профили.

Персиянки с закрытыми лицами наблюдают издали.

Из них одна – самая высокая – стоит в стороне. На ней черное покрывало. На голове – изжелта-зеленый плат. И белая чадра, в ней два отверстия для глаз. Мерцанье затуманенных изумрудов: изумрудов, отсвечивающих вороновым крылом.

Женщина стоит неподвижно. В стороне.

Автомобиль готов.

Рядом с шофером садится Вамех.

Лицо скорбное. Но не плачущее.

Он энергичен. Окидывает взором собравшихся.

Автомобиль двигается.

Вамех замечает стоящую в стороне. Узнает ее.

– Ирахшанда!

Она неподвижна, лишь рука вскидывается к глазам.

– Ирахшанда! –

раздается еще раз, как бы с радостью.

Женщина резко поворачивается и убегает.

(Сердце?!)

КАРАВАН

Порой в пустыне слышится голос...

Сказанное бедуином

УДИН

Сердце арабского коня весит шесть кило.

Что сравнится с биением этого сердца!

Арчибальд Мекеш тоже так думает.

Послеполуденная пора навевает странные думы: особенно в миг внезапного пробуждения.

Мекеш дремлет: как рдяный жар, окутавший Иранское плоскогорье.

Ольга вчера вечером выехала в Петербург. Кровь раненного в бою брата телеграммой позвала ее.

Пустота в окрестностях Казвина. Пустота.

Одиночество Арчибальда Мекеша – как мельница, ручей которой отведен.

Таба-Табай все еще не вернулся из Тегерана.

Вамех в Грузии.

Ольга – сердце менады – улетела.

Нет: биение сердца Арчибальда Мекеша подобно биению сердца арабского коня.

Сердцу тесно в груди. Мужчине тесно в комнате. Он выходит.

Идет – без цели. Взгляд – невидящий.

Он подошел к автомобильной части «Красного Креста».

Здесь покоился усопший – несчастный маньяк или визионер Саргис.

Здесь в последний раз увидел он джейрана Персии – Ирахшанду.

Сухой боярышник, как уж, извивается в мыслях: ужасный прокаженный, удавившийся в ветвях, выкаченными глазами уставившийся в сердцевину мира. Кто может стороной обойти эти глаза? Чьи глаза могут стереть след, оставленный этими глазами?

Боярышник извивается ужом.

Арчибальд Мекеш смотрит в сторону.

Опять тот же человек: что всегда один.

Ему лет пятьдесят. Рыжая борода. Профиль – семитского убудка.

Глаза потухшие. Взор – словно потерянный.

Так испепеляется трут, заброшенный в болото.

На вопрос ответит односложно. Сам никому не задаст вопроса. Во время общей беседы держится особняком и, если слушает – лишь вполуха. Никогда не выходит из себя. Засыпает рано. Спит мало. На заре мурчит-мурлычет – словно бы поет – но про себя.

Всегда расслабленный: шаг его неспешен.

Порой разговаривает сам с собой.

Интересно, смеется ли он когда-нибудь?! Изредка лишь замечали задушенную улыбку. Плакал ли он когда-нибудь? Никто не знает. Или – есть

ли у него друг? Или возлюбленная? Или ребенок? Или отец, или мать?

Он непознаваем:

измятая меланхолия...

Арчибальд Мекеш спрашивает стоящего возле солдата-грузина:

– Кто этот человек?

– Удин...

– Что за удин?

– Есть такой маленький народ...

– Какой такой народ?

– Не знаю...

– Где он обитает, этот народ?

– В Грузии... Есть и в Армении.

– Много их?

– Да всего-то деревни четыре будет...

– Всего лишь четыре?

Солдат оборачивается к удину:

– Коба!

– М-м-м...

– Сколько всего-то вас, удинов?

– Сколько?

В глазах быстро гаснет загоревшийся на мгновение трут.

– Да, я тебя спрашиваю, сколько?

– А зачем тебе?

И он уходит, отходит подальше неслышным шагом.

Солдат смеется:

– Немой, что ли, этот неприкаянный?

Мысль Арчибальда что-то ужалило:

Неприкаянный. Без корней. Как я.

Утихшее сердце снова просыпается: почему спешит? Далеко ушедшие – (или перерезанные?) – корни кричат: «Отец!» Отец пропал, затерянный где-то. Ну хоть какой другой корешок, отросточек! Никого.

Сердце готово выскочить.

В сердце теперь трепещет Ольга.

Молодой человек не уместается в пространстве, поворачивается.

Входит в маленькую комнату, – где живет заведующий автомобильной частью.

- Вы, вероятно, знаете: когда уходит пароход на Энзели?
 - Послезавтра... в пять часов пополудни.
 - Я поспею, если выведу завтра утром?
 - Поспеете...
 - Не едет ли ваша машина сегодня или завтра?
 - Едет, завтра утром. Но только грузовая.
 - Грузовая поспеет?
 - Поспеет.
 - Нельзя ли мне одно место?
 - Я постараюсь...
- Грузин-заведующий вежлив. Вежлив...

БУЙНАК

Утром от ворот Решта отходит автомобиль. Рядом с Арчибальдом Аллан. Путники ласкают дога. Дог рычит. Арчибальд взглядывает на него, дог успокаивается. Миновали маленькую станцию.

Удивительно:

в Персии, куда ни пойдешь, окрестность – точно огромнейшая чаша: горы вокруг. Одолеешь какой-нибудь перевал – и снова опускаешься в новую чашу.

От маленькой станции наивысшей вершины: Элбурса – Буйнак (в 25 верстах от Казвина) начинается перевал.

Буйнак – не обычный перевал.

Здесь хребет – плато: просторная горная равнина. С перевала опускаешься в чашу, но – перевернутая чаша, чье дно – равнина.

Арчибальд Мекеш помнит перевал Султанбулах. Буйнак более грандиозен.

И воздух – первых дней творенья.

Плато-перевал спускается к станции Юзбаш-чай. Проезжают одну станцию. Другую.

Автомобиль начинает капризничать. Капризы переходят в истерику.

Шофер останавливает машину: она повреждена.

Нужен ремонт.

- Много времени понадобится?
- Несколько часов...
- Так значит, мы не попадем ночью в Менджил?..
- Попадем, только...
- Что?!
- Материала для ремонта нет...
- Что же нам делать?
- Ждать какую-нибудь проезжую машину...
- А будет сегодня что-нибудь?
- Не знаю...
- А может, вызовем из Казвина?
- Откуда нам вызвать Казвин?
- С ближайшей станции... по телефону...
- Приедут в лучшем случае ночью...
- Значит, завтра мы не успеем к пароходу?!
- Если не появится другая машина – нет.
- А появится?!
- Вряд ли...
- Сколько верст осталось до Менджила?
- Верст пятнадцать... или двадцать.
- «Нет» и «вряд ли».

Арчибальд Мекеш огорчен: не успеет. Не увидит Ольгу. Сердце снова охватывает смута. Аллан ластится к нему – единственный верный друг, неразлучный. Он гладит пса по голове. И успокаивается, остывает.

Вокруг – скалы, теснины.

На одном из склонов колышутся головы химер: словно под ветром колосья. Верблюды.

Должно быть, караван. Если караван направляется к Менджилу – он уйдет с караваном. Ночью прибудут в Менджил. Может, там падется автомобиль. Утром он отправится в Энзели.

Идею Арчибальда разделяют и другие путники – двое, трое.

КАРАВАН

Дзин. Дзин. Дзин. Дзин. Дзин.

Дон. Дон. Дон. Дон. Дон.

Гаун. Гаун. Гаун. Гаун. Гаун.

В скалах идет караван.

До сотни верблюдов. Большие. Маленькие. Двугорбые. Одногорбые.

Навьюченные – все. Кое-где и ослы, тоже навьюченные.

Караваньеро кажутся пигмеями.

У верблюдов и ослов на шеях – бубенцы: большие – средние – маленькие. Металлические – деревянные – всевозможные. Иные до того велики, что ощутимо прибавляют вес грузу.

Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.

В скалах медленно извивается караван.

В знойной духоте местности звон бубенцов звучит, как симфония номад. Верблюды лениво, неторопливо переступают ногами в такт бубенцам. Идут, как единое тело, точно единая гигантская гусеница линялого цвета.

Звон бубенцов облегчает тяжесть.

Здесь ритм: при чем тяжесть?

Одно неверное движение в сторону – и звон меняет окраску. Верблюды чувствуют малейший сбой ритма и тотчас выправляет невольную ошибку.

Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.

Меж скал движется – ползет гигантская гусеница: караван, караван идет...

Позвонки ее хребта пестры: иные красноватые. Иные желтоватые. Иные серые. Есть и беловатые. И – цвета золы. Но больше всего – цвета выгоревшей гвоздики.

Головы одна за другой – химеры. Тела химер как бы остаются позади. Химеры глядят человеческими глазами. В глазах – гордость и вместе – безмолвная печаль (порой и похоть). Движения тел – горделивые – насыщенные солнцем – многоопытные.

Ползет караван: гигантская гусеница, теперь уж змеей обернувшаяся, гигантской же, извивается между скал. Не зной ли пустыни по-

родил это диковинное животное или птицу, – (существует такой ветер знойный), – этого бастарда, плод прелюбодения животного и птицы?..

Но отчего же этот бастард так привлекателен и так отзывчив? Будто человек, в наказание получивший уродливое туловище птице-животного.

В этом вся пустыня: ее лик – ее печаль – ее дрема.

Здесь Иран. Его дыхание.

Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.

По обе стороны – скалы: как изломанные бока преисторического мамонта. Иные отвесные. Иные покатые. Остроконечные и с выпуклыми склонами. Аэролиты. Монолиты. Нагие призраки: пирамид – пещер – саркофагов. Безумство фантазии фараона или расплавленное и окаменевшее солнце?

И оттенки – и краски...

Арчибальд Мекеш помнит обзор с перевала Султанбулах. Помнит и слова свои, обращенные к Таба-Табаю: «Здесь нужен глаз Адама». Но для «глаза Адама» – лишь эти скалы распростерты. Зрелище удивительное – своими красками и оттенками: лист ириса. Лист ореха. Азалия. Папоротник. Гвоздика. Вишня. Хна. Бронза. Чугун. Аспид. Кремень. Мед. Мох. Гумно. Шиповник. Змея. Квакша древесная. Гранат. благородные камни – каждый камень драгоценен, и каждый – неповторим. Каждое растение и каждое пресмыкающееся – со своими красками и оттенками. Сами они краски и оттенки: иные потоком устремляющиеся по склонам скал, иные лиственной парчой расстилающиеся книзу или кверху или в глубь ложбин, иные подобно полосам радуги расцвечивают косогоры. Искушенный глаз может различить и рисунок: животного, птицы, растения, металла, каких не знают ни биология, ни ботаника, ни геология. Посмотришь, и с первого взгляда: мох и гвоздика борются друг с другом. Побеждает гвоздика. Посмотришь еще раз: аспид и ящерица единоборствуют, соперничают. Побеждает ящерица. И остаются бесчисленные квакши: разбросанные, как перья павлина. Или: переливающиеся тела ящериц с пятнами кизила. И все вместе – словно солнечный пожар, угасающий, утихающий в драгоценных камнях.

Дзин. Дон. Гаун.

Арчибальд Мекеш думает: ни одному европейскому художнику и

не снились такие краски, такие тона и оттенки. Так вот что создало персидский ковер и персидскую миниатюру!

Дзин. Дон. Гаун.

Караван будто приостановился. Но снова идет.

Арчибальд Мекеш отрывает взор от скал.

Будто прислушивается.

Солнце и вправду останавливается – (по интуиции Библии).

Видение в окаменении большого полдня.

Такой покой взрывает Пан:

криком оглашая оцепенелую окрестность.

Пан и страх перед Паном. Здесь раздваивается действительность.

Раздваивается и воспринимающий ее.

Время останавливается. Есть только прошлое. Настоящее померкло.

Будущее порой сверкнет лишь – как мысль или идея. Существует только прошлое, и то – как воспоминание о видении.

Мекеш погружается в залитое солнцем пространство.

Все зримое – лишь тень минувшего, пылающее клеймо минувшего, или ушедшего.

Здесь словно ничего и не существует ныне.

Здесь все – память о былом.

Здесь само былое: древняя история, уходящая в далекую даль.

Ни один уголок Европы не хранит стольких следов.

Здесь великие события истории стоят астральными тенями.

Оцепенели астральные тени с затуманенными глазами, онемели и устремили взоры вовнутрь.

Это – голые скалы Ирана.

Арчибальд Мекеш ныряет в полоненное солнцем пространство.

Но что это слышится ему?..

Его спутник, 50-летний еврей, остановился в сторонке и что-то поет, обратившись к скалам. Так поет порой галицийский еврей – в пыли, пронизанной солнечным светом.

Арчибальд всплывает из солнечной глубины.

Прислушивается. О чем поет этот человек? Или о чем плачет?

Еврей взывает к чему-то – а может, вспоминает что-то?..

Зовет землю обетованную. Вспоминает древнюю отчизну.

Печаль о неведомом... Стон о несказанном...

ОЗАРСИП

Арчибальд Мекеш расплавляется в воспоминаниях.

...А караван этот – будто тот самый: древний. Так ходили в древности еврейские племена: между Красным морем и Персидским проливом, между Евфратом и Палестиной. Народ – без дома, без крова – без постели. Вместо дома – шатер. Вместо постели – песок. На дорожку не посошок – верблюд и осел. Народ, странным огнем обожженный: беспокойный, неукротимый, неумный. Народ – неприсвоенный или неосвоенный. Народ, чье имя таинственное – «ибрим»: находящийся на «той» стороне. «Находящийся»? Нет, еще нет! Он лишь жаждет находиться на «той» стороне. Стремится «туда». Но едва лишь окажется на «той» стороне, она станет «этой». Народ, грезящий о новых и новых странах. Идущий все новыми и новыми дорогами. Народ, чье тайное желание – «вездесущность». То упавший ниц перед идолами Молоха, то погрязавший в оргиях Вавилона. То опьяненный женами моавскими (глаза – уголья пылающие, тела знойные, чернокожие были у них, у моавитянок!). Но ни идолы Молоха – ни оргии Вавилона – ни распутные жены моавские: ничто и никто не мог удержать странный народ на одном месте. Он все косился в пустыню. Пустыня притягивала «ибрима» – пустыня, своим неповторимымдыханием, своим простором, пустыня, где для утоления жажды – лишь раскаленный песок. Народ непознаваемый – опаленный пламенем – ходил караванами... Куда?! Зачем? Узреть желаемое? Арчибальд Мекеш следует за караваном.

За караваном следует и еврей: тот, что зовет кого-то.

Не «тот» ли это караван?! Тот, древнейший!..

Опять та же печаль – о неизвестном. Опять тот же стон-вздых – о несказанном.

Караван ползет, извивается. Что жаждет он увидеть?

И видит Арчибальд Мекеш:

земля мадианская: простирающаяся между Эламейским проливом и пустыней Аравийской. Вдали Синайская возвышенность темнеет, вздыбившись между Красным морем и пустыней. Место привала беглецов, изгоев и вечно странствующих. На возвышении – храм Озириса. В храме звучит и имя Элохим. Арабы – семиты – иудеи – черно-

кожие племена – все идут туда для службы и молитвы. Для поклонения.

(Арчибальд Мекеш идет с караваном.

Рядом – отягченный печалью еврей – опять он бормочет что-то).

Зной такой – солнце такое – местность такая – что все-все обращается в воспоминание; воспоминание о видении.

...Маячит храм Озириса. В храме жрец: эфиоп Иофор. Он ведаёт тайны: нильских долин и иранских просторов. И приходят к нему: ливийцы – арабы – семиты.

(Караван колышется: что виднеется впереди?)

Перед Иофором – юноша чужестранный.

Вопрошает старец черноликий – кто ты?

Юноша произносит имя Озириса и Элохима – вместе!

Старый эфиоп удивлен – (радостно?).

Юноша египтянин. Старец Иофор рассматривает его:

ростом невысок. Чело – как у овна (или барана). Глаза: как у орла и с блеском беспокойным. Пронзительные и неподвижные, черные: как кольца черной змеи в черной реке. Лик спокойный, думами затуманенный.

Старец Иофор узнает:

юноша всегда держится в стороне. Молчалив. Его и прозвали «Молчаливым». Спрашивают – он отвечает. Запинается (не слово ли ищет?), продолжает снова. Снова запинается (или боится открыть свои мысли?). Внезапно обрывает речь. Отводит в сторону взор. Смотрит не на предметы. Смотрит по «ту» сторону их. Или – взором взрезает сердцевину предметов и заглядывает в нее. Взглянет внезапно и выкрикнет неожиданное слово и неожиданное имя. Слово и имя – как клинок молнии, что прожигает огромное чрево дерева. И лицо юноши – как тот клинок. Он словно бы избегает работы. Но уж если возьмется – никто и ничто его не остановит. Видишь сжатые губы: там натягивается лук воли. Видишь широкий лоб – там читаешь знак судьбы: огонь!

Имя юноши – Озарсип.

(Еврей продолжает бормотать. Не это ли имя он произносит?)

Арчибальд Мекеш оглядывает еврея.

Караван идет, покачиваясь.

Еврей бормочет и смотрит на обожженную солнцем вершину скалы.

Арчибальд Мекеш следует за взглядом еврея.

О да: это лоб Иофора! Чугунный гладкий лоб эфиопа...

Перед Иофором – Озарсип. Повествует о чем-то?)

Мемфисский храм. И в храме – Озарсип. Юноша готовится к жертвоприношению. Юноша странный. Юноша удивительный. Его все боятся. Даже жрецы. И женщины боятся его. Когда встречаются – бледнеют разом: словно возмущается их женское естество.

Рамзес II – в подозрениях: а не трон ли прельщает его, этого горделивого юношу?

Нет, не прельщает юношу трон: ни фараонов и никакой другой.

Но мать – приемная – желает для него фараонов трон.

Взгляни окрест: на храмы – обелиски – пирамиды. Взгляни на Нил – на Дельту, на Мемфис! Они будут твоими, если...

Юноша насупливает брови: он умеет гневаться.

Но – он перед матерью, приемной.

Зачерпывает горсть песка. Просыпает песок сквозь точеные пальцы.

Слово его твердо – (голос еще тверже):

– Вот как нужен мне трон!

– Ты отвергаешь законы предков?!

– Никогда!

– Чего же ты хочешь?

– Пирамида неподвижна. Она должна начать ходить.

(Караван ныряет меж скал, накреняется.

Арчибальд Мекеш глядит на скалы – пирамиды.

Кто заставит двигаться эти гиганты?

Кто такой сумасшедший?)

Юноша – сплошная страсть. Но он – перед лицом матери, приемной.

Бросается в ноги. Благословения ли испрашивает – или прощается?

Мать – приемная – срывает со лба цветок лотоса и протягивает ему. Юноша вдыхает аромат лотоса. Ноздри его расширяются.

Мать уходит – так и не проникнув в тайны юноши. (Караван ползет. Еврей изрекает непонятные словеса.

Мекеш идет меж теней скал. В скалах пещера. Или – храм Мемфисский?)

Юноша постигает тайны Гермеса. Он весь – стремление. Весь – жажда. Он закаляется. Крепнет воля. Чеканится характер. Раскры-

вается разум: он не знает границ. Жрецы побаиваются юноши. Его невозможно согнуть – и невозможно перетянуть на свою сторону. Сломить его никто не в силах. Сам великий жрец боится его – Мебр.

– Чего ты хочешь в конце концов?

– Вот этого...

Он хлопает ладонью по ковчегу: в ковчеге хранится сокровенная книга Мемфиса. Читать ее может лишь понтиф.

– Ты хочешь стать понтифом?!

– Я хочу лишь знать, что здесь написано.

– Никто, кроме понтифа, не может проникнуть в тайну написанного здесь... Озирис никого не спрашивает о том, кому открыть знание.

Юноша как скала. Понтиф колеблется.

(Мекеш все глядит на скалы. Что сокрушит их? Еврей произносит еврейские слова.

Головы химер растворяются в исхлестанном солнцем пространстве).

Понтиф боится. Фараон боится.

Выносится приговор: юноша останется в храме скрибом.

Скриб не может взойти на престол.

Юноша-скриб – надсмотрщик работ: фараон соединяет крепостями Пелузиум и Гелиополис. Трудится уйма людей. Трудятся и евреи. Они искусны в каменных работах. Но не привычны к покорности.

Юноша видит: египтянин-начальник ударяет безоружного еврея.

Юноша – одна лишь справедливость, и порой – ярость.

Юноша горяч и вспыльчив: бросается и убивает египтянина.

Юноша – преодоление: убегает далеко-далеко.

(Скалы как бы содрогаются.

Еврей бормочет что-то: может, имя юноши.

Мекеш взглядывает на него:

взор еврея устремлен на вершину черной скалы.

Ага-а, это лоб Иофора: гладкий, чугунный лоб эфиопа).

Перед эфиопом – юноша с опущенной головой. Верно, закончил исповедь.

Иофор во власти то ли страха, то ли радости.

– Чего ты хочешь, отрок?

– Кары.

О, эфиоп знает нечто!

– Чего ты хочешь, отрок?

– Лицезреть Озириса.

Знает эфиоп: убийца (к тому же посвященный) – не может лицезреть Озириса. Вернее, сможет, лишь если убитый простит его. Однако как это? А так: убийца сам, на себе должен испытать убийство. Должен отторгнуться от своего тела. Узреть убитого. Испросить прощение.

– Ты готов, отрок?

– Я готов.

(Солнце будто остановилось в скалах – видит Мекеш.

Солнце готово изрубить простор. Что остановит его?! Что противостоит его ярости?!

Еврей не бормочет более.

Караван будто приостановился на мгновение...

Может, в ожидании лика?)

– Готов ли ты, отрок?

– Я готов.

Истощение плоти. Напряжение духа. Обуздание воли.

Стремление всепокоряющее.

Эфиоп повергает юношу в летаргию.

Укладывает его в нишу храма.

Проходит день. Два. Три. Проходит неделя.

Из ста просыпается лишь один.

Но юноша преодолевает саму материю.

И восстает через десять дней примиренный.

(Солнце изрубило окрестность – видит Мекеш. Еврей дышит полной грудью.

Караван идет вольно, свободно, повеселевший. Ликут чрева скал.)

Он восстает примиренный.

Юноша оглядывается; Египет позади. О, как далеко! Или оползень прошел... Другая сторона – иная сторона.

(Еврей восклицает громко: «Моисей!»

Кого он зовет? Или он помешался?!)

«Моисей» – имя Озарения.

Есть у эфиопа знойнотелая дочь – Сепфора.

Не Озарсипа ли ждала она, жениха...

Арчибальд Мекеш отрезвляется.

Теперь ему ясно, почему чтит Моисея Ирубак Ирубакидзе.

Теперь он – в предке и видит: явление на Синайской горе – скитания в пустыне – ярость и преломление скрижали с заповедями – покорение упрямого и непокорного народа – проклятие Израиля – последнее одиночество человека. Переживает его печаль – о том, что умирает, так и не увидев Ханаана. И перед ним вырастает сверхчеловек истинный, чья ярость равна лишь ярости солнца в этих голых скалах и чье чистосердечие может сравниться лишь с чистосердечием ребенка, просящего у матери молоко.

Арчибальд Мекеш выбирается из тумана чувств.

Он видит сожженные солнцем скалы. Каравай подобно гусенице ползет по извивам меж скал. Такой караван шел «там»: к черноликому старцу. В таких скалах зародился огонь, которым загорелся еврейнин. Как знать – не обломок ли того каравана – этот караван?..

Скалы громоздятся, как астральные тени. И вглядываются внутрь себя, в глубину. Вспоминают былое – или привидевшееся?.. Несомненно. Потому-то они так задумчивы и сосредоточены. Память, уходящая в далекое далеко, каменеет.

Может, некогда таким караваном ходил по Малой Азии древний род Ирубакидзе. Может, этот караван – обломок того каравана? Если не обломок, то, во всяком случае, продолжение: своей медлительностью, памятью, страстью, видениями!

И в этих скалах,
в этих теснинах,
безлюдных, пустынных,
на этих дорогах,
в этих караванах,
среди этих народов,
в этой страсти и безумии –
одно лицо:
суровое и грозное,
как опаленное молнией дерево или камень –
Покойное и чистое, как ягненок: Отрок Озарсип.

Сердце арабского коня весит шесть кило.

Что сравнится с биением этого сердца?

Сердце Мекеша бьется, как сердце арабского коня.

Но что такое сердце арабского коня перед сердцем Озарсипа? Просто мышцы, пусть и шесть кило. Просто плоть, хотя и весом в шесть кило.

Что по сравнению с ним сердце Мекеша? Боль муравья.

И что – сама Ольга?! Что такое перед ним Вамех? Таба-Табай?

Ничто. Да, да – ничто.

Слезы выступают на глазах. Радости ли?

От того, что был в мире «один» человек.

Что такое одиночество кого-то из детей Адама перед одиночеством Озарсипа? Просто скука.

Великий Ирубакидзе, ты прав!

Сегодня ощутил я жизнь!

Сердце Мекеша размягчено.

Вот что умеет караван!

МАНОВЕНИЕ ВЕЧНОСТИ

Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.

Звон бубенцов смолкает постепенно.

Дорога идет по подножию скалы. Скала отбрасывает тень голиафа.

Караван отдыхает в тени.

Рядом река – почти пересохшая. Может, дракон выхлебал ее. Там и сям – лужи воды. Лужи – точно ставицы, из которых пьет скот.

На том берегу – опять же гиганты: левиафаны толстобрюхие.

Скалы становятся тише – но все же свирепствуют.

Изъеденные похотью и распаленные желанием.

Разлегшиеся и изогнувшиея, точно огромные хребты огромных мамонтов.

Распаленные дэвы: которые борются друг с другом (ни один не может побороть другого) – и окаменевают в этой нескончаемой

схватке, переплетишься друг с другом в одно тело – руками – головами – ногами.

Полдень.

Козлоногий Пан, вероятно, уже проскакал.

Унимается ярость солнца.

Стихают краски и оттенки.

Мох соперничает с гвоздикой. Сейчас побеждает мох.

Аспид борется с квакшей древесной. Сейчас побеждает аспид.

Смягчается рдяное покрывало.

Муха не жужжит.

Не трепещет листок (да и где он, листок?)

Верблюды укладываются на песок. Ложатся караваньеро. Глаза верблюдов и глаза людей испытующе смотрят друг на друга. В глазах людей страх – как бы не увидеть в глазах верблюдов боли или гнева. Люди ласкают животных, гладят по шерсти.

Ни малейшего шума. Ни единого громкого слова.

Тела верблюдов, лежащих друг подле друга – как продолжение камней... Длинная гусеница теперь – каменная гряда с изломанным хребтом. На камнях – химеры с воздетыми головами. Головы глядят человеческими глазами: точно камни, глядящие издалека – из дали – (если камни глядят!) – в даль – вдаль...

Головы дремлют.

Легкий шорох.

Головы шевельнулись: как в реке – стебли водорослей.

Все верблюды бодры. Но один... что с ним?

Малорослый перс – (голова обрита наголо, глаза – ушедшие в даль) – идет к нему. Верблюд мягкого каштанового цвета. Отчего он не смотрит на хозяина? Утомлен и опален солнцем? Нет: глаза у него полны влаги. Он плачет? Что-то болит?!

– Бехан!

Перс рукой гладит его голову. Рука – это ласка.

Верблюд медленно обращает на него глаза. В глазах – тоска.

– Бехан, у тебя что-то болит?

Бехан отворачивает голову: может, не хочет показать слез.

Рядом лежит огромный, с лошады, осел. Он вскакивает. Кружит на месте и дрожит, словно его только что вывели из реки.

Перс оборачивается, смотрит, и что-то тонкое и горькое пронзает его мысли: не смерть ли увидел длинноухий?..

– Бехан!

Верблюд поворачивает голову и смотрит на хозяина. В глазах – неумная тоска. И что-то еще примешивается к тоске: не ободрить ли, обнадежить тщится он хозяина?.. Потом он понуряет голову, удрученный.

Ни малейшего шума.

Муха не жужжит. Не шелохнется листок (да и где он, листок!).

Лишь порой взлаивает Аллан.

Лай грохотом раскатывается по ущелью.

Верблюды тревожатся: словно хотят подняться.

Знакомые звуки, что ли?

В скалистых теснинах Ирана порой раздастся львиный рев и лавиной обрушивается в разверстые пасти пропастей.

Те ли это звуки?

Нет: головы верблюдов укладываются друг за другом, как шевельнувшиеся на миг колосья.

Когда заходит солнце, овечье стадо укрывается в тени деревьев. В глазах овец неясный страх. Чего они боятся? Орла ли, ястреба?..

Может, мелькнула тень орла – или беркута...

Но здесь иной страх.

У подножья скалы лежат верблюды. В тени скалы. Глаза химер созерцают голые скалы.

И в глазах химер – тоже страх?!

Перед чем или кем? Зверь ли примерещился...

Нет: здесь – иной страх.

Один из персов – (лицо – нирвана) – на что-то смотрит.

На что он смотрит? Ни на что. На ничто.

Или слушает? Но никаких звуков.

И все-таки он слушает... прислушивается.

Спутники Арчибальда – еврей и русский – беседуют тихими головами. Арчибальд возле них.

– Какая тишина!

– Ужасающая тишина.

Пауза.

– Представляете, если вдруг грянет оркестр?
– О, что тут будет!
– Пять тысяч скрипок!.. Три тысячи виолончелей!.. Оркестр из десяти тысяч человек!..
– И заиграют бетховенскую «Девятую»!..
– Или что-нибудь из Баха...
– Представляете себе?
– Потрясающе!
Мекеш шепотом:
– Здесь и так звучит музыка...
– ?!?!?!
Опять шепотом:
– Здесь музыка сфер...
– ?!?!?!
И громче, но как бы про себя:
– Это нечто большее... эта музыка.
– ?!?!?!
Они взглядывают на перса.
Перс молится: всем существом. Нирвана нарушена. Мекеш – спутникам:
– Он слушает...
– ?!?!?!
– Вечность...
– ?!?!?!
С вершины скалы осыпается песок.
Верно, ящерица пробежала – (шрр-шррк).
Песок, точно ящерица, скользит по тысячеглазым камешкам.
Шорох: проникающий в игольное ушко.
(Шорох песка разносится на целую версту). Химеры озираются.
Страх в глазах больше нет. Что-то расстроилось. Или родилось.
Перс выходит из молитвенного экстаза.
Мекеш – про себя:
– Родился миг.
– ?!?!?!
– Нет: откололся от вечности.
Тихий голос чей-то:
– Мановение ока... вечности.

БЕХАН

Дзин. Дзин. Дзин.

Дон. Дон. Дон.

Гаун. Гаун. Гаун.

Снова караван. Снова путь. Снова скалы. Малорослый перс шагает рядом с Беханом.

Глаз с него не сводит. Верблюду тяжек груз. Подходит второй перс.

– Что с ним?

– Он обессилел.

– Может, груз слишком тяжел...

– Может быть...

Они останавливают верблюда. Движение каравана нарушается: будто из спины гусеницы вынули одно сочленение.

Облегчают груз верблюда.

Бехан снова в ритме каравана. Но тоска не покидает влажных глаз.

Подходит третий перс.

– Что с ним случилось?

– Может, заболел...

– Может быть...

Останавливают Бехана. Снимают с него поклажу. Перекладывают на других верблюдов.

Бехан без груза идет с караваном.

Но все равно ноги у него подкашиваются.

Подходит четвертый перс.

– Может, заговор поможет?

Может быть...

Сероглазый перс опускает верблюда на колени. Бережно притягивает к себе его голову. Шепчет в ухо непонятные слова.

Но Бехан не внемлет.

Подходит пятый перс. Приносит воду в глиняном сосуде. Подает ему.

Бехан отпивает немножко. Отворачивает голову в сторону. И глаза тоже смотрят в сторону.

– Бехан!

Бехан не может подняться.
– Бехан!!
Бехан – с колен – валится на бок на песок:
Он больше не может...
Больше не может...
Больше не может!..
Караван трогается.
Кто-то с глазами полными слез прощается с Беханом.
Дзин. Дзин. Дон. Дон. Гаун. Гаун.
Караван продолжает путь.
Так устроен мир. Один остается, падает и остается. Другой продолжает путь. Но что делать упавшему? Исчезнуть? Сгинуть?
Дзин. Дон. Гаун.
Что за звук врезался в перезвон бубенцов?
Караван останавливается опять. Химеры – головы верблюдов – поворачиваются: оборачиваются назад. В глазах – приглушенная печаль. Позади – рев Бехана. Оставшегося Бехана. Покинутого Бехана. Павшего Бехана.
Рев душераздирающий.
Верблюд пытается догнать караван. Но ноги подгибаются.
Малорослый перс бежит к Бехану.
– Бехан! Беха-а-ан!!!
Бехан не плачет. Плачет перс.
Бехан ревет.
Арчибальд приближается к персу.
Перс обнимает Бехана за шею.
– Бехан! Бехан!! Бехан!!!
Бехан пытается подняться и снова падает.
– Бехан! Бехан!
Бехан поднимается рывком. Переступает шаг. И снова падает, подкошенный.
– Бехан! Бехан! Бехан!
Бехан больше не ревет. Бехан больше не стонет. Бехан не плачет. Он смотрит. Смотрят, смотрят глаза...
О-оо: эти глаза! Молящие о жизни – о глотке жизни – о крохе жизни...
ни...

– Бехан!

Глаза обращаются на перса. В глазах – любовь. Но что примешано к этой любви? Что как не отстраненность – остраненность...

Что-то ужаливает мозг перса.

– Бехан!

Глаза уже не просят жизни.

– Бехан!

Голова откидывается бессильно и падает на камень.

– Бехан! Бехан!..

Бехан бездвижен. Перс плачет.

Арчибальд подавляет крик.

Впереди: дзин. дзин. Дон. дон. Гаун. гаун.

Сердце арабского коня весит шесть кило.

Что перед этим сердцем биение какого-то другого сердца?

Отрок Озарсип приводит Израиль к пределам земли обетованной и умирает, не узрев ее.

Что перед этим сердцем биение сердца арабского коня?

В скалах умирает верблюд Бехан –

упавший –

покинутый...

Караван продолжает путь.

Быть может, Бехан – сердце Озарсипа...

Слезы...

ИНТЕРМЕДИЯ

Менджил богат ветрами.

Арчибальд Мекеш идет к телефону одурманенный. Ветер Менджила особенный. Тело Мекеша словно бы осталось где-то и только тень его бредет, потерянная в просторах.

В скалах Персии – телефон: географический анахронизм. Телефон – преодоление пространства. Но в беседе по телефону исчезает дыхание просторов Персии. Хорошо еще, что телефон – это явь. Арчибальд Мекеш обретает свое тело.

Телефон Менджила соединяется с телефоном Казвина.

– О, Табай-хан!

– Сэр Арчибальд!..

– Когда вы вернулись?

– Вчера.

– Какие новости?

– На ваше имя депеша.

(От кого?! От Ольги?)

– Вскройте... от кого она?

– От Вамеха.

(От Вамеха...)

– Что он пишет?

«Прошу погостить у меня в деревне несколько дней. У нас ртвели – сбор винограда. Вы посмотрите Саирме. Сообщите выезд депешей. Буду встречать в Баку. Надеюсь, не откажете».

(Сбор винограда. Вамех. Саирме. Грузия). Арчибальд молчит.

– Поедете?

(Арчибальда будто кто-то рукой толкнул).

– Поеду!

– Когда?

– Сегодня же!..

– Когда вернетесь?

– Через десять дней...

– Счастливого пути.

– До свиданья.

Телефонная трубка повисла.

И сердце Арчибальда словно повисло. Сейчас тело здесь, а тень – где-то, в другом месте. Сердце стучит, словно стремится догнать тень.

Автомобиль готов.

Арчибальд Мекеш расстается с ветром Менджила.

И ветер постепенно остается позади.

В затихающем свисте ветра видится

«СОЛНЕЧНОЕ ГУМНО»:

Светлый камень. Зрачок пожелтелых пространств. Светлошафрановый. Кисть фаллоса. Запах хлеба. Распаленный страстью могучий черный бугай обрывает привязь. Жаркое семя материи и плотоядность. Острый аромат. Утоление страсти. Обнаженный зной. Огненные сосцы с остервенением сосет неумный самец – со слизью люэса на прокаженном теле.

Хитон миража. Пронзительный взор. Видение горячее. Беспмятная дрема. Флегма ленивая – и падение капли. Неподвижным видением – близ самого Пана – погруженный в нирвану красный конь. Вечной бег. Лицо – маска. Древний упадхи¹. Отстранение. Ирония и подавление самого себя. Второе рождение не выдерживает более шершавого зуда, и на раскаленном песке сбрасывает рубашку рогатая змея.

Свист ветра затихает вдалеке.

На солнечном гумне возникает верблюд – как

«ХИМЕРА ПУСТЫНИ»:

Уродливый. Двугорбый. Безобразный бастард кошмаров горячих просторов. Как айва, опаленный смуглыми знойными ветрами. Чуждый. Станный. Одинокий. Странствующий вечно по дальним дорогам. Гордый. Медленный. Спокойный. Вежливый. Расслабленный мечтатель в красках дальних. Застенчивый. Кокетливый. Любящий ла-

¹ Упадхи - носитель сущности менее материальной, чем он сам (санскрит)

ску. Сладострастный. Выцветший, и все же вечно солнечный. Удивительна твоя дрема с ленивым позевыванием – что плавлением солнца расслабил ртвели пустыни.

С улыбкой химеры глядишь на красное марево: будто вдыхаешь опаленный нард аравийский.

И когда, некрасиво пережевывая жвачку, впадаешь в меланхолию, на губах, смоченных пеной, плесневеет печаль вселенной.

Гумно кружит. Химера исчезает.

Арчибальд Мекеш направляется в Грузию.

СОКОЛИНЫЙ ГЛАЗ

*«... огромная давальня с полным ртом –
пьяный виноградом синий дракон...»*

«Закон земли»

ЦХРАМУХА¹

Если поглядеть издали – покажется одно дерево великое.

Приблизись: насчитаешь девять дубов!

Девять братьев образовали круг диаметром в пятнадцать алаби.

Возраст братьев – за сто лет.

Тело каждого – мозолистое, кряжистое: верно, для выносливости.

У дубов нет макушек – у каждого своей. У них только ветви. Там, где начинают расти ветви, заметны рубцы: видимо, когда-то их обрезают. А молодые побеги отогнули нарочно – чтобы дубы сплелись ветвями. Узловатые и извилистые руки девяти братьев сплелись друг с другом, сплелись в объятии. Разъединить их могло бы лишь землетрясение. От переплетенных веток вверх пошли еще ветки. И видишь: внизу – девять тел девяти братьев, а вверх – единая крона единого дуба.

Дубовый лист плотен, лист прильнул к листу. Девять дубов – бесед-

¹ Цхрамуха – девять дубов (груз.)

ка. Водопад солнечных лучей не пробивает крону. Солнце задерживается вверху. Крупные желуди срываются порой. В кудрях пурпурной от солнца кроны цикада заводит свадебную песнь.

Полдень на исходе.

Под сенью девяти дубов слышится песня – как из преисподней: мойщик кевври – винных чанов – поет, вторит цикаде, что ли.

Огромные кевври врыты в землю на тенистом пригорке.

Дубы избрали пригорок. Здесь дождевая вода не задерживается: потоком скатывается вниз. Земля поверху черноватая. В нижних слоях – желтоватая. Ниже и известняк виднеется. Земля не сырая, сухая, поверху горячая. Здесь врыто много кевври. На сто чапи¹. На десять и на пять. Мойщик кевври – в самом большом. В руках у него специальная щетка с двумя рукоятками. Моет, скребет тщательно стенки кевври и распевает. Другой мойщик стоит над зевом сорокачапного кевври. Горловину сосуда закрывает дощечка с отверстиями. Мойщик вертит длинную рукоятку, что торчит из отверстия, на другом конце которой, внутри кевври – щетка. И он моет кевври, и он напева-ет. Поодаль стоит третий мойщик. Этот нарезает вымоченные шкуры медвежат – мастерит новую щетку.

Маленький мальчик несет чернозем.

Второй мальчик месит чернозем ногами.

Это – для закупорки горловины кевври.

Третий мальчик моет крышку, затянутую винной плесенью.

Место, где врыты кевври – огорожено. На кольях изгороди там и сям – лошадиные черепа. Между ними – разновеликие оршимо². Иные большие: целый тунги³ вина вмещающие. Иные малые. Иные округлые. Иные удлиненные, высокие. Иные пузатые. А то и с вогнутыми стенками.

Круг девяти дубов не полный: с одной стороны усеченный прямой линией. Линия – чугунно-черная давитьня, точно раненый дракон распростертый.

¹ Чапи – старинная мера вина, около 1 пуда (приблизительно 16 кг).

² Оршимо – ковшик, выдолбленный из круглой тыквы, с длинной ручкой для зачерпывания вина из кевври.

³ Тунги – старинная мера жидкости, равная 4,5л., а также сосуд для воды, чаще из луженой меди, с узким высоким горлом.

С давилни виднеется виноградник на пологом склоне.

В листву виноградную вкралось увядание: цвет купороса переходит в серый.

Несут гроздья желтые и черные.

Несут в корзинах и гидэли¹ (Гидели - плетенная высокая корзина без ручек с остроконечным дном).

Сборщики – большей частью женщины и дети.

Подле давилни женщина в черном. Моет ноги ребятишкам.

Ноги дрыгают от удовольствия. Удовольствие – от холодной воды или от прикосновения рук? Руки сухощавые, загубевшие. Вода прозрачна и прохладна. Нет, здесь – другое удовольствие:

ноги ребятишек предвкушают давку гроздьев.

Глаза ребятишек тарачатся: спорят с зернами гроздьев...

Женщина выпрямляется. Она высокого роста. На голове – простой плат. Лицо спокойное. В удлиненных глазах – едва уловимая печаль. Глаза словно бы неподвижны. Их чернота играет синевою. Фигура сухощавая. Такой облик у грузинской иконы Святой Марии.

– Тетушка Нино! Тетушка Нино!

– Пустите нас в давилню, тетушка Нино!

– Еще рано. Подождите отца.

– А вот и отец!

– Папа идет!

Нико ведет с собой гостя.

У гостя борода, как белое куриное мясо.

– Хороший у тебя урожай, Нико!

– Да, ничего. Урожай неплохой.

Нико оглядывает лучистыми глазами наполненную до половины давилню!

– Папа! Папа! Папа!

– Пусти нас в давилню!

– Немного обождите...

Ребятишки вытирают ноги чистой тряпицей.

Гость осматривает гроздья.

¹ Гидели - плетенная высокая корзина без ручек с остроконечным дном.

- Цоликаури¹, пожалуй, лучше удался...
- Нынче цицка особенно хороша... вот погляди!..
- А что крахуна?
- Крахуна выродилась, погибла почти вся... совсем мало ее осталось...
- А есть все же?
- Я хочу ее отдельно выжать...
- А как сапере поживает?
- Да сапере тоже перевелась...
- А маглари?
- Маглари в этом году уродилась на славу.
- Александреули?
- И александреули молодцом...

Несут виноград: желтый, янтарный и черный. Несут в корзинах и гидэли.

Чрево давитьни наполняется.

– Папа! Папа! Папа! Мы полезем в давитьню!

– Ступайте!

Ребятишки прыгают в давитьню.

Ноги радуются. Икры подрагивают.

Гроздья начинают плакать. Но – слезами радости.

Давитьня хмелеет от солнечного сока.

Сок разливает благоухание. (Есть в мире что-нибудь, сравнимое с этим благоуханием?)

Цикада звенит пуще.

Мойщик кеври вылезает из кеври.

Второй мойщик правит щетку.

Третий раскладывает нарезанные куски шкуры. Нико обращается к Нино.

– А ну, невестка! Накрывай на стол!

Нино молча уходит.

Две секунды – и маленький мальчонка еле-еле тащит корзину. В корзине: курица, изжаренная в кеци¹. Подлива – ежевичная и из ис-

¹ Цоликаури и ниже - сорта винограда.

² Кеци - глиняная сковородка.

рими¹. Исрими – позднего винограда. Лепешки мчади – испеченные в виноградных и ореховых листьях. Полный кувшин вина, заткнутый пучком кукурузных листьев, только что вынут из лона студеного источника. стакан. Чинчила. Кула².

Под кроной дубов – прохлада замшелых скал.

Над кроной: прорастание семян солнца и – цикады.

Сколько таких обедов помнит Цхрамуха?

САРИДАН

Чуть поодаль от места, где в зарытых квеври зреет вино, расположились ореховые деревья.

Ореховые деревья мощью соперничают с дубами. Листва их еще зеленая.

Здесь тоже возвышенность и тоже прохлада.

Под орехами большие длинные валуны – для сиденья.

На одном валуне сидит старик и курит чубук.

Листва шелестит тихонько. Верно, к шелесту прислушивается старик. Или вспоминает прошедшее?

Перед стариком – там, впереди – ода³: строенная из крепкого дуба. Доски толстенные – точно бревна мореные.

На оду глядит старик.

Здесь живет Нико – его младший сын – со своей женой. С детьми. Здесь живет и Нино: вдова его среднего сына. С дочерью и сыном. Старику вспоминается сын: давным-давно пропавший где-то. Вспоминается – но сердце не болит (прошли годы), сердце «вспоминает» боль.

Старик затягивается, раскуривает чубук. Сплювывает.

Теперь он взглядывает в сторону. Поодаль еще ода. Еще дальше – тоже ода. И в той стороне – тоже такая же ода. И совсем вдалеке, за ними еще одна.

В той, дальней, последней оде – его старший сын. Ему уже шесть-

¹ Исрими – незрелый виноград.

² Чинчила, кула - разной формы и величины сосуды для питья вина.

³ Ода - западногрузинский дом, обычно поставленный на сваи.

десять. Внуки у него и правнуки. И в остальных одах живут семьи сыновей старика. Множество внуков и правнуков.

Старик расправляет плечи.

Гордо держит он чубук. Сплевывает.

Глаза встречаются с глазами (пробужденного разума).

Старик шепчет что-то. Или считает:

столько сыновей. Столько дочерей. Столько детей. Столько внуков. Столько правнуков. Столько замужних. Их дети и внуки.

Старик улыбается: он счастливый!

Но – сколько же все-таки?

Старик считает. «Эх, старость!»: не смог сосчитать.

Да и не надо считать. Не смог и не надо; ведь дерево – отец-то – крепкое?

И старик взглядывает на девять дубов:

как эти девять дубов, крепко стоит старик в своем роду.

Курит чубук и снова сплевывает.

Саридан – крепкого крестьянского рода: Лашхи.

(Здесь – филологическое исключение: «крестьянин» – «глехи» не родственен «нищему» «глаха». Нарушение морфологии слова).

К Саридану подбегают детишки.

Кто-то на колени к нему прыгает, кто-то – на руках виснет, кто-то со спины обнимает.

– Дедушка! Отец прислал тебе трут.

– Дедушка, вот, я принес кремень!

– Дедушка, кто тебе огниво сделал?

– Дедушка, а этот нож острый?

– Дедушка, у тебя башмак порвался!

Старик ласкает детей иссохшей рукой. Улыбается им. И дети радуются.

У Саридана вопросы – для каждого: винограда много съел? – Сладок кукурузный початок? – Как поживает Лурса? – Алию подковали?

– А что, Селеша теленка принесла?

Ребятишки вьются вокруг старика.

– А теперь – айда отсюда!

Ребятишки убегают с веселым гомоном.

Саридан поднимается. Опирается на палку. Восьмидесятилетний

старец, он еще крепок. Идет не спеша. И колени у него пока крепкие. Обут в мягкие сапожки. Идет не спеша.

Вглядывается по ту сторону оды. Зрение его утратило остроту?! Но все равно глаз различает: очищенные початки грудами желтеют на земле.

Налиа: плетенные из ветвей азалии либо трифолиаты.

Амбар. Конюшня. Поодаль – овчарня. Рядом – хлев. Там же сви-нарник. Там же курятник.

Глаза старика обретают зоркость.

Это – на одном лишь подворье. А на других? Еще больше. Вчет-веро больше.

Плечи у Саридана согбены. Но сейчас он не чувствует этого.

Оглаживает рукой белую бороду: в белизну ее вкралась желтизна козьей бородки. Волоски бровей удлинились. Среди них сохранились и черные.

Из ушей белый пух выглядывает.

И все же он бодр и крепок. Он идет. Дорога длинная;

На краю двора – дзелквы пятисот – или тысячелетние.

Он видит дзелквы. И – мысль: «дзели-ква», что означает по-грузински «бревно-камень». Нравится ему их крепость.

Здесь возвышенность всхолмлена.

Налево, к востоку – склоны гор цвета серо-синего тумана.

Каких только деревьев нет здесь! Сосна. Ель. Дуб. Бук. Каштан. Негной-дерево. Некоторые по сто алаби высотой. Обхватить ствол человек тридцать понадобится.

Гора зовется «Саирме¹».

Гору от купы дзелкв отделяет неглубокая балка.

В балке – маленький – ручеек – черный, как сгусток желчи. Но – сверкающий.

Стать лицом на запад и повернуться вправо:

балка идет на убыль и теряется – (или расширяется постепенно?)

Виднеется большая долина Рионская: до самой Мегрелии – и даль-ше Мегрелии простирается она – до самого моря. Как вольность – как дикий бег – набег. Как чрево плодородное. Долина – без глаза – будто

¹ Саирме - дословно: место, где водятся олени.

сама и есть глаз – (иной глаз должен ее узреть).

Виднеются пределы Кутаиси – к скале прилепившегося.

Повернуться еще вправо:

перед глазами – долина Квирилы с очаровательными рощами: как гигантская чаша протянулась и словно бы в длинную лодку превратилась.

Там же, близ – долина реки Ханис-цкали.

Слияние Квирилы и Риони.

Лес Аджаметский: изумруд, деревьями проросший.

И наконец та огромная долина: Рионская.

Саридан возле дзелкв.

Созерцает: ущелье – долину – рощи – лес.

Неужто так изменило ему зрение? Почему такой туман? Ведь небосвод здесь всегда чист и сверкающ? Почему так мал окоем? Ведь отсюда окоем был – как стрела, пущенная рыцарем!..

«Эх! Будь проклята старость!» – (в мыслях Саридана).

Или слезы туманят глаза?..

Нет, кажется, и слезы у него уже высохли...

Взор уходит левее: Саирме!

Сколько же раз бывал он здесь на охоте? Сколько сразил оленей? Сколько ранил серн? Сколько онагров? Сколько диких кабанов? Кто сосчитает? Старик своих потомков не может сосчитать.

Он оборачивается. Солнце опускается, как пылающая чаша. Спускается в темное лоно перевозданное. Окрестность окрашивается в кизилковый цвет. Багрец проливается на вершину горы. Печать закатившейся чаши остается в глазах, и взор, к горе устремленный, ловит сине-алый пожар затухающий: багрец затвердевает в сини (что сравнится с этим?).

Старик наблюдает заход солнца.

«Я тоже сойду» (мысль его нетороплива).

Размягченный, поворачивает он к дому.

Издали доносятся голоса стада.

Стадо медленно движется с пастбища: сытое, полное. Быки (Нисла – Лурса – Гишера). Коровы – (Белеша и Муреша). Лошади – (Алиа и Лурджа). Буйволы. Овцы. Телки.

Медленно-медленно, колыхаясь, движется стадо.

Водопой. Наполняются округлые бока.

Бык преследует корову. Мальчик-подпасок окрикивает – и бык отпрыгивает в сторону. Тело стада приходит в движение. Быки сталкиваются рогами. Снова кричит подпасок – и быки утихомириваются. Стадо колышется. Буйвол взрывает копытами землю – пыль встает столбом. Ревет корова. Теленок мычит. Бросается к вымени коровы и начинает сосать. Подпасок подбегает и оттаскивает теленка в сторону. Стадо лениво движется.

Солнце уже зашло.

Стадо подходит к хлеву. Входит. Располагается.

И куры направляются к деревьям – (чаще – к айвовым)¹.

Готовятся к ночлегу. Шум и гомон утихают: – словно издали доносятся (сморкают).

Мычание раздается реже.

Тени густеют.

Темно-лиловые краски окутывают окрестность.

Старик поднимается на балкон, умиротворенный.

Покой и отдохновение.

И Саридан отдыхает.

ВАМЕХ И АРЧИБАЛЬД

Саридан сидит на балконе, дремлет.

Вдалеке – собачий лай.

Лай углубляет тишину. Старик встает.

Мура бежит с лаем к калитке.

Старик опирается на перила. Прислушивается. Слышит другой лай. Мура бежит от калитки к ореховым деревьям оцетинившись, в голосе ее – страх. Перед Мурой все деревенские собаки пасуют. Она собаки испугалась?! Что же это за собака? Старик у странен чуждый лай громогласный.

– Кто такие будете?

¹ Куры в Западной Грузии летом ночуют на деревьях.

Во дворе – конский топот. Чуждый лай смолкает.
– Дедушка! Дедушка!
Среди тысячи голосов старик узнает этот голос.
– Вамех! Сыночек!
Мура ластится к Вамеху. Молодой человек треплет Муру по голове.
Привязывает коня. Взбегает на балкон. Арчибальд держит на поводке Аллана.
– Дедушка! Дедушка!
Обнимает его. Целует.
– Вамех! Сыночек!
– Прошу вас, Арчибальд!
Арчибальд поднимается по лестнице. Аллан – рядом.
Из дома выбегают: Нино – дядя Нико – жена Нико – сыновья Нико.
– Кто этот молодой человек? – звучит в общем шуме голос старика.
– Мой друг из Персии...
Испытующие глаза осматривают чужеземца.
– Сыночек! Вамех! – обнимает его мать.
Босоногие карапузы льнут к его ногам.
Вамех поднимает на руки то одного, то другого, то третьего. Целует каждого.
Один из ребят замечает Аллана и, испуганный, отбегает в сторону.
– Не бойся!.. Большая собака, правда? Двух волков задушит... – успокаивает его Вамех.
Потом – внезапно:
– Где Матаси?
– Она голову мыла... сушит волосы... расчесывает...
Вамех срывается с места.
Арчибальд незаметно разглядывает Нино.
Вамех вбегает в комнату. Хватает сестру на руки, поднимает. Перекидывает через плечо, как ребенка, и выходит с ней на балкон. Арчибальд видит чуть заголившиеся голени – стройные, точеные. Вамех опускает ее на пол. Матаси смущена.
– Моя сестра Матаси! Красивая, правда?
В свете маленькой лампы Матаси со сведенными бровями – точно попавшая в западню куница. Недоверчиво смотрит на незнакомца. Глаза сверкают черно-синим огнем. И пламень лала вспыхивает в них

(это лишь однажды). Так в ночи сверкают глаза необъезженного жеребца.

Внезапно она устремляется к дверям – в комнату. Ушла, ни слова не сказав.

Арчибальд вдыхает атмосферу, которую всколыхнула Матаси: аромат дикого ростка оставила она, что ли?

Тишину нарушает опять Вамех:

– Ну, как вы поживаете, надеюсь, хорошо?

– Хорошо, сынок! Мы здесь, слава Господу, хорошо!

– А как остальные?

Минутное молчание. Вамех не унимается:

– Как наши, бабушка?

– Да все хорошо... только...

– Что случилось?!

– Бедный Ваню...

– Наш Ваню? Ваню, сын Алексия?

– Погиб на войне... извещение прислали...

Вамех уже ни на кого не смотрит. Выбегает.

– Завтра сходил бы...

– Нет! Сейчас же!..

Следом за ним бежит Мура.

Аллан ощеривается, приглушенно рычит. Ребятишки жмутся друг к другу.

Арчибальд взглядывает на дога. Дога успокаивается.

– Садитесь, прошу вас...

Арчибальд садится. Молчание.

Из дома Алексия доносятся голоса. Радость встречи. И один голос – вопленный. Это, верно, мать. Снова тишина. Теперь слышен плач.

– Почему ты сразу ему сказал, бабушка?!

– Если бы я завтра сказал, он бы обиделся... ты же знаешь, какой он...

Вамех возвращается. Радости на нем уже не заметно – будто разбилась она...

С ним двоюродный брат – сын дяди. Такой же крепкий, статный.

– Маглари еще не откупоривали?

– Разве ж без тебя откупорили бы!

– Сэр Арчибальд! Только две секунды!

– Не беспокойтесь, Бога ради!

Вамех с кузеном направляются к марани под открытым небом.

Впереди – мальчик с зажженной лучиной.

Нино спешит в кухню.

Нико тащит свежую кукурузную листву для лошадей.

Старик рассматривает Арчибальда.

Говорит про себя:

– Горяч... быстр...

Арчибальд слышит его голос как бы издалека. Не слышал ли он когда-то этот голос? То ли сон ему снится...

Мысли его обрывает Матаси. Она сбегает по лестнице и направляется в кухню – к матери. Ее бег – как бег лани. Не зря этот уголок зовется «Саирме».

– Откуда вы родом, батона Арчибальд?

– Из Англии.

– Но вы знаете грузинский?..

– Чуть-чуть...

– Что за страна Англия? Это где англичане живут?

– Да, та самая страна.

– Наш Тамаз тоже к англичанам поехал...

«Кто?!» – кричит кто-то в мозгу Арчибальда. Он подавляет этот крик.

Хотя бы кто-нибудь пришел. А-а, это дядя Вамеха, Нико. Только Нико неразговорчив.

Снова голос старика.

Арчибальду страшно продолжать беседу.

Но голос обращен к Нико:

– Лошадей привяжи в конюшне. Присмотри за ними как следует.

– Не беспокойся.

Старик заговаривает снова о чем-то. Но – уже идет Вамех.

– Извините меня, сэра Арчибальд!

– Да что вы!..

Накрывают на стол. Арчибальд попеременно смотрит то на Нино, то на Матаси. Сейчас он проклинает маленькую лампу (а давеча благословлял): ему плохо видно. Садятся за стол. Ужинают. И нет за столом ни Нино, ни Матаси.

Арчибальд в отведенной ему комнате. Нино и Матаси во время ужина, верно, убрали для него эту комнату. Все готово. Чистая постель, чистое белье. Стол. Стул. Одно стекло разбито и пустая рама заткнута большой подушкой. На стенах – картинки, вырезанные из газет.

Входит Матаси. Вносит медный кувшин с водой. Таз. Мыло. Полотенце. Арчибальд дивится. Она поливает ему на руки.

Он вдыхает близость девушки. Такой аромат витает в весеннем лесу.

Ее мышцы – напряженность (соколиного птенца?)

Матаси выходит. Он провожает ее взглядом. Ах, какая скверная эта маленькая лампа!

Но фигуру он все же различает: как лук натянутый.

Женщина-охотница... Здесь ведь вокруг – охотничьи угодья?.. Бедра еще не раздались. Грудь – нераскрывшийся пока бутон.

Она снова входит. Вносит таз. Воду в медном кувшине.

Арчибальд удивлен.

Матаси вся – смущенье.

– Это для ног...

Голос Арчибальда разбивается:

– Оставьте...

– Нет... я сама вам помою...

Арчибальд изумлен.

Внезапно входит Вамех. Понимает его изумление.

– Это древний обычай... Почетному гостю на сон грядущий оmyвает ноги молодая девушка.

– Нельзя ли не исполнять этот ритуал?

– Воля ваша...

Матаси выходит. Уносит с собой все.

Вамех тоже прощается:

– Спокойной ночи.

– Благодарю вас...

Сон или явь? Виденье скорее...

Двухлетний ребенок делает первые шаги. Идет. Падает. Кто-то большой и косматый поднимает его на руки. Ребенок боится: это ведь дэв и есть (который его пугал). Плачет. Теперь женщина берет его на

руки. Несет. Куда? Откуда ему знать!

Впереди что-то высокое. Черное и большое. Порой раздается шум.

Ребенок боится. Женщина успокаивает его: это лес. Там водятся каджи¹ – (так говорят). Нет: там олени и онагры. А что такое олень и онагр? А вот которые на теленка похожи.

Ребенок больше не плачет. Женщина ведет его на мельницу.

Шум. Ребенок протягивает ручонку: указывает. Там перемалывают кукурузу. Перемалывают кукурузу?! А вот из чего кашу варят: это ведь из кукурузной муки. Ребенок успокаивается.

«Каша», – говорит ребенок. Где же тут каша?!

Из мельницы кто-то выходит. Тоже косматый. Это тоже дэв, что ли? А вот яблоко! Ребенок берет у него яблоко. Оно выскальзывает из детских ручонков. Скатывается в воду. Вода уносит яблоко. Ребенок плачет: «Мама-а-а!»

«Мама ушла». «Мама скоро придет».

Ребенок идет по траве-мураве. Кричит: верно, колючка вонзилась? Женщина извлекает колючку. «Чего ты плачешь?» «Не дам тебе мячик». Ребенок глядит на заходящее солнце. Протягивает к нему ручонку.

Это – красный мяч. «Мячик», – лепечет он. Что это говорят: «Завтра будет дождь»? Снова смотрит на горизонт. Мячика нет. «Мячик» – «Вот тебе мячик!» – Дают ему мяч.

Малыш зевает. Вечер – женщина ведет его к дому.

Мальчик, который постарше, срезал ивовую ветку. Окорил. Дает ее ребенку. Что за запах у ивовой ветки?!

Женщина уводит ребенка, укладывает в колыбельку. Он плачет.

«Спи, усни... Нани-нана-нанина...»

Ребенок уже не плачет. Засыпает.

Сон или явь?..

Арчибальд смотрит в окно на сиреневую зарю.

Дыхание перехватывает...

1 Каджи – злой дух.

ЧАСОВНЯ

- Тень ореха: широкая и густая. Скамья – длинный валун.
- Дедушка, ты когда-нибудь видел такой меч?
- А ну, покажи!
- Вамех протягивает ему меч.
- Добрый меч! Где ты его взял?
- Мой друг подарил мне его.
- Арчибальд стоит там же настороженный.
- Добрый меч...
- Старик глаз не может оторвать от клинка. Проверяет сталь.
- Ты видел когда-нибудь такую сталь?
- Видел.
- Арчибальд замер.
- Где видел?
- Вон там...
- Прямо перед ними верстах в трех виднеется холм. На холме – часовенка и старинный дворец.
- В макашвилевской усадьбе?
- Именно там.
- Арчибальд вздрогнул (замечают ли старик и Вамех?)
- Там сейчас, по-моему, никто не живет...
- Никто...
- Дедушка Саридан! Род Макашвили правда вымер?
- Вымер.
- Что-то жалит мозг Арчибальда.
- Никого-никого не осталось?
- Нет. Один из их рода остался.
- Арчибальд – сплошное сердце.
- Куда же он девался?
- В чужие края уехал.
- Сердце Арчибальда вот-вот остановится.
- Давно?
- Давно.
- Все же когда?
- Старик вспоминает.

– Да... в тот самый год, когда родился ты...

Перед взором Арчибальда вспыхивает яркий и широкий сноп света и мгновенно гаснет.

Он взглядывает на холм. Деревянная часовенка и старинный дворец.

Голос старика доносится будто бы оттуда: так далек он.

Мекеш вспоминает что-то, вспоминает...

Вамех берет меч у старика.

– Так значит, ты там видел такой меч?

– Да, точно такой.

– А самого Макашвили ты видел?

Арчибальд задыхается – (Слезы душат, что ли?)

– Тамаза? А как же, конечно!..

На ресницах его повисает слеза.

– Какой он был?

– Хороший был... очень хороший был человек... горячий... и добрый...

Арчибальд украдкой утирает слезу.

Сердце вырвалось на волю – сердце никто не увидит.

Старик встает. Медленным шагом уходит прочь.

Вамех с легким удивлением смотрит на Арчибальда.

– Господин Арчибальд! Прогуляемся верхом?

– С удовольствием!

Лошади наготове. Они отправляются. Аллана Арчибальд оставляет на попечение Матаси. Дог уже привык к ней.

О, этот овраг! Здесь его пугали каджами.

О, этот ручей! Здесь живет водяной, – говорили ему.

Этот холм. Этот виноградник. Это дерево: дзелква. Оно уменьшилось, что ли? Эта местность. Арчибальд далеко – (столетие прошло с той поры?)

Человек едет лежа (все равно, на арбе или в вагоне) – и не знает, куда. Но Арчибальд не лежа едет – он сидит в седле. И все равно – не знает, куда. Он чувствует, что находится далеко: в призрачной стране.

И лишь голос Вамеха способен его отрезвить. Подъем. И это тоже: где-то, куда-то, когда-то... Едут по сельской улочке меж изгородей.

Маленькие дома. Попадаются оды. Есть и бревенчатые хижины. Иные покрыты черепичными кровлями. Иные осокой. Многие дранкой – (в Саирме столько деревьев, пригодных для дранки). Всюду дворы – просторные и маленькие. Здесь висит белье. Там быки жуют свежие кукурузные листья. Играют дети, одетые в лохмотья. Женщины оправляют головные платки (когда встречаются). Впрочем, чаще глазами посверкивают. Тут слышится хрюканье свиней. Там собака лает. Прчулочная собака – особая раса: если не прикрикнуть – чувствует себя оскорбленной, уже не отстанет.

Ничего не изменилось – (это мысли Арчибальда).

Одолели подъем.

Высокая изгородь. Колья из нежной-дерева – тесный ряд. Изгородь точно стена. Выстроенные стеной колья скрепляют по два опорных кола, воткнутых по сторонам, верхние концы которых связаны ветвями азалии.

Большие ворота. Отворяют их, входят. Створка ворот затворяется сама: бревно, привешенное к ней, толстым концом перетягивает ее. Во дворе там и сям – помет: то ли мулов, то ли лошадей.

Маленькая деревянная часовня – как задохшаяся летучая мышь.

Покинутая. Отвергнутая. Брошенная.

По стенам пауки без счета и паутины – без числа.

Бедная часовня: как затерянная в пустыне молитва.

Молчание смерти – (это молчание имеет запах).

Напротив часовни – дворец. Большой: о девяти комнатах. Из крепкого дуба прочного. Хотя и накренившийся набок, точно кривая шея. Окна – все стекла разбиты – словно глаза выколоты. Двери – некоторые выломаны, некоторые скособочены. Кровля – дранка погнившая. Местами мхом поросшая: мох – словно иней цвета позеленевшего чугуна.

Молчание минувшего – (это минувшее имеет запах).

Во дворе: орехи и дубы.

Орехи и дубы колышут тишину.

Местность – мертвая. Здесь, наверное, умирает солнечный луч.

Арчибальд стоит в оцепенении.

Вамех глядит на ограду.

Кто-то сидит на ограде. Нижняя челюсть словно срезана, глаза похожи на грибы-опята. Взор этих глаз – искоса – и насмешлив, и, одновременно, пронизывающ. Такие глаза могут сглазить. У незнакомца в руках – жареный початок кукурузный. Отколупывает зерна и жует. Скулы играют.

Вамех обращается к нему:

- Здесь никто не живет?
 - А кто здесь будет жить!
 - Почему?
 - Это место зачатое.
 - Зачатое?
 - На этих деревьях неясить кричит...
 - Неясить?
 - Это место выморочное... Здесь и бесенята бегают по ночам...
 - И что же?
 - Здесь живое не живет... Здесь плод умирает...
 - Значит, все здесь вымерли?
 - Вымерли...
 - Все?
 - Нет, один остался...
 - Где он теперь?
 - Бежал куда-то...
 - А у него никого не осталось?
 - Сын у него был лет трех, то ли четырех...
 - Где же он?
 - С собой увез.
- Арчибальд борется с чем-то.
- А ты хорошо помнишь?
 - Как же не помню! Наша Саломе его грудью кормила.
 - Какая Саломе?
 - Кации жена...
 - Она еще жива?
 - Жива... Больна она, бедная...
 - Лежит?
 - Да, лежащая она...

Арчибальд спотыкается о край рытвины – (или...)
– Что с вами?!
– Оступился...
– Вот уж правда залятое место...
– Место коварное... все его избегают... – Незнакомец исчезает вместе со звуками.
Они обходят кругом часовенку – (дума ли мертвая...)
Могилы. Камни надгробные. На камнях – надписи. Макашвили. Макашвили. Макашвили. Всяду Макашвили. 18... года...
Корни Арчибальда кричат.
Услышат ли эти могилы?
Они приближаются к дому. Рядом с домом, на откосе, большой орех.
Огромный корень ореха выпирает из земли – уходит далеко и снова скрывается в земле.
Арчибальд падает на корень. Помнит он – нет! это сейчас: протаскивают его, малыша, под дугой, образованной этим корнем... когда он болел – (или это сейчас он болен?)...
Он обнимает корень.
Вамех удивлен.
– Что с вами, Арчибальд?
– Я как-то ослаб...
– Идемте...

КОРМИЛИЦА

В дороге – молчание.
Вамех нарушает молчание.
– Бедный князь...
– ? ? ?
– Где он сейчас?
– ? ? ?
– Или его маленький сын?
– ?! ?! ?!
– Бедная кормилица – Саломе...

– !? !? !?

– Давайте проведем ее: возможно, она нуждается в чем-нибудь?

– Проведем! Проведем!

Это не Арчибалд говорит – это кто-то кричит в нем.

– Вернемся... А вы будто бы врач...

Маленькая хижина. Перед нею – открытая терраска. На терраске, у стены – постель. На постели часто стонет больная. Рядом – женщина, за больной ухаживающая.

– Пожалуйста...

Они соскакивают с лошадей. Привязывают лошадей к столбам терраски.

– Давно она болеет?

– Давно.

– Мой друг доктор.

– Благослови вас Господь!

Больная чуть приподнимается:

Потухшие глаза. Где-то вдали – в глуби – сверкание:

Грудь высохшая и впалая. Руки – кости.

Женщина, за ней ухаживающая, обращается к «доктору»:

– Осмотрите ее, пожалуйста!..

Незнакомец смотрит на больную. Смотрит издали – как бы не смея приблизиться.

Вамех словно бы старается вывести друга из положения. Он спрашивает больную:

– Это вы были кормилицей княжеского сына?

– Макашвили?! Да, я. Сколько времени прошло с той поры!..

– Вы помните его?

– Маленький Арчил... мой мальчик... как же мне не помнить!..

– Его звали Арчилом?

– Арчил... Маленький Ачико... Увидать бы мне его... перед смертью...

– Увидите... увидите...

Это не Арчибалд говорит – это опять в нем кто-то кричит.

Вамех изумлен.

Женщина смотрит на Арчибалда.

– Вы...

Арчибальд не ждет, что она скажет. Он срывается с места и с рыданиями бросается ей на грудь.

– Я это... я... Арчил...

Это говорит уже сам Арчибальд.

Он целует иссохшие груди. Эти груди питали его молоком. Теперь они высохшие. И нет уже в них молока.

Но глаза! Глаза больной!..

В глазах есть все. Слезы. Любовь. Корни. Радость, воскрешение. Снова слезы. Еще слезы. В слезах – все.

– Арчил! Арчил!

Иссохшие руки обнимают его шею – (какие уста исцелуют так?!).

Слышны только его рыдания.

Вамех поехал вперед. Он пустил коня вскачь.

Арчибальд отстал. Его конь идет шагом.

Отчего Вамех уединился? Может, обиделся, что Арчибальд скрывал от него тайну? Вамех ревнив. Арчибальд огорчен. Он едет не спеша.

Та же часовенка. Тот же дворец.

Орех опечален. Корень – еще более.

Он соскакивает с коня. Привязывает его к воротам. Входит во двор.

Заклятое место?! Нет: это его родина. Родину нельзя заклясть.

Здесь он родился. В этом доме. Здесь бабка-повитуха перерезала ему пуповину. И пуповина его соединилась с этой землей. Где ее части теперь? Пропали? Исчезли? Нет: здесь они, в этой самой земле.

Он озирается по сторонам: никого вокруг – (европеец боится сторонних глаз). Смотрит на выбившийся из земли могучий корень ореха. Падает на этот корень. Целует землю. Просовывает голову под высокий изгиб корня и пролезает.

Поднимается с земли – уже другой: окрепший, сильный.

Еще раз глядит на землю и на корень.

Поворачивается. Идет к коню, садится в седло. Пускает коня вскачь.

Никогда еще не ощущал он в себе такой силы. Тело подчинено неведомому мощному ритму. Никаких преград. Никаких препятствий. А если они встретятся – он разрушит и преодолет их.

Сила его передастся и коню: ноги коня уж и не помнят, спотыкались ли они когда-нибудь.

Но в этом стремлении – одна зазоринка: уехавший вперед Вамех.

Почему он уединился, почему оставил Арчибальда одного? Может, обиделся, что Арчибальд до сих пор не открыл ему тайну?! Вамех ревнив.

Арчибальд просветлен. Лишь эта мысль омрачает просветленность.

Но – навстречу скачет Вамех.

В одной руке у него хелада¹, полная вина (у соседа попросил?).

Он приближается. Лоб открытый, ясный. Значит, напрасны были подозрения. Славный Вамех!

– Арчи...

– Да, Арчил, Арчил!

– Земля обрела своего сына... В знак этого: зедашэ!² Арчибальд пьет вино.

Возвращает Вамеху. И Вамех пьет.

– Благослови Бог его создателя!

– Воистину!

Они подгоняют лошадей друг к другу. Протягивают друг другу руки.

Лошади отворачивают головы в разные стороны. Арчибальд пьет снова. Снова передает сосуд Вамеху.

Вамех осушает сосуд. Бросает оземь. Глина вдребезги разбивается о камень.

– Зачем ты его разбил?

– Чтоб не коснулись его другие губы.

– ? ? ?

– И чтоб не возжаждал он другого вина.

Вамех поднимает коня на дыбы. Пускает вскачь. Выхватывает из ножен меч. Проносится мимо купы деревьев. В стороне – яшень.

¹ Хелада - сосуд.

² Зедашэ - церковное вино; также старое вино высшего качества.

Взмах меча – и ветка в руку толщиной летит наземь. Вамех поворачивает коня. Мчит к Арчибальду.

– Вот это сталь!..

С восторгом смотрит на меч.

– Плохую сталь Тамаз Макашвили не взял бы в руки...

– Так значит этот меч...

– Моего отца...

Вамех теперь – сам как меч.

Конь грызет уздечку.

МАЙЯ

Кукуруза потоком обрушилась на плетенный из рододендроновых ветвей налиа¹. Столбы налиа – из негной-дерева – почти не видны, кукурузой завалены. На вершине кукурузной горы сидят юноши и девушки. Среди них и Матаси. На горе кукурузной – точно сирена в морской пене.

Внизу, возле столба – трехногий стульчик.

На стульчике сидит Саридан. Курит чубук.

Подле него дремлет, растянувшись на земле, Аллан.

Кукурузная гора – в сетях луны.

Очищают кукурузу. По одну сторону бросают початки, по другую – листья. Желтые зерна кукурузы – точно зубы драконовы на квакше древесной.

Аромат... Аромат!

Початков – листьев – кукурузного волоса.

Вамех среди ребят – тоже перебирает.

Арчибальд пробует ногтем початок. Нюхает (впервые?!)

Запах кукурузного початка не вытравить из памяти.

Всколыхнулось далекое. Видятся там, вдалеке, детские ручонки.

(Руки – не с початком ли играют?)

Вамех настойчиво спрашивает Саридана:

– Так что же случилось с каменным юношей?

¹ Налиа - в Западной Грузии амбар на высоких столбах для хранения кукурузы.

– С каким каменным юношей?
– Который высечен в скале там, за рекой...
– А-а-а...
– Это правда? Говорят, если зверь на этот камень глянет – теряет свою силу.
– Правда, правда.
– Правда?! У птицы крылья опускаются, если близко пролетает...
– И это правда...
– Расскажешь нам, дедушка Саридан?
Это голос Матаси.
Голос сверкнул, как аметист в брызгах воды. Арчибальд взгляды-вает на нее.
– Расскажи! Расскажи, дедушка! – это ребятня – парнишки и девчонки.
Старик затягивается, выпускает клуб дыма. Сплевывает. И тихим голосом, неторопливо, заводит сказ:
– На той реке, оказывается, мельница стояла... давным-давно... в незапамятные времена... А на той мельнице жил старый мельник. И был у него единственный внук...
Девчонки краснеют. Жмутся друг к дружке.
Листва кукурузная шелохнется разок – и стихает шорох.
– Да, внук... юноша сильный и статный... Однажды и говорит ему старик... юноше, значит, не думай, внучек, что река всегда течет-дви-жется: есть в ночи такой миг, когда и река засыпает...
– И река засыпает?!
В сверкании аметиста звучит удивление.
– Да, детка... ночью все на свете хотя бы на миг уснуть должно... ну и вот... сказал ему еще старик... внуку, значит... тот, кто этот миг улучит, тот диво дивное увидит...
– А что увидит? Что увидит?
Девчонки ерзают, глаза горят.
– А увидит, как из реки женщина выходит – краса несказанная...
– Женщина?! Краса несказанная?!
Загораются мальчишки.
– То-то...
– Потом, потом?

- А вот что потом: юноше чудно было это слышать...
- Река засыпает... что-то не пойму я...
- Аметиста сверканье тонет в лунном сиянии.
- Надо все забыть, тогда и увидишь, как спит река, – сказал еще старик. – Так-то...
- А юноша захотел увидеть ту женщину, верно? – улыбается Вамех.
- И старик улыбается.
- Захотел, да как захотел! Совсем разум потерял... все дни обалдевший ходил... Ночей не спал. Однажды ночью, когда мельник крепко уснул, юноша встал тихонько, взял сеть, вышел из мельницы... и пошел вдоль реки, по-над водою... А ночь лунная стояла... Подошел к одному месту, забросил сеть. Не вытащил рыбу. Опечалился юноша. Не стал больше рыбачить. Взошел на вершину скалы и на луну уставился. Стоит, любуется...
- Слух Арчибальда зацепился за слово «луна».глянул вверх: луна уж бледнеть начинала. Он обернулся на Матаси. В лунных лучах ее лицо отсвечивало голубизной снега. Матаси слушает, замороженная.
- А чего он на луну уставился? – не терпитя девчонкам.
- Старик затягивается, сплевывает.
- Чего уставился? А кто ж его знает... Задумался, значит, юноша... словно бы унесла его река... так-то... забыл обо всем на свете, все забыл – одно только помнил...
- Девуцу-красавицу помнил, да? – шутит Вамех
- Ага, одну ее и помнил... как во сне был... будто спал с открытыми глазами...
- А что это такое – спать с открытыми глазами? – спрашивают парни.
- Спать с открытыми глазами? Когда у человека глаза открыты, а сам-то спит, сны видит...
- Это что ж такое?..
- Не понимают парни. И девушки не понимают этого.
- Вот как Матаси; на луну глядит и сны видит...
- Брат ласково кладет руку на плечо сестры. Матаси смущается.
- Дальше, дедушка, дальше?
- Потом, видишь ты, соснул маленько парень, одолела, значит, его

дрема. А луна прильнула к реке, тает, серебром растекается.

Опять Арчибальда царапнуло слово «луна». И еще «река». Взглядывает на Матаси. Матаси – точно рукав реки, луной потревоженный.

– Луна к реке прильнула?!

– Ага-а... прильнула... река потянулась... луна светит... река течет лениво...

– Ну, дальше, дальше?..

– Дальше-то? Уснула река...

Девушки и парни вместе: а-аа-а-а??!

Кукурузные листья шуршат и стихают.

Початки застывают в замерших руках.

Луна льет косые лучи.

– Потом, потом?

– Потом... потом, оказывается, испугался парень, вздрогнул...

– А река?

– Река шевельнулась... вспенилась вода...

– Вспенилась?..

– Пена женщиной обернулась...

– Ну, ну, дальше!..

– А женщина – краса несказанная – обратно пеной оборотилась...

– А парень?

– Парень обалдел вконец... и только сердце заныло, зашло сладко от приятности какой-то непонятной...

– Потом?

– Потом снова сон его забрал... когда проснулся...

– Ну что, что он увидел?

– Проснулся и чувствует – глаза его чьи-то руки прикрывают...

– Чьи руки, чьи? – сгорают от нетерпения девчонки.

– Руки женщины.

– Руки женщины? – вспыхивают мальчишки.

– То-то и оно, руки женщины...

Старик затягивается чубуком, сплевывает.

В сознание Арчибальда врезается слово «река». Он взглядывает на Матаси. Замершие руки успели наполовину очистить початок. Точечные пальцы ласково сжимают желтые зерна.

– Потом, дедушка, потом?

– Поднял парень руку... свою руку, правую... коснулся женской руки... со страхом коснулся...

(Матаси поеживается).

– И что же?

– Рука женщины горячая была... юноша руки той не видал... только коснулся своей рукой... его глазами тогда его рука была... рукой ее руку целовал...

(Руки Матаси вздрагивают).

– Вот это д-дааа!... – задыхаются мальчишки.

– Ага-а...

Старик затягивается. Сплевывает.

В сознание Арчибальда врезается слово «рука». Он взглядывает на Матаси. Рука обнажена. Трепет и желание в обнаженной руке.

– Потом, потом! Дальше, дальше!

– Юноша и спрашивает: кто ты? А женщина отвечает: у меня имени нет, я – безыменная...

– Ты смотри!

– А голос у нее такой сладостный был, сладкозвучный... Юноша возьми и поклонись ей: отныне, говорит, я твой... И она ему отвечает: я, говорит, приходи к тебе буду... Только она это сказала, и вдруг – бултых в воду вниз головой и исчезла...

(Пауза).

Внезапно верхушка кукурузной горы, на которой Матаси сидела, с шумом обрушилась. Матаси с визгом полетела вниз. Туда, где листва кукурузная в кучу свалена была.

Обнаженное колено на миг коснулось Арчибальда.

Вамех поймал сестру. Удержал. И шутит:

– Матаси наша – речная девочка!..

– Ха-ха-ха!

– Думала, верно, что внизу река, а не листья кукурузные!

– Кукуруза рассыпались и меня с собой утащила...

Матаси пристыженная – (почувствовало ли что-нибудь обнаженное колено?)

– Дальше, дедушка?

– Дальше... Закручинился, загрустил юноша... Из дому сбежал... дни в тенечке лежал, ночами на реку ходил, на то самое место... Сам

не свой стал... И чудеса разные слышал... слышал, как трава растет... вот оно как... и те руки помнил, ох, и крепко их помнил...

(Руки Матаси шевельнулись).

Ребята не понимают:

– Руки женщины, поди-ка ты!..

– А потом?

– А потом было: пошел он однажды к скале той и опять полная луна по небу плыла – как и тогда... присел он... вздремнул маленько... дрема его одолела. То ли миг прошел, то ли век: не понял он. Да и что он понять мог?! И как проснулся, чувствует – та женщина рядышком с ним сидит... Только теперь глаз его не трогает. Хотя сам-то глазами ничего и не видел; в глазах туман, марево какое-то... и тащит его женщина во тьму... а он хмелеет и сил никаких... была та женщина белая-белая и твердая, как камень... камень он лобызал, камень пил, не радость...

– Камень пил?!

– Вот-вот...

(Пауза).

– Что с тобой, Матаси?

Вамех глядит – Матаси набок клонится, вот-вот свалится, глаза затуманены...

Вздрогнув, она выпрямляется.

(Обнаженную руку ощутила рука Арчибальда: остановила).

– Ничего... мне под орехами кто-то померещился...

– Я ведь сказал: она сны видит с открытыми глазами...

– Ха-ха-ха!..

Заливаются, хохочут девушки и ребята.

– Дальше, деда!..

– Дальше парень стал ее просить-молить: покажи мне лицо свое.

А та в ответ: я, говорит, невидимая... коли смертный меня увидит, дорого ему это станет... Так, оказывается, она ему сказала...

– Русалка, значит, была, что ли?..

– А то!..

– И больше он ее не видал?

– Как же нет!

– И что с ним случилось?

– Онемел парень. Дара речи лишился... слова не произносил и не глядел ни на кого... и не слушал никого... одно желание им владело, одна страсть...

– Увидеть колдунью, да?

– Да, ее увидеть... вот оно как... Пошел он еще раз на берег речкой... снова сон его сморил...

– Сколько он спал!

Ребята и девушки смеются, тихий смех бисером рассыпается.

– Да, уснул, значит...

– Потом, потом!

– Ну, что ж потом: река замерла, остановилась... проснулся парень и видит: речная гладь разверзлась, точно разрезали ее, и выплыла на поверхность женщина... медленно так всплыла... волны вспенены были... а она – в пене да в чем мама родила...

– Увидел ее парень?

– Она ему крикнула: не гляди на меня, не гляди!

– А он посмотрел?

– Да как же он не посмотрел бы! Она ведь его околдовала!

– Потом?

– Потом, значит, так было: глядит на нее, значит, парень... а она черные волосы по плечам разметала – точно синий-синий камень в ручье...

– Не удержал ее парень-то?

– Куда там! Она еще разок крикнула ему, оказывается – «не гляди, мол, на меня!» Только разве ж его глаза что-нибудь лучшее увидели бы! И тогда она крикнула ему: «во веки веков тебе только меня и видеть!»

– Потом?

– Нырнула она в воду – и исчезла...

– А парень?

– А парень в камень обратился...

Молчание. Тишина.

– Значит, каменный юноша он и есть?

– Он и есть. Мельников внук.

(Пауза).

Видит Арчибальд:

Луна: обнаженная женщина...
Гора початков: зубастые квакши древесные.
Листья: вспененные жемчужины.
Местность – в лунных сетях.
В ней – видение прекрасного.
Сеть тускнеет: красота исчезает, тает.
Куча початков – и Матаси.
На кого она смотрит? Кого слушает? (Не себя ли?)
«Майя» – мысль Арчибальда.
Аллан рычит на луну.

МАТАСИ

Груша «чичква» оплетена плющом.
Возле груши – быки. Все – черные: ни пятнышка. Щиплют клевер с эпическим спокойствием. Отгоняют хвостами мух.
На широком пне сидит Арчибальд. Смотрит на виноградник.
Виноградник пока еще – синее озеро. Медный купорос расцвечивает листья.
Собирают виноград. Множество женщин, множество детей.
Солнце на склоне. Цикада звенит – не смолкает.
Порой доносится пение мойщика кевври – как из-под земли.
Виноградник колыхается – будто в нем дикий зверь бродит и мягкими влажными губами обрывает спелые гроздья.
Лошадиный череп на колу: чтобы не сглазили лозу.
Смех. Вскрики. Шепот. Зов.
– Матаси! – голос матери.
Из листвы высовывается девичья головка.
– Да, мама!
– Позаботься о госте...
Арчибальд слышит голос – слов не разбирает.
Он снова созерцает виноградник.
Багряное благо солнца. Неистощимое лоно земли.
Он смотрит в сторону. Идет Матаси, идет застенчиво. В руках – корзина, плетенная из пшеничных стеблей. Корзина полна винограда.

Стан стройный. Голова опущена. Волосы заплетены в косу – толщиной в руку. Цвет волос – темный туман Саирме. Или – плотный лист дуба: темный до черноты. И сама она – листва, молодая листва, зазеленевшая на молодых побегах дуба: благоуханная, свежая...

– Угощайтесь, прошу вас!

Она протягивает ему корзину.

Все тот же голос: сверкающий аметист. Сейчас – дрогнувший.

– Благодарю.

Арчибальд берет у нее корзину. Глаза меряют девушку.

Матаси смущается. Вскинувшись, поднимает голову. Взглядывает на него.

Глаза черные. В глубине – синий камень поблескивает.

«Мая!» – вспоминает Арчибальд. Он смотрит на нее, чересчур уж смотрит.

Матаси внезапно поворачивается и уходит. Идет к марани. Арчибальд провожает ее глазами. На кого она похожа? У нее ресницы великой Тамар – (такие ресницы – только в Грузии), но взор Тамар – медленный, величавый, а у нее – пылает странно. Кого она ему напоминает? Ах, да – Ирахшанду!

Только: в глазах Ирахшанды – печаль далекая. Здесь – лучезарность.

В Ирахшанде луна расплавилась. На теле Матаси солнце горит.

Она возвращается. Несет тарелку.

– Вот, пожалуйста... выложите на тарелку...

– Благодарю вас...

Арчибальд кладет гроздь на тарелку.

– Как называется этот виноград?

– Ркацитэли...

– А этот?

– Цицка...

– А этот?

– Крахуна...

Арчибальд смотрит попеременно то на Матаси, то на виноград.

– Какие великолепные гроздья!..

– Нынешний год не так уж хороши...

Матаси уже не смущается.

– А что, бывают лучше?

– Конечно, бывают лучше...

Голос Матаси звучит смелее.

Она оборачивается – видит идущего брата и стремительно направляется к винограднику (застыдилась?).

– О, Вамех!..

– Это Матаси вас угощает?

– Да... Какая красивая у вас сестра, Вамех...

– Моя сестра и для вас – сестра.

Вамех улыбается. Арчибальда охватывает необыкновенно приятное чувство. Вдруг он что-то вспоминает. Явно смущается. Вспоминает еще что-то. И торопливо говорит Вамеху:

– Вамех, вот здесь сто рублей... Отправьте, пожалуйста, Саломе в санаторий...

– С радостью... О-о, как обрадуется старушка...

– Пока пусть будет это...

Пауза.

– Вамех, Вамех!

Это зовет Саридан.

– Я здесь, дедушка! Сейчас приду...

Вамех уходит. Арчибальд снова обращает взор на виноградник. Там – в листве – затаилась Матаси. «...И для вас сестра...» Вправду ли? Сестра ли?! Нет. А может, женщина: которая в сердце вторгнется? Нет. Может, друг?! Нет. Не сестра – не возлюбленная – и не друг. И в то же время: и сестра – и возлюбленная – и друг. Должно быть найдено другое слово и другое имя. Может, Ифигения?!

Вновь появляется Матаси. Несет к марани полную корзину винограда.

Арчибальд следует за ней. Нагоняет.

– Позвольте, я понесу корзину.

– Нет, я сама...

– Вы мне отказываете?

Арчибальд улыбается. Суровость Матаси оттаивает. Смягчившись, она говорит:

– Хорошо, несите...

И убегает вперед. Арчибальд несет корзину.

Вот и давитья. Он высыпает виноград.

Матаси держит в руке черпак из выдолбленной тыквы – хапи, полный сладкого виноградного сока.

– Отведайте...

В голосе – чуждый призыв...

– Благодарю...

– Только что отжатый... сладкий сок.

– Благодарю...

Он принимает сосуд и пьет. Затем сам наполняет хапи.

– Выпейте и вы...

– Я уж столько пила!..

– Но ведь я вас прошу...

Матаси принимает у него из рук хапи. Пьет. Глаза застилает туман. Синий камень расширяется и влажнеет. Матаси вдруг срывается с места и убегает в виноградник.

Арчибальд идет в другую сторону.

Да-а: теперь ему вспоминается: Большой Карду – и Святая Нино. Матаси больше похожа на Нино. Синеокая дева, преисполненная женственности. Влюбленная в Иберию. В ее землю и ее виноградники. Из обрезков лозы дева складывает крест. Лоза исходит слезами (радости?!). Дева осушает эти слезы своими волосами. И лозе сладостно их прикосновение. Она отрезает прядь волос и скрепляет ею крест. Матаси – Нино. Если он нарисует Матаси – это будет Нино. Он оборачивается – снова Матаси. Теперь рядом с матерью. Обе одного роста. Она ласково смотрит на мать. Отчего не смеется мать?! Почему хоть мимолетная улыбка не пробегает по ее лицу?! Почему молчит она постоянно? Грузинская икона Святой Марии такова.

Арчибальдом овладевают далекие думы:

может быть, и Матаси с любовью вспоминает затерянного где-то отца?

Арчибальд отгоняет эту мысль.

Он направляется к дзелквам. Там старик Саридан. И там – Вамех.

– Значит, завтра уезжаете?

В голосе старика боль.

– Да, завтра мы должны ехать, – отвечает Вамех.

– Сердце говорит мне что-то...

- Что оно говорит?
- Сердце чует недоброе...
- Но что?
- То, что не увижу более тебя.
- Нет, нет, дедушка! Не думай так!.. Дни твои долги...
- И долгим дням положен предел...

Арчибальд, стоя под дзелквами, любитесь окрестностью. Кто только не бывал здесь?! И кто еще побывает... Отец! Где ты есть? Отец!..

- Нет, дедушка Саридан! Ты еще увидишь меня...
- Постарел я, сын мой... Согнулся...

– Нет, ты еще молодцом!.. А ну, давай померяемся ростом, вставай-ка!

Саридан колеблется. Смеется. Вамех не унимается. Саридан встает.

Вамех становится рядом с ним.

- Вот видишь, дедушка, и вовсе ты не согнулся!
- Ты славный, мой мальчик... Будь здоров и благополучен...

И Саридан веселеет.

Арчибальд ощущает боль. Завтра он должен покинуть эти места... Вернется ли? Какое медленное здесь солнце! Когда оно заходит, багряное око его остается в Саирме. Саирме – синий и багряный зрачок заходящего солнца превращается в лиловый самоцвет. Этот самоцвет – синий свет – соколиный глаз. Соколиный глаз глядит с Персатских гор: на Рионскую долину – пойменные рощи Квирилы – ущелье Ханисцкали. Может, вся эта сторона и есть соколиный глаз?!

Арчибальду боязно: не в последний ли раз созерцает Соколиный глаз?

Как хорошо, что Вамех едет с ним!

Под орехами вечер.

- Как это было, дедушка Саридан?
- Так оно случилось, сынок, так получилось....

И неторопливо старик заводит сказ.

Закончит – и опять спрашивает Вамеха:

- Значит, не передумал уезжать-то?

– Нам непременно нужно ехать, дедушка...
Откуда-то вдруг появляется Матаси.
– Матаси, детка... завтра они уезжают... – говорит ей старик.
Матаси заливается румянцем.
– Останьтесь еще на денек... – она смотрит на Арчибальда.
– Увы, это невозможно...
– Но ведь я вас прошу?..
Матаси – как всходы солнечных зерен.
– Да... тогда... раз так, отказать трудно...
Арчибальд не в силах скрыть радость.
И Саридан также. И Вамех. Радость Матаси скрывается за смущением.
Вамех вдруг хватается сестру и поднимает на руки.
Матаси одергивает платье на коленях.
Глаза ее устремлены на Арчибальда.

Послезавтра в этих глазах Арчибальд увидит две слезинки.
В уголках.

НОРД-ОСТ

*Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...*

А. Блок

Сердце всегда одиноко.
А если оно согрето любовью? Тогда сердце – один лишь страх: чтобы не разбилось другое сердце. А если разлучено оно с этим сердцем?! Тогда сердце – одна лишь печаль (может, предчувствует, что когда-то разлучится навсегда).
Сердце – барометр смерти.
(Вечная грань вечной меланхолии): лирика.
Арчибальд Мекеш – среди лавок казвинского базара. Но сердце

его – далеко.

В лавках десять тысяч сердец – с десятью тысячами желаний.

Это сердце им не причастно.

В сердце Арчибальд читает письмо Ольги. Брат поправляется. Сама она вскоре возвратится. Такое расстояние тяжело вынести и ее сердцу. Оно бьется брошенным птенчиком. Сердце разорвется. Петербург корежится – там что-то происходит. Но если и Петербург рухнет? Тогда меж двумя сердцами развернется пропасть.

Черт с ним, с Петербургом, пропади он пропадом! Только бы сердце нашло сердце (это мысли Мекеша?!).

Как мало нужно человеку!

Арчибальд Мекеш расхаживает между лавками – прилавками – ларьками.

А сердце его далеко отсюда

Нет. Удивительный город Петербург. Гигант, одержимостью Петра Великого, исторгнутый из топей финских болот. Гигант, закованный в гранит. Чугунный всадник сидит на мчащемся коне. Всадник бешено натянул поводья: конь взвился на дыбы. И окаменел как гранит. А если оборвет узду? И понесется вскачь невесть куда? А если и всадник последует за ним? Финские болота фосфоресцируют в ночи. Фосфорический свет раздваивает очертания предметов. На петербургский гранит обрушиваются призраки: химеры всевозможных рас. Испытывают прочность гранита. Выдержит ли?.. Среди фосфорических видений мерцают глаза Достоевского. Нахлынет эпилепсия и пеной изойдет. И уста с непросохшей пеной прокричат «конец света» и Иоанновой трубой огласят мир. Эпилепсия разверзнет глотку с яростью Апокалипсиса. Конь изгрызет узду: оборвет ее и понесется вскачь. Чугунный всадник – с ним. А гранитный город? И он исчезнет – или откроется подобно острову Патмосу?

Петербург – черт с ним, пусть пропадает пропадом. Только – (сердце Арчибальда не многого просит)...

– Арчибальд!

– Табай-хан!

На пороге лавки Таба-Табай. Курит гашиш

– Вам кофе или гашиш?

– Закажите кофе.

В голове Арчибальда – и так гашиш.

– Когда приехали?

– Пять дней уж, а вы?

– Я приехал сегодня... Какие вести?

– Из Петербурга?

– Да...

– Собираются выступать...

– Выступят...

Персиянин – то ли индус – то ли египтянин – улыбается тонкой улыбкой.

Мальчик-слуга приносит кофе.

Между прилавками ходят русские солдаты. Зачастили они что-то в последнее время. Что покупают они? Таба и Арчибальд замечают одного солдата, у того в руках шинель. Но почему шинель – не скатка, и не перекинута через спину? В шинели – палка, что ли? Солдат вроде бы украдкой передает шинель персу-торговцу. Перс тоже украдкой ощупывает ее. Ружье. Торговец прячет шинель назад, за прилавок. Русский солдат пересчитывает персидские туманы¹.

– Видите?

– Вижу.

– Они не хотят больше воевать...

– Да и зачем должны хотеть?

Таба и Арчибальд поднимаются.

Перед ними возникает вдруг огромная химера: верблюд. Нескладное животное на этой тесной дороге – как видение ночного кошмара. Но глаза: глаза, которые созерцают пустыню. «Бехан?!» Нет. Бехана больше нет. Но ведь и участь этого тоже такова?! В его глазах залегла печаль: может, предвидят они падение и одинокую смерть в песках.

Арчибальду в этих глазах мерещится некая тень.

Может, эта тень сам он и есть?

Опять солдаты. Железо. Кожа. Одежда. Несут все: автомобильные части и конскую сбрую. Продают все: тот же шепот, и то же пересчитывание денег.

Арчибальд фиксирует.

¹ Туман соответствовал 10 русским рублям (перс. и груз.)

– Вот еще...

– Завтра их будет еще больше...

– Вы думаете, фронт падет?

– Непременно...

Верблюда не видать. В лавках продают парчу и шелка. Звучит персидская речь.

Персидская речь змею выманит из норы: так она сладка. А когда разговаривает персиянка? Тогда-то, наверное, змея становится ручной.

Персиянка покупает парчу. У нее фигура Ирахшанды. Бедная Ирахшанда.

И голос будто бы ее! Арчибальд всматривается.

– Ирахшанда! – произвольно произносит он громко.

Женщина оборачивается. Вздрогнув, отворачивает голову. Скрывается в толпе.

– Это была Ирахшанда... наверняка!

– Возможно...

Арчибальд прибавляет шаг. Но видение исчезло.

– Ирахшанда... Луна Ирана...

– И печаль иранской луны...

(Отчего так горько «не сможешь увидеть более»?!)

Арчибальд снова чувствует сердце.

Они продолжают путь. Выход близко. У последнего прилавка стоит женщина. Голова закутана белым покрывалом. И у нее зеленоватые глаза. Ах, Ольга!.. Ольга... Где ты в это мгновение?..

Слова Ольги – (из письма) – исполосовывают сердце. Сердце трепещет, как грудной младенец, которого купают в корыте. В Петербурге «что-то происходит». Или уже произошло? Но ведь это значит – разверзлась пропасть меж двумя сердцами! Да, теперь ему понятно, почему отвернулась Ирахшанда.

Но пропасть разверзается для него: чтобы разъять два сердца (вечная черта вечной меланхолии).

И снова солдаты. Бродят. Балагурят. Курят табак. Потягиваются.

Грызут семечки. О, эти семечки! Типично российская метафизика. В этом раскрывается раса: дикая и крепковейная. Говорят им: «это пропасть». «Пускай!» Отвечают и отплеивают шелуху. «Закон та-

ков», – говорят им. «Не для меня писан», – беззаботно бросают губы с налипшей шелухой, и в глазах мелькает чуждый огонь. «Так нельзя!» – урезонируют. – «А мне наплевать», – и зубы опять разгрызают семечки. Чуждый огонь в глазах принимает багровый цвет, цвет бурака. Свирепость солнца в этом лузгании или беззаботность солнца – того не ведают солдаты. Он знает одно: что семечки – зерна подсолнуха. А к чему знание, когда смотришь на солнце!

– Видите, сколько их здесь?

– Вижу.

– За одну неделю они все здесь заполонят.

– Я уверен...

Арчибальд снова устремляет взор на губы с налипшей шелухой. Чего не изругают эти губы, чего не осмеют...

Таба-Табай приближается к одному из них.

– За что воюете?

– Не знаю...

– Как не знаешь?

– Забрали нас, вот и воюем.

– С кем воюете?

– С басурманами и с германцами.

– Видел ты их?

– Раненых видел и мертвых.

– Домой хочешь вернуться?

– Земля там... вестимо хочю...

Губы снова плюются шелухой. В стороне сыплется забористый мат. Арчибальд подходит к солдату. Глаза у солдата – не поймешь: смеются или насмеваются. Приближаешься. Он вроде и ласков. Но глаза вдруг полыхнут таким огнем – и страшно: не залепил бы затрещину. Череп скифа и глаза монгола. Что преградит путь этой расе и что оставит ее? Сметет на своем пути все и преодолет все. Потопит.

Арчибальд оборачивается к Таба-Табая:

– Теперь я верю...

– Чему?

– Что они обрушатся лавиной...

– Кто?

– Вот эти... Эти губы... эти глаза... эти головы...

– А-аа...

Персиянин – то ли индус – то ли египтянин, – улыбается.

«Известия». «Известия»! «Исполнительный комитет». «Рабочие – солдаты – крестьяне – матросы». «Керенский» – «Львов». «Чхеидзе». «Церетели». «Плеханов». «Ленин». «Троцкий».

Слова обволакивают весь земной шар.

Имена ложатся и на Иранское плоскогорье.

И в Казвине есть исполнительный комитет. И здесь: эсеры – меньшевики – большевики – кадеты (два-три человека) – максималисты – интернационалисты.

Там – где персияне музыкой встречают восход солнца,
там – где персияне музыкой провожают солнце,
там – эстрада сейчас. С эстрады орет кто-то сиплым басом.

Впереди просторная улица. По обе стороны ее: огромные платаны. По платанам часто – стаи воронов. Никогда не слышали вороны такого голоса. Слушают удивленно и с карканьем летят прочь. Персияне опасаются: как бы вороны и вовсе не покинули эти места.

С эстрады доносится: «Долой капитализм!», «Долой войну!». «Война выдумка капиталистов». «Землю – трудящимся!» «Земля – всем!» «Фабрики – рабочим».

По улице – группы солдат. Лениво, медленно бродят они. Зевают. Семечек и здесь полно. На губах – «хम्म» и «ооо». Когда с эстрады падает слово «земля», лузганье семечек прекращается: глаза расширяются. С губ вместе с шелухой срывается: «земля – земля, да-а, земля».

Изредка пройдет персиянин.

Какой-нибудь земгусар останавливает его:

– Хусейн, ты знаешь, что такое Петербург?

– Питэбюрк?

Персиянин сосредоточенно прикрывает глаза.

– А революция?

– Ривалисия...

Персиянин тает в улыбке.

– О пролетариате-то ты слышал?

– Пролитайри...

Персиянин мягко, по-кошачьи ускользает. Бодро вскидывает корзину. Он торопится. Ему необходимо продать свой виноград. Потом он будет курить гашиш и отдастся созерцанию «вечных субстанций».

А земгусар опять глядит на эстраду (с иронией?)

С эстрады опять гремит тот бас.

Кто-то проезжает на автомобиле. Автомобиль рассекает толпу. Шофер нажимает на клаксон. И думает про себя: это контрреволюционер – (в автомобиле сидит земгусар). Клаксон и бас с эстрады состязаются друг с другом. Автомобиль оставляет массы позади. Бас с эстрады чуть-чуть стихает.

Бас сменяет другой голос. Этот голос потоньше. Он тоже выкрикивает те же слова. Но план его иной: он больше юлит. «Фабрики – рабочим: конечно же». «Земля – крестьянам: и это конечно же». «Но – сейчас же?!» «Эт-то преждевременно». «Потому что...» «Оттого что». «Объективные условия». «В настоящий момент». «Пока что». «Потом... потом» – и запутывается бесконечный ряд словес. Голос становится все тоньше и тоньше. Зевота нарастает. Лузганье семечек – еще больше. Но внезапно в бесконечный ряд словес снова врывается слово «земля». Толпы вскидываются – словно хотят проглотить «землю». Глаза загораются.

На углу боковой улицы сифилитик жарится на солнце. Он уверен: губы солнца высушат его язвы, выжгут недуг. Он слышит голос с эстрады, но слов не понимает. Да и не хочет понимать. В толпе стоит оборванец. Тухлые мозги порой посещает божественное видение – этому верит Восток – вероятно, для поддержания всемирного равновесия. Глаза бессмысленны: не видение ли созерцают? Или ищут свой утраченный взор? Рот разинут словно ловит слова, с эстрады доносящиеся. Бас выкрикивает одно и то же (тонкий голос снова сменил бас). Дервиш пугается: бросается наземь – пена выступает на губах. Потом вскакивает.

Разевает рот – (бас неистовствует): словно проглотил уголек пророка Исайи. Он тоже начинает вопить. Но его крик не слышит даже персиянин. Толпа колышется, корчится как изрубленные члены Левиафана. Голос с эстрады нарастает. Толпы ждут «землю». В конце улицы лежит и дремлет персиянин. Голова обрита наголо, лицо – зева-

ющая мумия. Глаза, устремленные и сторону и вдаль. Земгусар пристает и к нему:

– Ты знаешь, что такое Петербург?

Персиянин дремлет.

– Ты знаешь, что такое революция?

Персиянин зевает

– Да что его разбудит! – раздается голос прохожего.

Движение между Хамаданом и Казвином учащается. Еще интенсивней – между Казвином и Энзели. Носятся автомобили: «Союза городов» – «Красного Креста» – «Международного союза» – военных частей.

По углам группы и потаенный шепот.

Персиянин проходит мимо и думает: что-то происходит.

В больницах суета. Слух больных обострен.

В стенах общежития: чтение газет и споры.

На Иранском плоскогорье – сполохи нового огня

По телеграфным проводам скользят шифры. Если шифр упадет, загремит, как гром. Сколько намерений и сколько желаний обрушится – и повалит тогда телеграфные столбы!

– Что-то происходит... – говорит Мекеш как бы про себя.

– Происходит нечто великое... – подтверждает Таба-Табай.

– Вы думаете?

– Когда вдали что-то происходит, первой узнает земля...

– Каким образом?

– Путник прикладывает ухо к земле – чтобы узнать, не доносится ли издали стук конских копыт...

– ?!

– Чтобы учуять стихию, необходим стихийный орган...

– Я верю...

– Лошадь задирает голову и странно дергается, когда предчувствует землетрясение.

– Я слышал это...

– Лошадь предчувствует: ее инстинкт безошибочен.

– Безусловно...

– Приглядитесь к этим солдатам: они и сами не знают, какие инстинкты ими владеют. Но каждое их движение – инстинкт...

– Да, понимаю...

– Более того: каждый их взгляд...

– Да, да, верно...

– Вы не замечаете: меняется вся окрестность и вся атмосфера.

– М-мм...

– Носится какой-то запах... Грядущее сперва лишь обоняют...

– Это верно...

Пауза. Таба-Табай к чему-то прислушивается.

– Что это за шум?

Арчибальд выглядывает с террасы.

В соседнем дворе шум усиливается. Служащие «Союза городов» спорят о политике.

Кто-то поднимает голос. Это, безусловно, оратор.

– Долой! Долой! Долой!

– Дайте ему сказать!

Высокий голос кричит:

– Английская монархия лучше всего!

– Не хотим монархию! Долой!

– Английская монархия другое дело...

– Все равно долой! Долой!

Оратор крепкий мужчина с бритым лицом. Комплекцией похож на борца – (или на Карузо?). Выражение лица факира.

– Английская монархи...

– Долой. Качкачев! Долой!

– Замолчи, Магазинер, не то...

Но разве Магазинер замолчит?! Вернее – разве руки и глаза его замолчат?

С носа то и дело сваливается пенсне. Правая рука возвращает упрямое пенсне на свое место. Что упрямее: рука, или пенсне, или нос? Тыква, надетая на заборный кол – (это череп). У тыквы перебит нос. Взгляд озлобленных глаз – как у висельника. Трещина тыквы (это играющий нерв) капризничает, играет – беспокойство навязчивой мысли.

– Я не могу молчать...

– Подумайте, Лев Толстой нашелся – он не может молчать! – под-
трунивает какой-то грузин.

Магазинер еще более раздражается.

– Долой Качкачева! Долой! Долой!

Кто-то канючит:

– Вместо английской конституции лучше американские штаты...

– И это не хочу.

– Кто тебя спрашивает, хочешь ты или не хочешь!.. – опять тот же
грузин.

Оратор не уступает:

– Английская монархия...

– Долой! Долой! Долой! – юродствует Магазинер.

– Чего он привязался к этой Англии! – улыбается второй грузин.

Магазинер видит: собрание на его стороне, и орет.

– Этот сломанный нос нуждается в починке! – сердится бас с
эстрады.

Внизу тыква: – А ну попробуйте!.. Только попробуйте! – разъяря-
ется тыква.

Толпа молчит. Чего-то ждет. Словно бы и хочется ей, чтобы про-
изошло что-то.

– Я тебе покажу!

И с эстрады летит тело борца (или Карузо?).

В воздухе мелькает взлетающая кверху скрюченная рука – верно от
сокрушительного удара – и Магазинер лижет землю. Масса дрогнула,
смешалась.

Внезапно – чей-то голос:

– Бей его!..

И возбужденная толпа бросается на Качкачева.

Раздавят наверняка. Но в это время – громовой голос:

– Именем Исполнительного комитета...

– Кто это?.. Ах, да; это тот самый голос, что гремит обычно на ми-
тингах.

– Именем Исполнительного комитета я арестовываю гражданина
Качкачева!

Толпа обескуражена. Качкачев спасен.

Арчибальд вглядывается в спасителя. Полнотелый, коренастый, крепкий человек. Череп от чуба к затылку слегка покатый – (признак горячности или несдержанности?). Лицо? Короткая борода. Мягкие усы, чуть волнистые. Мягкая линия носа. Еще мягче – глаза (черновато-карие). Лоб открытый.

Арчибальд вглядывается в него. Это тот самый, что мечет громы и молнии на митингах? Это его ли глаза горят огнем? Его ли голос там – как трубы второго пришествия? Рука там, на митинге, словно кувалда, бьет по кафедре. Слова вылетают изо рта – как огонь на страшном суде. Вся фигура там грозит крушением миру – (и любит он слово «р-раз-здавим!»).

А тут – мягок! Арчибальд удивлен.

Шепот:

– Кто это? Кто такой?!

– Председатель Исполнительного комитета Б. М.¹

– Он грузин?

– Грузин...

Арчибальд Мекеш улыбается. Ему уже не удивительно. Качкачеву теперь нечего бояться.

Арчибальд оборачивается к Таба-Табаю. Последний стоит не шелохнувшись.

Шум утих. Толпа расходится.

Арчибальд – шепотом:

– Надо прикинуть ухом к сердцу земли – чтобы услышать далекий гул...

– Это неизбежно, как сама земля...

По улице проходит группа солдат. Нет, не проходит: ползет. Слышатся звуки гармони. Веселье и песни. В веселье – непристойность, и в песне – преодоление.

– Не отзвук ли это северного гула?..

– Возможно... – соглашается рябой профиль.

Звуки гармони расплываются в разноголосье улицы.

Но гармонь оставляет за собой нечто... Равнина. Равнина. Равнина. Начало повсюду, и нигде – конец. Никаких пределов: чтобы от-

¹ Б.М. - Буду Мдивани, деятель большевистской партии Грузии, впоследствии репрессированный.

дохнул глаз. Никакого порога: чтобы преклонить голову. Ничего над головой: чтобы укрыться. Земля гладкая и свод небесный. И больше ничего. Печаль в самом пространстве. Тоска – в просторе. Здесь не то что ближнего, самого себя потеряешь. И не найдешь! Каждая встреча изначально же – смерть. Каждая остановка – разжигание беспокойства. Всюду раз дол и нигде очаг. Стремление – безумный бег – преодоление. По выцветшим просторам мчатся горячие кобылицы степей. Глаза их – безумие, и копыта их – гнев. Их ржание несет с собой чуждый ветер, вдыхая который, земля меняет свой лик и потягивается, как проснувшаяся львица. Со ржанием диких жеребцов Атиллы и Чингис-хан ворвались в мир. Подковы их коней иероглифами впечатались в тело Европы. Иероглифы поржавели: но не утратили красок безумия. Несутся всадники. Чего хотят они? Земли? Нет. Покорить, кого-то? Нет. Они просто опьянены: им лишь бы мчаться без удержу, без предела с диким гиканьем и криком. Чем шире простор – тем лучше: опьянение будет сильнее. Они хотят преодолевать с боевым кличем. Чем глубже пропасть – тем прекрасней: преодоление будет яростней и прыжок дальше. Победят они кого-то? Вероятно, такова будет участь тех, кого они победят. Из черепов побежденных они вырежут чаши. Наполнят кровью и осушат эти чаши: чтобы обезуметь еще пуще. Рухнут сами в пропасть? Они и этого жаждут. Топот коней, и крики воинов сольются в единый ураган, и ураган обрушится в пропасти и из пропастей ринется во все пределы. И будет большее опьянение и большая ярость. Новоявленный сфинкс?! Скифский череп и узкие монгольские глаза. Что жаждут зреть эти глаза, глядящие с этого черепа?

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...
И вечный бой!
Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль.
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль... ¹

¹ А.Блок. «Скифы»

Движение нарастает.

Автомобили мчатся взад и вперед.

Печать беспокойства лежит на автомобилях (их ритм ничто не скроет).

Что-то происходит там, далеко. На севере.

По углам: кучи людей, кучки. Шепот. Шепот.

В больницах – суета.

У больных обостряется слух.

Газеты. Депеши. На телеграфных лентах – шифры. Вопросы и споры – друг к другу – друг с другом. На Иранском плоскогорье что-то происходит – (или прислушивается оно к происходящему вдалеке, либо – к тому, что должно произойти вдалеке?).

Опять депеши. Опять шифры.

Сорвись они с телеграфных лент – обрушат столбы.

Имена. Имена. Имена.

Среди имен – одно имя.

Все повторяют его. Всех мучит оно. Всех притягивает: сторонников и противников.

Имя – точно тотем боевого отряда.

Имя, в котором сосредоточился фатум.

Появляется группа солдат. На той же улице. Крик:

– Ленин! Ленин! Ленин!

Арчибальд встрепенулся.

Таба-Табай настораживается.

– Ленин!..

– Ленин...

В памяти обоих вырастает одна и та же фигура.

1908 год. Париж. Май. На кафедре – малорослый человек. Коренастый. Крепкая голова. Голый гранит: высокий лоб и выпуклые шишки на лбу. Череп с легким уклоном ко лбу (признак вспыльчивости?!), но затылок выдающийся (признак сдержанности?!). Глаза монгола – узкие. Один глаз – чуть сощуренный: недоверчивый и пронзительный. Второй – словно убегающий в сторону. Глаза его впиваются в глаза слушателя и глядят сквозь них – в глубину. Вся фигура – жестокость. Кажется, он все угадывает наперед – как борец. Говорит. Голос

монотонный: ни паузы, ни интонации. Фраза: корежистая, топорная. Никакой пластики. Никакого красноречия. Фраза больше «действие». Слово больше – «воля». Большим пальцем левой руки подхватывает кармашек жилета (может, «подсмеивается» над слушателем?). Иногда левая рука касается кармана брюк (может, смеется над спорящим?). Правая рука чертит графические линии сопутно логическому течению мысли. Время от времени левая помогает правой. Ладонь широкая, пальцы кажутся короткими. Такая рука бывает у крестьянина, который высоко в горах валит громадные деревья, и с вершины спускает их вниз по реке. Он говорит: нет, топором срубает суковатую ветвь. Топором бревно рубит. Ирония не сходит с губ. Иронию смягчают усы и борода. Но – метко бросил лассо и заарканил дикого коня – (верно, предмет спора), – и ирония исчезает. Во всей фигуре, в осанке – мощь и победа. Все тело напряжено: каждая мышца. Если поставит в казино на «зеро» – выиграет непременно. Несокрушимый. Непреклонный. Мужественный? Никакого сомнения. Никакого раздвоения. Один курс главный. Один хребет крепкий. Остальное – лишь измерение этим курсом. Вокруг все – лишь для этого пути. Нет, он не говорит: выковывает волю для действия. Словно призывает к разжиганию пожара и потом – погашению. Вся личность: словно силлогизм страны с железными кольцами, который вот-вот раскроется и выстрелит со страшным грохотом. Никакой влажности, никакой мягкости. Но сухой и горячий дух лучше всего – (по словам Гераклита). Возможно, «иногда» заметите смягчение – (для этого необходим детский взор). В памяти обоих вырастает одна и та же фигура.

– Вы помните?!

– Помню...

– Знаете, Арчибалд, что я тогда вспомнил?

– ? ? ?

– То, что он говорил, я не понимал. Не только потому, что я слабо знаю русский. Мою личность приковала сама его личность – вне того, что он говорил или делал. Личность непосредственно: взятая в ее сути.

– Что же вы вспомнили?

– Папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа в винограднике св. Петра угощают кардиналов, которых должны отравить. Знает лишь придворный, в каком из сосудов содержится яд. Но придворный ух-

дит, чтобы принести персики. Виночерпий наполняет кубки хиосским вином. Пьет Александр. И тут же умирает, точно опаленный огнем. Пьет Борджиа. Чувствует яд. Но у Цезаря страусиный желудок: он переваривает железо. Однако и «кantarелла» сильна: она одолевает крепкого мужа. Тогда Борджиа велит заколоть самого большого быка. Быка закалывают, и в его распоротое чрево забирается Борджиа. Живот быка зашивают. Несколько часов Борджиа находится в утробе быка. И выходит оттуда полностью исцелившимся: обновленным и постройневшим.

– Это вы вспомнили?..

– Да, это.

– Какая воля!.. Какая энергия!.. Какая выносливость!..

– Точно жизнь всего поколения сосредоточилась в одном человеке...

– И человек этот – словно ступица всего поколения...

– Ступица фатума...

– Вы думаете?..

– Я увидел в этом человеке тогда ступицу фатума...

– Что-то произойдет...

– Он сдвинет лавину...

Издали все еще доносится:

Ленин! Ленин! Ленин!

В воздухе носится пароль:

«Долой смертоубийственную войну!»

«Фабрики – рабочим!»

«Земля – крестьянам!»

Снова гармонь и снова семечки. Бродят, шатаются по улицам толпы – группы – кучки людей. Среди солдат и сестры милосердия. Шутки. Смех. Хихиканье. Двусмысленности.

Кто пялится на женские бедра...

Кто – на ляжки.

Кто – на колени.

Кто – на грудь.

На лицо не смотрит никто.

И-их! – ржут, – са-астри-и-ица...

Мекеш один.

Вбегает Вамех.

– Я уезжаю завтра!

– Куда уезжаете?!

– В Грузию.

– Так сразу?

– Что-то происходит... вы же знаете...

– Подождите немного...

– Потом будет поздно...

– Почему вы знаете?!

– Знаю... сердце подсказывает...

Вамех подходит к столу. На столе фотография. Он берет ее. Смотрит. Напрягается. Взглядывает на Мекеша.

– Это фотография вашего отца...

– Друга моего отца.

Арчибальд надломлен.

– Друг... отца...

Шепчет про себя Вамех с сомнением.

Арчибальд ищет выход.

– Итак, вы не меняете решения ехать?

Вамех кладет фотографию на стол.

– Сейчас я должен быть в Грузии.

– Должны быть?..

– Да, всенепременно!

– Я провожу нас до Энзели!

– Невозможно это.

– Почему?!

– В Гилиани уже начал выступление Мирза-Кучук-хан.

– Ну и что же?

– Если они нападут на нас?

– Но вы ведь едете?

– Я – ничего... но если вас узнают...

– Как англичанина?

– Да...

Не скажи этого Вамех – кто знает, может статься, Арчибальд отка-

зался бы от мысли провожать его. Но теперь перед ним препятствие.

– Я все равно поеду!

– Не советую...

– Ничто не остановит меня!

– Воля ваша...

Вамех смягчается.

– Так значит, завтра выезжаем.

– Вы возьмете с собой Аллана?

– Разумеется!

Аллан будто бы понимает их речь. Встает и энергично отряхивается.

Вамех вновь возвращается к фотографии. Всматривается. И – как бы про себя:

– Кто же этот «друг»?..

– Того и я не знаю.

Арчибальд выходит на террасу.

ИМАМ ЗАДЭ ХАШИМ

Мир – караван-сарай, и мы в нем – караван.

Шах-Аббас

Стэпко расторопный малый.

Оппель преодолевает Иранское плоскогорье.

Рядом с шофером сидит Вамех. В автомобиле: Арчибальд и сван Циох, муж кряжистый и крепкий. Эти – на заднем сидении. На переднем: одесский еврей Мееров и Джимшут. Последний – армянин из Карабаха. Это тоже, крепкий и сильный мужчина. Лицо не улыбочиво. На первый взгляд может показаться разбойником. Но если выразиться по-грузински – да еще перевести на русский – это добрый молодец.

Между ними устроился Аллан.

Оппель мчится. По дороге, почти на каждой миле – труп: то лошади или осла, то верблюда. Попадаются и скелеты: чаще – хребет. Кое-где и голова. Или нога. Копыто всегда в прекрасной сохранности. А иной раз встречается и человек – присев подле, отдирает от копыта подкову.

Местами – солдаты идут строем. Все под ружьем. За спиной скатка шинели и вылинявший мешок. На шум автомобиля останавливаются. В глазах: зависть и злоба. На севере их ждет: земля – дом – жена – сын – родственники.

Они кричат: газету! газету!

Вамех берет «Известия» и бросает им через окно.

Газеты уносит ветер. Солдаты бегут за ними.

Встречаются и трупы людей, сброшенные в кювет. Большой частью – солдаты. Усохшие, как вяленое мясо, и пожелтевшие от иранской малярии – или от паратифа. Верно, не вынесли дальней дороги. Так умирает от простуды курица – с растопыренными крыльями и закатившимися глазами, где-нибудь в уголке возле налия. На лице мертвого солдата – тоска по родной земле. Губы смерть тронула крылом иронии. На груди – маленький узелок. В узелке денег уже, конечно, нет (прохожему нужны деньги, ничего больше). Остались лишь обрывки писем. В них часто повторяется слово «мать», иногда и «жена». Но чаще всего – «жатва» и «Сивка».

Арчибальд устремляется к выступу скалы.

Оглядывает ущелье. Здесь умер Бехан. Старый верблюд Бехан. Арчибальд видит надвое разломившийся хребет. Там же валяется череп. Где же глаза: которые так жалобно, так страдальчески глядели в последние секунды?

У него спирает дыхание. Внезапно засветились эти беспомощные глаза. Вот они – вспыхивают и угасают. Автомобиль уносится вдаль.

Слух содрогает «тот» стон – вой – крик: покинутого и брошенного.

Неужели такова участь каждого?

Еще какое-то расстояние – и снова мертвый солдат. Брошенный. Ни утешения, ни поминовения. Одиночество и пустота.

– Позавчера они разбойничали в этом ущелье? – спрашивает Вамех Джимшута.

– Да, в этом...

С лица карабахца соскальзывает флегма.

Мееров озирается по сторонам: прижимается к Циоху.

– Не бойся, Мееров! – шуточно говорит Вамех.

Глаза Меерова устремлены вперед. Появляется группа солдат.

Взгляд Меерова приковывается к ружьям. Он шепчет:

– И здесь...

– Черт поberi! В этой пустыне и птицы не летают... – замечает Вамех. Достает из кармана яблоко. Автомобиль приближается к солдатам.

Вамех левой рукой подбрасывает кверху яблоко. Правой стреляет из нагана. Яблоко разлетается на две половинки.

– Ух ты! Стреляет, как черт! – одобрительно бурчат солдаты. Хмурые лица проясняются – (на миг?).

– Что за выстрел? Все стрельба, стрельба!

Это Мееров.

– Ничего страшного. Просто упражнение для рук.

А позади опять раздается: «газету! газету!».

Вамех вытаскивает «Известия» (где он набрал их столько!) и бросает им.

Виднеется Менджил. Станция высоко на горе.

Раздолье для северного ветра. Сейчас осень, и на раздолье спокойствие и тишина (на один день?).

– Машине нужна вода...

Стэпко останавливает оппель. Поит его водой. Затем бежит на пункт питания. Остальные созерцают голые горы.

– Стэпко! Стэпко! – кричит Вамех.

Из пункта питания выскакивает шофер.

– Сейчас... сейчас!..

Его рот жует остервенело.

Оппель срывается с места и скользит по спуску.

Спуск мили на полторы. В конце его: большой мост менджилский через реку Сэфидруд. Мост – камнем и железом строенный. Перейдешь мост и уткнешься в угол стен (наподобие латинского «Т»).

Дорога идет левее реки: огибает расщелины и поднимается к северу. У менджилского моста ущелье очень узко. Здесь – врата меж Гилланом и Менджилом. Шоссе местами прорублено в скалах. Слева – расщелины, пропасти. Справа: крутояры Сэфидруда. Кто владеет этим проходом – тот владеет стратегическим ключом местности.

Пропасти – все менее глубокие – провожают автомобиль. Там и сям – холмы. Местами деревья.

При виде деревьев глаза Вамеха вспыхивают – словно ласточка прочерчивает лазурь.

Проезжают село Рудбар. Оно в низине. Посреди села – горный ручей.

Автомобиль с шумом, пересекает ручей и бежит веселее (будто, приятно ему было освежить горячий живот прохладными струями).

Открывается долина – будто палестинская.

Долина одета масличными рощами. Они негусты. Деревья стоят купами. Меж куп – просторные лужайки. На лужайках – коровы – быки – лошади – ослы.

Масличные рощи создают странное настроение: мнится, край этот – обломок той страны, в которой, по представлениям древних, находился рай. В воздухе: тишина и легкость. В тишине: будто папоротник благоухает. Местность – волшебный камень. Но сердце все же не успокаивается: здесь все словно оторвано, отринуто, покинуто.

Мееров в хорошем настроении:

– Вот она, подлинная красота!

– Не потому ли, что это обломок твоей древней родины? – шутит Вамех.

Джимшут улыбается.

Опять солдаты. И опять крики: «газету! газету!».

У Вамеха и для них находятся номера «Известий».

Солдаты где-то раздобыли фургон. Ружья лишь у двоих-троих: вероятно, продали по дороге.

Станция Рустамабад. Здесь тоже – маленький ручей.

– Передохнем?

– Не надо...

Темнеет. Еще несколько миль. Долина расширяется.

На дороге валяется огромный камень. Кто сволок его сюда? Кто притащил?! Неужели Сэфидруд настолько поднялась когда-то, что из такой дали приволокла сюда эту громадину? Окаменевшая тень сказочного путника. Уста его немые, но мнится – он хочет что-то сказать. Словно молит проезжающих и проходящих мимо заговорить с ним. А проходящий нем.

Нигде ни рытвины, ни ухаба. Но автомобиль капризничает именно там, где меньше всего следует этого ждать. Дрр-р-р...шрр...шш...

И останавливается.

Аллан с лаем выпрыгивает.

Вамех шутит:

– Один еврей, один грек, один армянин... с этой троицей только беды и жди – чего же еще?

– Ха-ха-ха!..

Мееров стоит как вкопанный.

– На что ты так уставился? – спрашивает его Вамех.

– На эту каменную глыбу. Может, она хочет находиться в другом месте?

– Вероятно, она дожидалась твоего появления!

– А кто знает? Вполне возможно...

Мееров нагибается к камню, поднимает его и тащит в сторону.

– Спасибо он тебе не сказал?

– Скажет...

– Когда?

– Когда ты от меня отстанешь!..

В юморе Меерова проскальзывает обида.

Стэпко осматривает машину.

Вамех приближается к нему.

– Все цело, ничего не сломалось?

– Ничего особенного... быстро починю...

– Сколько часов потребуется?

– Три или четыре...

Мееров заметно обеспокоен:

– Значит, мы должны четыре часа торчать на этом поле?

– В одной версте отсюда трактир с номерами... Отправимся туда...

– утешает его Вамех.

– Пошли, пошли!

Все идут. Несут с собой свои саквояжи.

– Стэпко! Ты тут не бойся! Как управишься – сразу к нам гони!..

– А чего мне бояться!

На изгибе крутого поворота маленький духан: как птичья клетка на балконном столбе.

Аллан видит свет свечи и лает.

Вамех зовет:

– Нугзар! Нугзар!

Вверху лестницы появляется парнишка лет двенадцати.

– А-аа, Ваймех!

– Вай на твою голову, Нугзар! Не «Ваймех», а Вамех! ¹

– Ваймех! Ваймех... –

смущаясь, повторяет парнишка опять по-своему и улыбается.

Смотрит на Аллана с недоверием. Аллан рычит. Арчибалдь берет дога за ошейник. Нугзар все-таки поживаетеся. Рассматривает дога. Глаза его влажнеют.

– Ух, какая собака!

– Не собака – тигр! – возражает Вамех.

Нугзар на всякий случай отодвигается в сторону.

Вносят вещи в «номер».

Входит перс средних лет. Одергивает на себе платье – нечто подобное ахалухи.

– Юзбаш², как поживаешь?

– Спасибо! Спасибо!

(Персы за время войны и по-русски научились).

– Будь здоров...

– Если будет на то воля Аллаха...

– Ну-ка, хороший шашлык и хороший люля-кебаб!

(Вамех тут свой человек).

Мееров удивляется:

– Поразительно, тебя все знают!..

И Джимшут улыбается:

– Бога ради, сколько друзей у него в Персии?

– Кто сосчитает! – радуется Вамех.

¹ Вай ме - по-груз. «горе мне».

² Юзбаш – сотник, начальник (тур.), здесь в значении приятель, товарищ.

Ему подворачивается Нугзар и он подхватывает его на руки.
– Вот и Нугзар мой друг!
– Ой, Ваймех!.. – у парнишки расширяются глаза.
Арчибальд глядит на Вамеха: он такой же – каким увидел его впервые: сколько жизни и сколько открытости!
Приносят заказанное.
– Шашлык отличный!..
– Люля-кебаб и того лучше!
– Такой в самом Казвине не готовят!..
«Юзбаш» расплывается в довольной улыбке.
– Все превосходно, но вино?.. – произносит молчавший до сих пор Циох.
– Будет и вино, – отзывается Вамех.
Раскрывает саквояж, в нем полно бутылок.
– Вот вам вино! Кахетинское!
Вамех откупоривает бутылку. Наполняет стаканчик.
– Попробуй, юзбаш!
Перс жмется, точно девица на обручении.
– Отпей! Не бойся! Магомету нынче не до тебя!
Юзбаш отпивает чуточку. Смакует: будто дегустирует.
– Вино гюрджи хорошее...
(Знает юзбаш два-три слова и по-грузински).
Ужин в разгаре. Нугзар носится взад-вперед. Высокий и тонкий. Брови: две пивавки черные – (не целуют ли друг друга?). Ресницы персидские (иного определения не сыщешь!). Глаза – два камня: черные, как печаль (такие камни находят на отмели). Руки – чистые, и цветом – пергамент. Пальцы: газыри – (и пальцы – тоже «персидские»)
– Нугзар! А ну, стихи!..
Нугзар читает. Он знает наизусть весь «Гюлистан». Стихи сладостны, как шербет. Нугзар говорит – будто поет.
– Нугзар, что ты любишь больше всего?
– Луну... полную.
– А еще?
– Соловья!
– Еще?
– Розу!

– Какую?
– Розу Шираза...
– Еще? –
Вамех не унимается. Нугзар смущается.
– Что еще? Миндалевидные глаза – правда?
Нугзар опускает голову и улыбается.
Слышен шум автомобиля. Вамех выбегает.
– Стэпко?
– Я!
Стэпко входит. Подсаживается к столу.
– Ешь! Пей!
И Стэпко ест – (о, как аппетитно ест шофер!)
«Юзбаш» стоит в отдалении.
– Юзбаш, как поживает Кучук-хан? – спрашивает его Вамех.
– Кто?! –
Будто впервые слышит он это имя.
– Ладно уж! Сколько раз был он у тебя?
– ?! ?! ?!
– Надо нам прогнать англичан, юзбаш... да и русских...
Юзбаш недоверчиво щурится.
– Не веришь? Здесь один из нас – еврей. Второй – армянин, третий
– грек. И сван, мой соотечественник. Я – грузин. Этот мой друг швед.
– ?! ?! ?!
Вамех взглядывает на Арчибальда. Арчибальд улыбается. Остальные тоже улыбаются. Узкие глаза юзбаша прощупывают улыбку Арчибальда.
Вамех продолжает:
– Что нам за дело до России или Англии?
– Иахши! Иахши!¹
– Да здравствует Персия!
– Да здравствует! Ла илах илла аллах!
Глаза перса засверкали. Хотя в глубине их все же затаилось недоверие.
Ужин продолжается. Кахетинское крепкое.

¹ Иахши - хорошо.

Юзбаш то и дело выходит и входит.

«А это пусть Господь пошлет здравия тому, кто...»

– Стэпко, который час?

– Да третий начался...

– Далеко отсюда до Имам Задэ Хашима?

– За два часа доедем.

Шофер чуть-чуть под хмельком.

Меерову не нравится диалог:

– Заночуем здесь...

– Ты что, боишься? – поддразнивает его Вамех.

– Чего я боюсь?!

Мееров расправляет плечи.

– Так что же?

– Сейчас опасно...

– Что за опасность? О чем ты говоришь?

– За Наглобером орудует отряд Кучук-хана.

– Ну и что?

– Они нападают на путешественников...

– Пускай нападут! Мы их достойно встретим...

Вамех тоже чуть-чуть под хмельком.

– Уж мы их встретим!

Джимшут озирается, как дикий зверь. На талии у него – широкий патронташ с частоколом патронов. Он оглядывает свой смит-вессон.

– Кто посмеет нас тронуть! – орет сван Циох. И потрясает берданкой.

– Встретим! – повторяет Вамех. Он проверяет большой наган (футляр деревянный).

– А чего нам бояться! – смелеет Стэпко – (оружие, оказывается, и у него есть).

Юзбаш ошарашен. Он боится оружия. Поглядывает то на одного, то на другого. Сейчас взор его останавливается на Арчибальде; тот извлекает из кобур два кольца. Юзбаш отскакивает назад.

Вамех пугает юзбаша:

– Вот нападут на тебя разбойники!..

Юзбаш трясется от страха.

– Не бойся, юзбаш! Это всего лишь подготовка в путь-дорогу.

Юзбаш переводит дух. Вамех оглядывается – раздражается хохотом.

– А это что такое, а? Ха-ха-ха!..

Это Мееров раскрыл свой чемодан и достает оттуда крошечный револьверчик.

– Вы только посмотрите на него! Юзбаш! Вот какой богатырь, а?!
Глядите на эту игрушку!

Он берет из рук Меерова револьвер и поигрывает им.

Мееров пристыжен:

– Да чего ты все высмеиваешь!

– Машина готова! – раздается голос Стэпко.

Все выходят на балкон. Вамех поднимает наган дулом вверх и стреляет в воздух. Аллан лает. Юзбаш повисает на перилах – (от страха?). Лай Аллана раскатывается в чреве ущелья. Все напряжены – (после винопития прохладный ночной воздух особенно приятен). Опасность пьянит – (руки борцов сильны).

– Прощай, юзбаш!

– Прощай, Нугзар!

– Кардаш!.. Кардаш!..¹

– Иахши! Иахши! В пугь...

Оппель как взбесился. Будто и он под хмельком. Но глаз у Стэпко зорек и рука тверда.

Миновали поворот. Въезжают в лес. Пробежит по лесной опушке рыжая дикая кошка, сверкнет красным огнем хищных глаз – и вмиг исчезнет во тьме. Далеко впереди на дороге волк замаячит. Взревет автомобиль. Волк умчится к глубокому логу. Залает Аллан – закинув вверх голову, – и лай его понесется, поскачет волку вослед.

Станция Наглобер. Одна верста. Вторая.

Аллан лает. Они оглядываются: никого.

Аллан лает яростно. Оглядываются – ничего.

¹ Кардаш - товарищ (перс.)

Аллан вскакивает. Удерживают с трудом. Лай – и все подаются вперед. Глаза автомобиля засекают человеческую тень.

– Кто-то прячется... – говорит Стэпко приглушенным голосом.

Вамех вскакивает:

– Останови!

И вдруг у поворота – ружейный выстрел.

– Это они!..

– Кто?! – вскрикивает Мееров.

Люди Кучук-хана!..

Арчибальд только сейчас осознал опасность. Он спрыгивает вслед за Вамехом. Мееров тоже выходит и прячется за машиной. Циох вылезает, как медведь. Стэпко за рулем: ждет приказа Вамеха.

– Останови у кювета!

Машина движется раненым зверем.

Мееров за ней. Аллан не успокаивается. Арчибальд обращается к Меерову:

– Держите его покрепче за ошейник.

Мееров с опаской берется за ошейник. И одновременно слегка пятится назад. Трудно понять: он и дога боится так же, как грозящей опасности?

Джимшут укрывается за выступом огромного камня. Циох поблизости от него.

Один вскидывает смит-вессон, другой – берданку. Вамех и Арчибальд укрываются за деревом, что растет на краю обрыва. Один с наганом, другой с кольтом.

Пауза. Оттуда грянули выстрелы: один – второй – третий – четвертый... Здесь ответили. Ущелье грохочет.

– Они не шутят... – говорит Вамех.

Стэпко вскакивает:

– Я хорошо знаю эти места... поднимусь в лес... обойду кругом... разведую...

– Будь осторожен, Стэпко, чтоб они не заметили...

– Не беспокойся!

Стэпко ползет. Углубляется в лес.

Еще выстрел. Следом – ответный. Арчибальд ждет: будто вымеряет, высчитывает что-то. Мееров едва удерживает Аллана.

Еще выстрел. Пуля попала в автомобиль.

Выстрелили и отсюда. (Там тоже во что-нибудь попало?). Что это за звуки?

Вамех невозмутимо рассказывает взад-вперед. Он не боится пули. За него боится Арчибальд.

– Вамех! Иди сюда! Осторожней!

– Будь покоен!

Еще грохнуло: два раза подряд. Мееров кричит – он уже не может удержать Аллана. Аллан вырвался и скачками – вперед. Вамех – за ним (его мысль: вдруг ранят дога!). Арчибальд цепенеет (что с ним происходит?!).

Вамех догоняет дога и удерживает. Дог лает остервенело. Еще выстрел – Вамех падает.

Только слышно тихое: «Мама...»

Миг – и за этот миг: Нино, ее глаза с поволокой – Матаси, стройная, как серна – бабушка Саридан. Это – в мыслях Вамеха. В тот же миг все они – в мыслях Арчибальда. Но в его мыслях еще и другое: Ирахшанда – Саргис – Бехан – отец. В отце – кровь, или крик крови.

Мысль – лишь миг.

Арчибальд срывается с места, бежит. Одной рукой хватается Аллана. Другой тащит Вамеха. Дотаскивает до автомобиля. Грохочет выстрел (почему не попадают там?). Укладывает Вамеха наземь позади автомобиля.

Еще выстрел – (не попало ли в кого?) – Циох и Джимшут хлопочут над Вамехом. Арчибальд разрывает свою рубаху. «Перевяжите его», – велит он Меерову. «Займите свои места», – Циоху и Джимшуту. Мееров сейчас держится бодро: перевязывает рану.

Арчибальд – сплошная ярость: огня или металла.

Он стреляет из кольта: очередью.

Грохот падает и ущелье раненым драконом.

(Удивительно: Аллан от Арчибальда – ни на шаг!).

В лагере врага смятение, шум – (там тоже ранило?).

Сверху прыгивает Стэпко:

– Их около пятнадцати... лошадей нет... вооружены хорошо... но они уже сломлены – страх их сломил... а это что?! Вамеха ранили?!

Стэпко вскакивает в автомобиль. Полулежа, кошкой прикикает к

рулю. Слышен его приглушенный голос:

– Я прорву их кольцо... знаю место. За ними поворот... до поворота лежа править могу: вниз по спуску... пуля меня не заденет... А потом пусть они меня догонят! За двадцать секунд домчусь до Имам Задэ... ждите меня... там солдаты...

– А машину как завести? –

спрашивает Джимшут. А-аа, вот про это Стэпко забыл! Заводить можно только спереди. А выйти вперед опасно.

Стэпко сникает – на мгновение.

– Толкайте сзади!.. Здесь спуск... Машина заведется сама...

– Да, но она на половину в кювете... Ее надо вытащить.

Стэпко совсем сникает.

– Погодите!.. – говорит Циох.

И огромный детина лезет под машину. Упирается руками в землю. Упирается ногами в землю. И спиной, плечами пытается поднять автомобиль.

– Джимшут! Поддержи машину сзади!..

Джимшут поддерживает.

Выстрел один за другим. Арчибальд не оставляет их без ответа.

Аллан ощеривает клыки.

«Хха-а-аа!» – это Циох из-под автомобиля. Передок автомобиля приподымается над кюветом. Еще усилие – и автомобиль на дороге. Впереди – спуск.

– Поддай сзади! – тихо командует из автомобиля Стэпко.

Джимшут толкает автомобиль. Автомобиль разогревается. Циох отходит в сторону. Автомобиль двигается и катится вниз. Циох держит оружие наготове.

Прислушиваются. Тишина. Остановили? Нет. Стреляют?! Да. А автомобиль? Его шум слышен... Значит. Стэпко не ранен! Опять выстрелы. Шум автомобиля вроде бы стих. Попали?! Прислушиваются. Нет: наверное, проехал поворот. Ага, вот и гудок! Снова стрельба!.. Но Стэпко, наверное, успел скрыться.

Глубокий вздох облегчения. Аллан лает.

Теперь прислушиваются к звукам из лагеря врага. Там какая-то сумятица. В автомобиле никто не сидел. Шофер, верно, лежал. Почему он уехал? Раненых оставил или убитых? Потому и лает собака?

Значит, шофер сбежал, спасаясь. Или поспешил за помощью? Это думают там (мысли врагов). Переполох в лагере врага.

Они прислушиваются, затаив дыхание.

Это что за тени? Одна. Другая. Третья. Четвертая. Пятая.

Наверное, идут поглядеть на «побежденных».

– Не шевелитесь! – шепчет Арчибальд.

Аллан лает. Ни просьба, ни приказ – ничто его не останавливает. Тени приближаются. Пять саженой. Три. Две. Кто-то стреляет из кювета. Неужто Вамех?! Один из тех падает. Но остальные устремляются вперед. Арчибальд прыгает к кювету – прикрывает Вамеха. Кто-то замахивается кинжалом. Арчибальд ловко увертывается. Аллан прыжком набрасывается на замахнувшегося и сбивает его с ног. Другой целится в дога.

Но Джимшут наготове – выпад, и он рукой поддевает ружье. Выстрел. Пуля летит мимо, никого не задев. Циох вступил в рукопашную. Джимшут помогает ему. Мееров молодец: стреляет из кювета. Промаживается. Арчибальд видит: четверо против двоих. Циох богатырь. Джимшут ему не уступает. Но и враги не простаки. Борьба рукопашная. Арчибальд бросается в бой, теперь уже совсем обезумев (безумие удесятерит силы). Борец должен быть артистом: Арчибальд боксер. (Одни удар. Второй. Третий. Четвертый.) Аллан еще страшнее.

Враг отброшен. Иные валяются на земле бездыханные, иные обратились в бегство. Однако им на подмогу спешат новые силы. Их больше, чем было в первый раз. Их нельзя подпускать. Стреляют. Стреляет Джимшут. Стреляет Циох. Следом раздается страшный грохот кольта – (успел перезарядить!) – пять пуль зараз! Враги отступают. Еще пять выстрелов разом. Врагов не видать – (спрятались? затаились?). Или разбежались?

Мееров шепчет Вамеху

– Рана не должна быть глубокой...

– В голень...

Арчибальд слышит шепот Меерова. Он будто сейчас очнулся – спохватывается: подбегает к Вамеху и опускается к его изголовью.

– Вамех!

– Арчи... не бойся... Я жив...

– Ничего!.. – это голос Джимшута.
– Если бы он не бросился за Алланом... – вслух размышляет Мер-
еров.

– Но как я мог, чтобы Аллана убили!
Голос Вамеха для Арчибальда звучит, как кровь.
Он весь сейчас – кровь.
Аллан лает. В его лае звучит победа.

Вамеха поднимают из кювета. На краю обрыва лужайка. Здесь укладывают его. Арчибальд сожалеет – есть мазь, но она в чемодане. А чемодан... и тут только он вспоминает про Стэпко. Что он сумел?

Аллан лает сильнее. Не стреляют ли снова? Нет. Кто-то свистит. Ага, это Стэпко! В ущелье натужно дышит автомобиль.

Радостное ожидание: всего несколько секунд. Стэпко привел машину. Следом – грузовик. В грузовике солдаты.

– О-о, Стэпко! Стэпко!..
– Убежали?
– Разбежались!
– Ловко же я от них ускользнул!
– Молодчина ты, Стэпко! Молодчина!

Через полчаса – станция Имам Задэ Хашим.

Старое здание каменное. Почти разрушенное. Стена – в два алаби шириной. Строение – времен Шах-Аббаса. Таких строений во всей Персии – 999. Это вам скажет персиянин. И добавит: что эти 999 зданий – (магическое число?!) – построил Шах-Аббас. Персиянин покажет и надпись на стене: «Мир – караван-сарай, и мы в нем – караван». Персиянин и то добавит к сказанному, что слова эти – Шах-Аббаса.

На станции врач: он осмотрит ногу. Пуля попала в голень: меж двух костей. А если повреждена кость?! «Не может быть!» (надежда ищет слов).

В стороне Джимшут рассматривает свою руку. Рука в крови. Он только сейчас понимает, что тоже ранен. Рана маленькая.

В углу Циох обнажает бедро. И он ранен. Перевязывает рану обрывками брюк. Рана – в мышцу. Он не чувствует боли. «Поцар-рапа-ли», – бормочет Циох.

Арчибальда беспокоит нога Вамеха. Что, если он охромеет? Хромой Вамех?! Все равно как Аллан с отрезанной ногой! Нет. Ни в коем случае!

А вдруг кость задета? Арчибальд не может успокоиться.

– Стэпко! Сейчас же в Энзели!

Уже рассвело.

В Энзели тоже пункт питания. Начальник там Морозов. Мужчина полный, бритый. Пухлые щеки и маленькие серые глазки. Пенсне не скрывает лукавой улыбки. Но кто не простит ему «лукавства». Всегда приветлив. Всегда улыбчив. Его смех слышен за пятнадцать саженей. Анекдотами сыплет – (хотя не еврей). Бравый парень. Любит венские оперетты. Поет куплеты (хотя голосом не блещет). Вспоминает венских кокоток. Заканчивая рассказывать воспоминания, похрустывает костяшками пальцев и глотает слюни. А гурман! Его повар известен на всю персидскую линию – второго такого нет. Каких только напитков нет у Морозова! (Энзели портовый город).

Стэпко лихо вкатывает во двор.

Выбегает Морозов. Пенсне осталось где-то на столе.

– Вова! Меня ранили!

– О-о, Вамех?!

Он по голосу узнает Вамеха и, презрев ступени, прыгает с балкона.

– Ранили меня, Вова! Я ж тебе говорил: в Персии со мной приключится беда...

– Беде с тобой не по пути!

Выходят из машины. Вова убегает.

Через двадцать секунд возвращается в сопровождении врача: строгого и холодного.

Осмотр. Арчибальд ждет приговора.

Пуля прошла между двух костей...

– Кость не повреждена?

– Не думаю...

(Это «не думаю» портит надежду. Но врач холоден).

Кутеж.

Грек Стэпко (сам говорит, что грек). Сван Циох. Карабахский армянин Джимшут. Грузин Вамех (полулежит на боку). Ростовский русский Морозов. Одесский еврей Мееров. Арчибальд Мекеш. Аллан.

Тост. Речь. Ирония. Меч.

Кутеж пенится голубыми волнами.

Кутеж – у горловины Персии.

– Вамех! Я провожу тебя до Тбилиси!

– Арчибальд!.. Арчи...

ТБИЛИСИ

*Качается Тбилиси–
город проклятый и сладчайший.
«Хребет Тбилиси»*

Во Мцхета ястреб взлетел с царской руки. Ястреб за фазаном погнался. Царь ждет: но ни ястреба не видать, ни фазана. Идет царь на поиски. Доходит до ущелья. В ущелье поток бежит цвета серы. В потоке фазан утонувший. И ястреб с ним же. Царь закладывает здесь основание городу.

Такова мифология столицы.

Тбилиси начинается с серных бань, серными банями кончается (метафизик в этом вычитает метафизику).

Маленькие дома и узкие улицы. В переулке с одного балкона можно перепрыгнуть на другой балкон. Там и сям – кофейни. Бороды, хной крашенные. Ногти подточенные – (тоже хной крашенные). В руках четки: янтарные либо гишерные. Беседа: медленная и тихая. Глаза никого не ищут – (может, себя лишь ищут – в далекой дали). У входа в баню терщик стоит. Тело высушенное, вываренное точно курица вяленая, что на чердаке висит (еще и подкопченная слегка).

Кожа – тонкая и истертая, как на старых каламани¹. Лицо: сычуг. Глаза: погруженные в нирвану. В иранских видениях ныряющие.

Три столетия назад армия Шах-Аббаса взяла Тбилиси. Упился кровью победитель и отяжелел. Принял серную ванну. Терщик размассировал отяжелевшее тело... Не это ли вспоминает Мешади² – потомок мифологического терщика?!

Может, и другие истории вспоминает Мешади: серные бани и Пушкин изведал. Александр. Африканская кровь порой распаляется. Африканскую кровь (Пушкина объявили своим поэтом негры в Нью-Йорке) не утолила славянская стихия. Пушкин в Тбилиси познал утоление. На его смуглом теле феерическими пузырями взбил мыльную пену терщик. Провел кисой³ – дунул: тело поэта почувствовало ласку красавицы-жены, роком оказавшейся для него. Может, это вспоминает Мешади...

Ничего не вспоминает Мешади.

Он слился с горячими потоками серной воды. Лишь иногда принимает он позу Зороастра – (ведь Зороастр-то сын его родины!) – и говорит: «харош баня и харош люля-кебаб – харашо!..»

И вправду хороша серная баня!

Всегда там пируют. И сейчас тоже:

ноги – короткие. Штаны – широкие: словно раздутый мех. На поясе – широкий серебряный ремень. Через ремень шелковый пестрый платок-багдади продернут. Голова – или как круглая тыква, из которой выдвигаются черпаки винные, или – как пест каменный для ступы. На затылке шапка: как черный гриб. Вся фигура: перец острый. Пафос – дутый. Имя – Пичхул.

В стороне: доли и зурна. Щеки зурначей надуваются. Вот-вот лопнут – (словно сказочный Бакбак-дэв, пищу уплетающий). Пичхул пляшет «давлури» и идет сейчас вприсядку – (в эти мгновенья штаны – пафос).

На зеленой траве расстелен платок. На платке: зелень разная и сыр «мотали». Пируют кинто: стаканы так и играют.

¹ Каламани - крестьянская обувь из сыромятной кожи.

² Мешади - уроженец персидской провинции Мешхед (у автора Машади).

³ Киса – особая мочалка обычно из ковровой ткани, которой растирают влажное тело.

Пичхул заканчивает пляс вприсядку. Выпяченные пухлые губы куриной гузкой кричат: «А это пусть Бог пошлет здоровья тому ангелу, который...» – срывающийся фальцет делает длиннейший период. Теперь слова «который и который» сами пляшут вприсядку.

Но перепляс слов перекрывает кто-то другой. Рябой. Запавшие, высохшие глаза – (он почти слеп) мерцают, как уголья, которые вот-вот погаснут. Он поднес дайру к самому уху. Огромная башка орет благим матом: «Ох, проклятый ты, месяц март...» «Встань, поднимись. Тамар-царица, по тебе плачет вся Грузия!..»

Потом – опять широкие штаны пляшут вприсядку.

Потом – опять это нескончаемое «который» и «который».

«Который» – «который»: может, они ищут друг друга? Сами себя потеряли, может. Слова грузинские. Баяти персидское. Голос – карахохели... Смешение рас? Может, в этом мучение.

В Тбилиси домой не возвращается никто... Здесь повсюду – «твой» дом. Бродить по Тбилиси – что может быть лучше?! Винные лавки, духаны повисли, как шарманки на карусели. Духаны полны всегда – (любой, какой угодно). За стойкой стоит духанщик и считает «нисизби» (должников) по собственной бухгалтерской системе. Лакеи снуют, бегают взад-вперед. Кого только тут не увидишь! Но наиболее живописен – стол, за которым сидят «чохосани» – то есть носящие чоху. Некоторые тонкостанные. Иные тощие. Иные костлявые.

Один из них – средних лет плотный, коренастый крепыш, как низкорослая кукуруза, что стоит, подбочась початками; обросшая усами. Степенность и достоинство – фараоновы. Ноготь на мизинце предлинный и заботливо ухоженный – как петушиная шпора. Стакан поднимает правой рукой. Длинный полированный ноготь отсвечивает янтарем. Манерный голос начинает:

– Английский ученый Сизэйс говорит...

– Да ладно, Бога ради!..

– Надоел ты нам с этим самым Сизэйсом, ей-Богу...

– Это его крестный отец: Господь ему поможет... – последний тихо смеется.

Крепыш не обращает внимания:

– От тебя мне это слышать не удивительно, мой Манавел...
– Так что же такое говорит этот твой Суес Самозэл? – спрашивает другой иронически.

– Сизэйс говорит, что Грузия...

– Ладно, ладно уж...

– Знаем, что он говорит...

Один смеется. Другой злится.

– Если вы не дадите мне сказать...

– Отложи на другой раз...

«Мра-а-ваал жамиэр»... и высокий тон бьет в темя. Для сглаживания неприятности «Мравалжамиэр» – великолепное средство. «Крепыш» прячет в карман цитату Сизэйса и с фараоновым достоинством садится, отягченный мыслью: «Мир испортился, господа!».

– А это пусть Бог пошлет здоровья...

– Погоди ты!.. Дай сказать тамаде...

– Не могу я, сударь, столько ждать...

– Если не можешь...

– То что, что?!

– А то, что бейся головой об стенку, знаешь...

– Ха-ха-ха – хи-хи-хи...

– Повтори еще раз, повтори!

– Повторю или не повторю, я...

– Пустите меня к этому мерзавцу!

– Сам ты мер...

– Да брось ты. Бога ради!..

– Силибистро, и не стыдно тебе?!

– Да что с тобой, в самом деле!..

«Мра-авал жамиэ-эр»: да брось, давай-ка.

Темя сейчас готово разорваться, лопнуть. Но фальцет перекрывает чей-то низкий, густой голос, орущий.

Шум и перебранка стихают. Хотя настроение за столом все-таки взвинченное. Плохое настроение за грузинским столом означает, что вот-вот все взорвется. Это лучше всех чувствует тамада.

– Сперва выпей этот тост, а потом ругайся сколько душе угодно...

– За чье здоровье это?

– За Квитати...

– Квитати... будь здоров...
– Это надо пить до дна!..
Кто-то вырастает вдруг в дверях.
– Силован!.. Силован!..
– Пожалуй к нам, Силован.
– Один стакан!
Силован подходит. За грузинским столом новый гость порой – спасение.

Тамада уже не боится взрыва.
– А ну, за вновь прибывшего!
– Пусть Бог пошлет ему победу!
«Мра-а-вал жа-ми-эр».
Настроение поднимается (слава Богу!).
В дверях теперь кто-то другой.
Снизу вверх, наострив уши, глядит на него мальчишка-слуга.
Стоящий в дверях оглядывает столики.
Стоящий за стойкой буфетчик окликает мальчишку:
– Впусти его, мальчик!
Мальчик с готовностью:
– Пожалуйста, батано! Сию минуту найду вам стол! («стол» – по-русски).

Посетитель продолжает обшаривать глазами столы. Теперь уже и сидящие за столами уставились на него. Посетитель, стараясь скрыть неловкость, обращается к мальчику слуге:

- Цонория сюда не заглядывал?
- Нет, батано.
- А Буиглишвили?..
- Который, Бесарион?
- Нет... Кимотэ...
- Нет, батано.
- А Цвимитадзе?
- И он не приходил...
- Сикинчиладзе?
- Который? Котиа?
- Да, Котиа...
- И этот тоже не был, батано...

«Мрааавал-жаа...»

Но в этот момент произносится чужестранное имя:

– А Ллойд Джордж?

(Мальчик-слуга устыдился, должно быть, стольких нетей):

– Да был он давеча здесь...

– Ох, чтоб тебе!..

Хихиканье, смех, хохот за столами.

– Слушай, парень! Что потерял Ллойд Джордж в духане Сикойя?
Ха-ха-ха!

Покрасневший слуга пытается поправить положение:

– Так ему и надо... когда пристанут в одну душу: этот был? а тот не приходил?.. Да черт его дери... почему я знаю, кто приходил, кто не приходил?

«Мрааавал...» – в этом тонет скороговорка слуги.

От всего и всех можно убежать. От врага. От зверя. От чумы. От всякой беды. Не убежишь лишь от «Мравалжамиэр». Грузин и за поминальным столом, случается, затынет «Мравалжамиэр», а уж на пиру кто ему помешает, кто его удержит?! Поет грузин «Мравалжамиэр» с какой-то мукой. Затылок у певца лопается, уши – у слушателя. Мучит его что-то? Или Фрейд тут таится? Боится краткости жизни и потому взывает к многим летам – или многие лета прошли и он зовет их назад? Возможно, верно первое. Возможно – второе. Возможно, и первое и второе. Но бесспорно одно: что от «Мравалжамиэр» никуда не сбежать. Побежит за тобой и повиснет на полах одежды «вернись! послушай!». Лучше уйти украдкой. Оглянется туда-сюда, поищет тебя. Не увидит. Засуетится. Потом снова – «Мрааавал...» – и напрочь забудет о тебе.

Как хорош Тбилиси с порога духана – (когда выходишь оттуда).

Воздух бодрящий и дыхание – вольное. Но это кто такие?

Попонами дерутся друг с другом: курды.

Кряжистые тела: обожженные. Цвета коричневатого-красноватого. Бугристые мускулы. Запах пота такой, что кажется – проходишь мимо еврейской «миквы». Неужели в Тбилиси все утрачивает свою породу? Это вот они – осколки тех курдов, что слыли тиграми Курдистана?!

Однако и у этих бедняг есть свой задор.

Это их парни и их девушки.

Некоторые продают спички. Некоторые табак. Некоторые – ирисы. Иные просят подаяния. Но у всех доброе сердце. Они умеют дружить. Узнают тебя из тысячи других. Бросятся к тебе и припадут к твоим ногам. И что такое пятак, брошенный тобой этим рукам?!

Маленькие курдянки и гаданьем занимаются. Черными глазами – черными, как змееныши черной курдистанской змеи – читают будущее по твоей руке. Лгут?! А что же делают поэты?! Разве где-нибудь еще увидишь ласку этих глаз?

Иной подонок заманит куда-нибудь двенадцатилетнюю девчонку и совратит. И тогда начинается трагедия – и часто – безумие. По тбилиским улицам пройдет женщина в лохмотьях с беременным животом. Как ужасны ее слова, тонущие в безумном хихиканье! По тбилиским улицам пройдет мать с прижатым к груди ребеночком. Как ужасен тогда внезапный вопль ее, диким хохотом обрывающийся!..

Лучше уйти отсюда. Отравленный взор исцелит Кашвети. Каждая плита рубашки храма – девственница: тихая – мягкая – нежная – покорная. И сам храм – тоже дева: дева-язычница, в жертву на закланье обреченная. Нет: здесь глаза зрят печаль.

Идешь вдоль Кашвети. И внезапно глаза тебя озарят: из тысячи – эти. Из тысячи женщин, из тысячи глаз – их узнаешь. Глаза иверской девы. Раса чистая и нетронутая. Гордость и застенчивость – одновременно. Пройдет она мимо тебя. И скроется в толпе. Но какие глаза забудут ее! Может, это и были Кашвети глаза...

Привидение или действительность? Да не все ли равно, если хорошо! У подъезда театра старик стоит. Это он: тот, который в течение сорока лет развешивал афиши – как покрывала дочери короля. Сейчас он слеп. Он не видит. А прежде феерические зрелища видел. Кого он не помнит? Артистов – и женщин и мужчин! Чего не знал он, хранитель кулисных тайн! Какого каприза не помнит и какого темперамента? Участником скольких актерских побед он был! Сколько огня и сколько

горения и сколько веселых пиров! Теперь же он – пепел и пустыня.

Но нет: старик не жалок! И не робок.

– Возьми, пожалуйста... – протягивает ему кто-то милостыню.

Он спрашивает надтреснутым голосом:

– Ты артист?

– Нет...

– Режиссер?

– Нет...

– Может, сценарист?..

– Нет...

– Или просто служащий театра?!

– Нет...

– От посторонних денег не беру.

Прохожий удаляется пристыженный.

Старик тарачит невидящие глаза: что там за шум?!

Громыкает трамвай.

Проспект Руставели плавится на солнце.

По проспекту идет человек (посреди улицы: избегает тротуара).

Он одет в русский «сюртук» с гербовыми пуговицами: уже поистертый, поношенный. На ногах – гетры: и они поношенные. На шее – широкий шарф навывпуск. Человек высок ростом. На голове – фуражка с кокардой. Но идет он – как Оскар Уайльд. Смотрит поверх людей. Взглянет – (нет, скользнет по тебе взглядом) и внезапно зальется краской: тело извивается и удлиняется. Человек едва заметно улыбнется. И вновь устремляет взор вдаль. Поправляет глаз одной рукой – словно глаз вставной (или рука привыкла к моноклю?!). Солнце ярится. Трамвай громыкает. Человека словно бы мучает солнце. Победит по залитой солнцем улице. Тело будто вечное было – а сейчас его солнце исцелило. Тело бежит: руки – ноги – шея – голова: словно машина задвигалась. Тело как на шарнирах. Мчится трамвай. Тело останавливается. Судороги – будто тысяча радикулитов сразу. Затем останавливается на одной ноге. Покраснеет и повернется. Тело достигает высоты в сажень. Ватман останавливает трамвай. Станный человек отскакивает в сторону. Ему кажется – за ним бегут. Он бо-

итя. Выпрямляет ноги. Выпрямляет шею. Будто боится, что машина рассыплется. Исчезает в толпе. Что это – видение Апокалипсиса?

Трамвай со скрежетом и визгом продолжает путь.

На подъеме Измайлова (а кто такой Измайлов?!) дворник стоит – айсор¹. Сплин одолел его, и он стоит, считает звезды. Считает и напевает. В песне больше – рыдание. В голосе – тоска; не любовная. Тоска по утерянному?! Возможно. На Измайловском подъеме стоит дворник-айсор и поет, опечаленный: Шаул Заиа Курдаи – из племени Бирвер.

Одолеваемый сплином дворник считает звезды.

– Который час? – спрашивает он прохожего.

– Скоро двенадцать...

Прохожий думает: для чего это «который час» тому, чье Время ушло?

Дворник-айсор продолжает петь и смотрит на небо (вопрос «который час» представляется ему выполнением одной из своих обязанностей). Считает звезды. Может, ищет – Ирмис нахоми². А ведь отдаленный предок его даивал оленях. Или: возможно, он звездочет? Ассирийцы знали толк в звездах. Дворник ведь тоже ассириец.

Что надо ему здесь, в Тбилиси?

У него один сын: чистильщик сапог. Может, его далеким предком был Ашурбанипал – или Саламасар? Кто знает.

У дворника есть свой закуток под лестницей. Там живет его семья – (жена и дочери). Черные, как смоль, волосы отяжеляют серебряные монеты и перламутровые пуговицы. На мускулистых ногах грубой вязки пестрые шерстяные носки. Женщины укутаны в одежду: будто зараз одели все, что имеют (одежда большей частью – лоскуты). Столкнутся нечаянно с тобой – в нос ударит крепкий запах пота. Это они-то потомки Аштарот?! Эти корявые бедра – неужто они и есть сладострастное племя великой Аштарот? Неужели так пала древняя языческая богиня?! Где фигура ее, где порода? Но глаза – два крупных угля горящих – черные змеи в глазах купаются. Нет: жива, жива покамест Аштарот! По тбилисским улицам ходит она!

Дворник-айсор рыдает – (поет) – и считает звезды. Может, читает

¹ Айсор – устаревшая форма, в современном языке – ассириец.

² Ирмис нахоми – Млечный путь (груз.)

печальную участь Ассирии. Страны могущественной меж Тигром и Евфратом. Вавилон – город развратный до кошмара. Цари – Ассаргадон – Саламасар – Ашурбанипал. Имена как раскаленные клейма и раскаленные пращи. На одном из барельефов Ниневии изображен царь Немрод. Плотный, кряжистый. Мясистыми руками душит льва. Ассирия душит иранского льва.

Его потомок – дворник в Тбилиси.

Его последыши – чистильщики сапог.

Может, об этом рыдает песня дворника-айсора?

Тбилиси слушает, замерев. Не свою ли судьбу зрит город?! Ведь и он – Вавилон?! Тысяча народов. Тысяча племен. Тысяча наций. Смешение. Прелюбодеяние. Наслаждение.

Тбилиси слушает рыдающее пение ассирийца.

...Город качается. Тбилиси пьян.

С вершины одной горы поэты читают стихи: кричат стихи в чей-то дом. Обломок их стиха повторяет кто-то в том доме. Эхо или двойник?! В том доме редко-редко кто видел человека. Определенно двойник. Ведь и сам Тбилиси – двойник?!

Поэт стихами следует за двойником. Поэт боится, как бы не обернулся двойник и не зарезал бы его ножом. Второй поэт лает на луну, как Лафорг. Вытаскивает жабу из речной станицы и слушает ее кваканье (тяжела жизнь в Тбилиси). Луна малярийной кислотой проливается на Тбилиси: изжелта-зеленой как лягушка. Поэт все витийствует, рифмоплетствует, читает стихи. Это другой. Он забрасывает Тбилиси на «Пьяный корабль» Рэмбо – Тбилиси тоже корабль: Тбилиси тоже пьяный. Кто-то стоит в стороне. На лице его гнев и свет – одно и то же. Он швыряет стих, полный Дионисом, гремящим голосом. Стих как меч Саакадзе: разит Тбилиси в позвоночник, и город корчится, как лошадь с перебитым хребтом. Хребет кровоточит. Поэт закрывает глаза рукой и падает, как падает ребенок, – (гнева не хватило или мягкосердечие одолело?). Шатается город, колышется. Певец Рэмбо боится, что город погибнет, и издали кличет мать: просит грудь, молоко.

Затем – пятый – шестой – седьмой.

Дом таится, как летучая мышь. Он ловит стихи поэтов.

Кто-то из дома повторяет стихи. Двойник?! Или сам Тбилиси?!

Ведь и Тбилиси – двойник.

Поэты прислушиваются к слову, донесенному эхом: бледнеют. Прохожий останавливается и недовольно ворчит:

– Покоя от них нет...

– Сумасшедшие... – отзывается второй прохожий.

Но поэты все же продолжают – (опьянели от страха).

Кто-то в соседнем ломе распахивает окно. Выходит на балкон (окно служит и дверью): в нижнем белье. Видно, помешали паре.

– Спать не дают!.. Ни сна, ни отдыха, ей-Богу, от этих ненормальных...

– Отправляйся в Базель: там отоспишься...

– Какой еще Базель? Что за Базель?!

– Говорят, там много зубатых кретинов... Tête carrée...

– Я вам покажу кару!..

– Ха-ха-ха. Чишмаритова знаете?

– Какой еще Чишмаритов?!

– В Базеле заодно узнаешь...

– Убирайтесь вон!.. сво...

Появляются милиционеры. Мирные жители при виде их чувствуют удовлетворение – (на что была бы похожа земля, не будь милиционеров!).

– Пройдемте в участок... составим протокол...

Поэты враз отрезвляются: протокол лучшее отрезвляющее средство. Уходят.

А город все же качается.

Западный ли ветер отбросил его к востоку, или восточный ветер – к западу, не знает того Тбилиси. Он знает одно: остановился он на одном месте. Потянется вперед – что-то тащит его назад, не пускает. Повернет назад – что-то увлекает вперед, останавливает. Нет у него разбега. Кто бросил якорь?! Тысяча ветров обрушивается на него, словно он и есть перекресток мира. Оторвался от востока – и не достиг запада: застрял на середине.

Колышется, качается город-корабль.

Королева желанная?! Женихов множество было: Византийцы.

Римляне. Турки. Персы. Хорезмийцы. Сарацины. Арабы. Половцы. Монголы. Русские. Всех отвергла. Вековухой осталась?! Нет: повели под венец, да ласки ее не познали. Было все только силой – но кто узнает любовь женщины, если грудь ее закрыта?! Осталась женственность нераскрывшейся: цвет пергамента скрывает неутоленную страсть... Не было распаления, не познала и утolenия.

Кого же, кого она ждет?!

Лже-женихов помнит множество.

Непобедимый хорезмиец Джелал-эд-Дин побежден был разъяренным единорогом Монголии. Имя единорогу – Чингис-хан: воронка самума. Беглец-хорезмиец подступил к Тбилиси. Тбилисские персы выдали тайну крепости. Джелал-эд-Дин с огнем и мечом вторгся в столицу. Взял ее, и на куполе Сиони воздвигнул свой трон. И ныне помнит Сиони мертвящую слезь его объятий. Память Сиони больнее жжет плач лозы, крест из которой покоится в его стенах.

Лже-женихов и других помнит столица:

Чагатар: сын Чингис-хана, Иосэр и Бичуи: воины каэна же. Мангу-каэн и Уллу-каэн. Темур-ленг: который знал тайну грузинского темперамента – («ведаль пылкость грузин в бою и быструю усталость»). Семжды обрушивался грозный полководец на Тбилиси и всю Восточную Грузию – Амери. Свирепый Шах-Аббас: ярость которого была яростью раненого льва. Шах-Исмаил. Шах-Тамаз. Евнух Ага-Мохаммед-хан, который за волосы таскал непокорную невесту. Вспомнил тогда в последний раз свою песнь великий ашуг, в монахи постригшийся Саят-Нова – но кровью изрыгнула песню-стих отрубленная голова.

Который еще жених?! Все – фальшивые?! Все – ложные?! А не сама ль невеста ложная?! Кого ждет она так долго? Почему среди своих юношей не нашла жениха?!

Колышется город-корабль. Тбилиси бредит.

На корабле появляются тени. Самоубийцы, что ли. Выбросившиеся с корабля и утонувшие любят порой возвращаться назад. Может, и самому кораблю сулят самоубийство?..

Тени разговаривают на языке немых:

Первая: участь сущего в самом сущем.

Вторая: нет истины превыше этой.
Третья: сам себя обрек.
(Кто? Корабль? Тбилиси?!)
Первая: сколько было зависти?
Вторая: сколько было отмщения?
Третья: сколько было опьянения мщением?
(Кто, кто не испытывал зависти?!)
Первая: прибавь недоверие друг к другу.
Третья: подытожь измены друг другу.
(Много было «но» – «все-таки».)
Первая: я сама отвергла материнское лоно.
Вторая: я сама отравила семя.
Третья: я сама сожгла посев.
(Это сделали вы... При чем «он»?)
Первая: мы – его тело.
Вторая: мы его стремление...
(А другие? Другие?! Другие?!)
Первая: нет «другого».
Вторая: все едины.
Третья: одинаковы.
(Но: я – ты – «он»?!)
Первая: это поверхность.
Вторая: это кажущееся, морок...
Третья: лучезарная Майя...
(Вы тоже – морок!).
Первая: участь сущего в самом сущем.
Вторая: нет истина превыше этой.
Третья: сам себя обрек.
(Кто?! Корабль?! Тбилиси?!)
Тени исчезают.
На палубе появляются новые тени.
И они шепчутся на немом языке.
Первая: не иди в ту сторону.
Вторая: рядом Марабда!
Третья: Марабда закланое место.
(Как?! Кем?!).

Первая: там грузинское войско преградило путь монголам.

Вторая: восемьдесят тысяч – двенадцати тысячам.

Третья: восемьдесят тысяч обратились в бегство.

(Не может быть!).

Первая: грузины там не побеждали.

Вторая: опытные люди предупреждали.

Третья: Саакадзе только это и твердили.

(И Саакадзе был побежден?)

Тени исчезают.

Теперь другие сменяют их у поручней.

(Так Саакадзе был побежден?)

Первая: кто знает?!

Вторая: ты видел его лицо?

Третья: орлиный взор непреклонный.

(?! ?! ?!)

Первая: сокол замечает стаю птиц. Они улетают со страху. Он подлетает снизу под стаю. Описывает круги.

Вторая: сокол все сужает и сужает круги.

Стая группируется над центром кругов. Птицы жмутся друг к другу.

Стая превращается в мяч.

Третья: сокол стрелой взмывает вверх. Мяч оставляет внизу. Падает сверху. Крылами рассекает мяч.

(?! ?! ?!)

Первая: вот что такое круг Саакадзе!

Вторая: вот его удар!

Третья: вот его печать!

(И Саакадзе был побежден?)

Тени исчезают.

Теперь другие тени натываются на борта палубы.

(Так значит, Саакадзе потерпел поражение?)

Первая тень: он продал Грузию.

Вторая: не продавал, нет!

Первая: но ведь покинул ее?

Вторая: Грузию и Иованэ-бери покинул.

Первая: и что же?

Вторая: покинул и бежал в Испанию.

Первая: зачем?
Вторая: там он думал найти грузин.
Первая: бежал от грузин – и к грузинам направился.
Вторая: именно.
Первая: не понимаю.
Вторая: любил очень... Грузию...
Первая: и Саакадзе любил?!
Вторая: до сумасшествия... страстно!
Первая: но ведь он переметнулся к персам?!
Вторая: чтобы войти к ним в доверие.
Первая: цель?!
Вторая: чтобы затем разбить их.
Первая: но ведь он пришел в Грузию с персидским войском?!
Вторая: залучил его, только и всего... А потом уничтожил...
Первая: это он решил тогда, когда поймал гонца.
Вторая: какого гонца?!
Первая: Шах-Аббас не доверял Моурави.
Вторая: ну и потом?
Первая: заподозрил его.
Вторая: ну и потом?!
Первая: отправил послание военачальнику.
Вторая: что за послание?
Первая: велел убить Саакадзе:
Вторая: Саакадзе прочел это послание?
Первая: тогда-то и решился на измену.
Вторая: но ведь сына заложником оставил?!
Первая: ну и что ж?!
Вторая: Шах-Аббас прислал ему хурджин!
Первая: что было в нем?
Вторая: отрубленная голова сына Моурави.
Первая: и все же он предатель!
Вторая: настоящий герой.
Первая: не понимаю.
Вторая: и не поймешь.
(Так побежден был Саакадзе?)
Тени растворяются и исчезают.

(Побежден был все-таки Саакадзе?)

На поручень палубы опирается тень.

(Побежден был Саакадзе?)

Тень: видишь тот холм?

Корабль: вижу.

Тень: там Моурави вонзил свой меч в землю.

Корабль: и что же?!

Тень: и в глубине земли преломил его.

Корабль: зачем?!

Тень: сердце ее почел неверным.

Корабль: смог отторгнуть ее?!

Тень: от избытка любви.

Корабль: а сам?

Тень: сам сгинул.

Корабль: побежден был Саакадзе?

Тень: кто знает!

Корабль: побеждена была Иберия?

Тень: победит Иберия, если меч Саакадзе станет целым.

Корабль: станет он целым?

Тень молчит.

Корабль: станет ли она целой?!

Тени не видно.

Качается корабль. Колышется Тбилиси. Колыхается.

К поручням палубы прикакает первая тень:

– Участь сущего в самом сущем...

Внезапно появляется маленькая голова. Голова – желтая круглая тыква. Маленькие серые глазки посверкивают на тыкве. Лицо безволосо, безбородо. Тела не видать – (вероятно, бесенок, что ли). Тыква лыбится, зубы скалит:

– Хи-хи-хи...

Тень повторяет:

– Участь сущего в самом сущем...

Тыква не может сдержать смех:

– Ха-ха-ха... что посеешь, то и пожнешь, что посеешь, то и пожнешь... не так ли?! Хи-хи-хи...

Тень исчезает.

Тыква потирает ручки: хи-хи-хи... И тоже исчезает.

Качание прекращается: видение рассеивается.

Город-корабль рассержен и недоволен. Останавливается: потягиваясь, отрезвляется от видений гашиша. Слюна горька. Во рту – солоно. Глаза выцветшие: и видят одни лишь линялые, выцветшие краски. В ушах застряло отвратительное «хи-хи-хи»... Солнца не видеть. Тела распадаются и разлагаются. В мыслях «небытие». Бытие безвкусно. Корабль возле подводной скалы. Сейчас разобьется. И зовет кто-то. Слышится: хи-хи-хи....

Корабль внезапно оглядывается назад Тбилиси видит: из тысячи глаз – одни глаза – иберийской девы глаза. Чистые и незамутненные примесью иной расы. Глаза: в которых гордость и застенчивость одновременно. Глаза: в которых узришь первые дни сотворения.

Корабль решительно останавливается –

Тбилиси глядит в глаза иберийской девы.

Еще немного – и солнце взойдет.

КАРТЛИС ЦХОВРЕБА

«Цховреба Картлисай» – нет поэмы прекрасней...

Из старинного завещания

Колыхается Тбилиси – пьяный город.

С севера доносится странный гул: разбушевавшаяся Россия грозит потопом старому миру. С юга Турция наступает: приказ следует за приказом – того, чье имя грому и молнии подобно: Вехиб Мемед.

Грузия словно островок меж двух потоков.

Тбилиси качается: бушует.

Беспокоен и Мекеш. Словно лунатик, бродит по улицам. Память уходит вдаль: в века. Здесь бушевал древний род Ирубакидзе. Это знает Мекеш. Нет: это зрит Мекеш обновленными глазами. Далекие корни ветвями лозняка льнут к его телу. «Боль», но не «обида». В боли присутствует и неведомая сладость. Арчибальд Мекеш погружается в историю своего рода: ныряет в бездонную яму. Мрак озаряет одно

только слово – «отец». Мекеш приближается к отцу. Отец прижимает сына к груди. Сын трепещет, умиротворенный. Отец льет слезы. Арчибальд исчезает и растворяется под рукой отцовской.

– Экстра!.. Экстра!..

Кричат мальчишки – разносчики газет.

– Послушай, почитай-ка, что там написано, – говорит прохожий своему спутнику.

Арчибальд Мекеш выходит на берег из тумана забвения. Но взор тут же заволакивает другой туман. В этом тумане вычерчивается одно лицо: Ольга. Сердце колотится: в нем другое сердце, то, которое вдалеке. Сердце горит. Хорошо ранним утром пройтись по росной траве. По росной траве – горячими ступнями. Где, где та прохладная роса, что охледила бы этот жар?! Она далеко: Ольга. Летом падает на землю дождь. Мокрая земля еще не просохла, каменистый берег речной просыхает. Камни промытые и прохладные. Но что охладит разгоряченный мозг? Ольга оторвана.

Мекеш бредет по улице. Одиночество душит его. Интересно, где теперь Вамех? Может, в деревню поехал? Но почему не послал весточки? Десять дней как его не видно.

Страх завладевает Мекешем.

Маленькая комнатка выходит на узкую улочку. Окно невысоко, полуоткрытое. В комнате – маленький стол. На столе – маленькая лампа. За столом сидит ребенок семи лет. Ручки нежные и грустные глаза. Рядом – другой ребенок: постарше. Маленький читает книгу.

Мекеш останавливается под окном.

Старший мальчик спрашивает младшего:

– Что там написано?!

– На вершине Кохты собрались...

– Кто?

– Шаншэ... Эгарслан. Даддани Цотнэ. Варам Гагели. Кваркварэ. Купро Шотай. Эретцы. Кахетинцы. Гамрекели из Торэ. Саргис Тмогвели. Месхи. Таойцы.

– Для чего собрались они?

– Мы, говорит, без царя остались... соберемся вместе... и будем

бороться с неверными...

– Потом?

– Решили объединиться... Цотнэ Дадиани и эристава Рачинского послали подготовить все...

– Мама так тебе объяснила?

– Да, так...

– Потом: монголы не узнали про это?

– Узнали...

– И что с ними сделали?

– Повезли их в страну Аниси... которую Ширакаваном¹ называют... привели к какому-то Кармахану.

– Наказали их?

– Да... всех их раздели догола... и на солнцепек посадили... чтобы они замучились...

– Всех наказали?

– Не... Цотнэ с ними не было.

– Значит, он спасся?

– Не-е... Он тоже пошел...

– Куда пошел?

– Он пошел туда же, к своим братьям.

– А потом, что случилось? Его тоже пытали?

– А я это еще не читал... с мамой не читал...

– А ну, читай...

Малыш читает.

Арчибальд весь – внимание.

«... и яко увидел Цотнэ вельмож, в таком унижении сидевших и на смерть обреченных, спрыгнул с коня и сбросил одежды свои, оголился и связал руки свои и сел с вельможами рядом, опечаленный. И яко увидели монголы это, удивились и тотчас сообщили нойонам, что пришел Цотнэ Дадиани с два товарищи, и снял одежды и, связанный, сел с грузинами...»

Маленький чтец умолкает.

– Что значит «яко увидели»?

– Не знаю...

¹ Ширакаван - совр. Шираки.

– Что значит «с два товарищи»?

– Не знаю...

Маленький чтец озабочен и огорчен.

(Это и Арчибальду непонятно).

Маленький мальчик с грустью произносит:

– Я не понимаю...

Другой объясняет:

– Цотнэ пришел со своими двумя товарищами... Разделся, одежду с себя снял. Монголы удивились, по-моему, так... А потом что написано?

Маленький чтец продолжает.

Арчибальд прислушивается.

«Удивились монголы, и призвали к себе и вопрошали, для чего пришел он туда, и зачем сделал это. И посему отпустим их всех и не накажем более...»

Останавливается маленький чтец.

Спрашивает товарища:

– Ты понимаешь?!

– Не совсем...

– А все же, что получается?

– Кажется, освободили... всех...

– Что за человек был Цотнэ?

– Да-аа... великий человек...

В дверях слышится голос отца – (вернулся, вероятно):

– Какой Цотнэ?

– А Дадиани...

– Где ты взял эту книгу?

– В лавке купил...

– Как ты о ней узнал?

– Мужчины говорили, хорошая книга... я запомнил... собирал карманные деньги и вот... купил...

Отец смотрит на книгу: «Картлис цховреба»¹. Гладит сына по голове.

Потом с усмешкой говорит ему:

– Малыш! Мир переворачивается, а ты летописи читаешь?

– Как переворачивается?!

Ребенок удивлен.

¹ «Картлис цховреба» - «Житие Картли» - древняя летопись, история Грузии.

Арчибальда душат слезы. Он уходит на цыпочках, оглядывается. Дом, что ли, запоминает. Сейчас он будто слушает кого-то, кто хоронится. Корни шевелятся радостно.

Входит в отель.

Портье вручает ему письмо.

– Это письмо вам оставил седьмой номер... я забыл вам передать... простите, пожалуйста...

Портье кланяется, пристыженный. Арчибальд читает – (Вамех пишет?)

«Еду в Петербург»... «у меня дело»... «ничего опасного... повидаю Ольгу... без меня вы не уедете из Тбилиси... надеюсь...»

Слова будто готовы соскочить с бумаги.

Среди слов – два слова: «повидаю Ольгу».

Арчибальду вспоминается:

Он сидит в кресле. В руках у него портрет Ольги. Он смотрит на портрет, печальный. Со спины подходит Вамех.

– Что вы так рассматриваете?

Арчибальд оглядывается на него.

Вамех улыбается. Арчибальд молчит.

– Очень соскучились?

Арчибальд опускает голову. Вамех не отстает.

– А если она вдруг окажется в Тбилиси?

– Кто?!

– Ольга...

Арчибальд озадачен.

– Это невозможно...

– Ничего невозможного нет.

Вамех улыбается. Ласкает Аллана.

Арчибальду вспоминается его улыбка. «Неужто же?!» Что-то проносится в мозгу: «Нет». Он взглядывает на Аллана. Дог печален и угрюм – (верно, не хватает ласки Вамеха).

Арчибальд читает приписку: «Вчера я мельком увидел Таба-Табая. По-моему, это был он». Эти слова задерживают его внимание, и он прислушивается к биению своего сердца.

ГРОБ НА СОЛНЦЕ

*Когда орел смотрит на солнце –
хочет терзать его когтями.
Не смерть ли зрит в нем?*

Хроника IX века.

Голова ящерицы порой в веках окаменевают.

Изумруд – тот камень. Так говорят на Востоке. Арчибальд вспоминает глаза цвета ящерицы. Два плотных зеленых листка, что смотрят искоса. Интересно, добрался ли Вамех до Петербурга? Видел ли Ольгу?!

Мысли. Мысли. И в мыслях: два зеленых листка. Арчибальд Мекеш проходит мимо театра.

Перед театром группы людей.

Люди смотрят в небо, задрав головы – подобно древним астрологам. Слегка прикрывая глаза ладонью.

Арчибальд останавливается. И он смотрит на небо. Слышна беседа.

- Не нравится мне что-то...
 - Что тебе не нравится?!
 - Небо сегодня мне не нравится...
 - Эта тучка подозрительная, верно?
 - Определенно подозрительная...
 - Вдруг да пойдет дождь!..
 - Думаешь, отложат похороны?!
- (Арчибальд прислушивается).

Группы множатся.

- Читал в газете?
- Что там написано, а?
- Похороны отложат, если не будет солнца...
- Кто это пишет, скажи на милость?
- Поэты пишут...
- Где слыхано столько откладывать!..
- Эти блаженные воображают, что зима кончилась...

- Поэты, милый ты мой, мечтами живут...
- Помилуйте, да при чем тут поэты?!
- Они хоронят...
- Кого хоронят?!
- Кого, кого! Покойного!
- (Арчибальд ничего не понимает).
- Ропот в толпе.
- Нет, видали такое?!
- Время перевернулось, что тут подделаешь!
- Поверить, что у этого несчастного и родных-то не было.
- У кого родных не было?
- У кого, у кого... вестимо у кого, у покойного!
- Да есть у него родные, только кто их близко подпустит!
- Ну и упрямый народ, оказывается, эти твои поэты!
- Слыханное ли дело!..
- (Арчибальд ничего не понимает).
- Что еще пишут в этой газете?
- А то, что у кого лошадь есть, пусть явится...
- Что же, представление, что ли, устраивают?
- Представление, а что же: мечи должны быть обнажены...
- Да где ж их взять, столько лошадей и столько мечей!..
- Не беспокойся: ради представления из кожи вылезут, а найдут...
раздобудут.
- Ничего не понимаю...
- И Арчибальд не понимает ничего. Наконец он осмеливается спросить у одного:
- Что тут происходит?
- Хоронят молодого человека... на войне его убили...
- И что же?..
- Молодой человек был другом поэтов...
- Сам он тоже был поэт?..
- Нет... Кроме лошади и меча, ничего другого не знал...
- Вопросы Арчибальда привлекают внимание. Чужака окружают. Кто-то из толпы продолжает разговор:
- Спросить поэтов, так убитый и солнце знал...
- То есть как это? Кто же не знает, что такое солнце!..

– Так в газете написано: солнце любил, мол... Видно, потому хотят при солнце хоронить...

– Фокусы какие-то и только, уверяю тебя!..

– Да, ну а что же, конечно!..

Арчибальд стоит молча. Потом – опять к тому же:

– Где его убили?!

– На Галицийском фронте...

– На Галицийском...

Грузин пристально всматривается в Арчибальда.

– Вы, должно быть, иностранец...

– Да...

– Очень приятно... а вот ведь и грузинский выучили?..

– Немножко...

– Очень, очень приятно... Вы...

Но в это время группы пришли в движение. Слышны возгласы: «Едут!».

Арчибальд чувствует облегчение: слава Богу, избавился от собеседника.

Те, первые группы, опять изучают небо:

– Кажется, солнце одержало верх...

– Хотя бы два-три часа подарило нам...

– Всадники уже около церкви, и если оно не подождет...

– Думаешь, отложат?..

– Да ведь в прошлый раз так и было?! И всадники были готовы, и все остальное...

– Нет: нынче выйдет погода!..

– Мед твоим устам... иначе...

Группы направляются к Кашвети.

Арчибальд Мекеш следует за ними.

Отовсюду прибавляются толпы людей.

Двигается процессия. Впереди семилетний ребенок. В руках у него лилия на высоком стебле, как горящая свеча. Ребенок ведет за собой неоседланную лошадь огненной масти. Лошадь вроде не в себе: фыркает и поводит дикими глазами. Один из всадников, едущих поблизости, внимательно наблюдает за лошадью: не взбесилась бы. Позади лошади что-то маячит в воздухе. Два всадника парой – впереди. Два

всадника парой – позади. Пары по сторонам: симметрично. Всадники воздели кверху длинные мечи. Мечи скрещены, и в перекрестье скреплены. На остриях мечей – плетенная из рододендроновых стеблей ладь с низкими бортами. В ней – белый гроб. Гроб в венках утопает. В изголовьи – обнаженный меч сверкает.

Арчибальд Мекеш, ошеломленный, взирает на гроб.

В группах – ропот – хотя и сдержанный:

– А где же родные?!

– Да кто ж их допустит, сударь мой, родных!

– Видали такое?!

– Священник-то, священник где?!

– А нету священника! Нету-у!

– Слыханное ли дело, ай-яй-яй!

– Мир перевернулся, сударь мой, мир перевернулся!..

Процессия разрастается. Тело проспекта наполняется.

За гробом – высоко поднятым – следуют всадники. Все – в белых чохах и на черных скакунах. Всадников – несколько сотен. Мечи обнажены. Взоры – вперед (в сторону – ни один). На лицах – печаль молчаливая. Шаг медленный: неспешный. Ритм единый – расслабленный.

Арчибальд Мекеш в оцепенении: будто бы сейчас увидит кого-то среди всадников. Ах да, Вамех! Где он в эти минуты?!

Мысль пронзает все тело. Почему отправился он в Петербург?! Так внезапно. Так неожиданно. «Дело у меня». Какое дело?! «Ничего опасного!». Как же ничего опасного в такое сумбурное время?! «Ольгу повидаю», – сказал.

Да. В сердце забилося третье сердце.

Группы задевают Арчибальда Мекеша, группы движутся.

Группы шепчутся.

– Послушай! А где плакальщицы?!

– Хотели вывести триста женщин с распущенными волосами...

– И что?

– Да то, что проект не прошел...

– То есть как? Что это, горсовет, что ли?..

– Да уж как хочешь считай... прошло вот это... то, что видишь...

– И что же, вот так вот, в тишине и безмолвии?!

– Так якобы лучше... не знаю я...

– Что ж это за похороны, сударь ты мой, если причета нет, плача нет!

– Тс-с-с-с!

– Что еще такое?!

– Громко говорить запрещается.

– Ох, Боже, еще и язык проглотить?!

– Тс-с-с!.. едут!..

– Кто?!

– Поэты! Которые хоронят...

– Да чтоб им пус...

Недовольный глотает конец слова – (один из поэтов глянул сурово).

Арчибальд Мекеш крайне удивлен зрелищем.

Вспоминается найденный в Хамадане камень цвета ящерицы и слова, на нем высеченные. И из слов тех: «больше солнца и больше меча»

«Солнце и меч»: здесь безусловно этот круг.

Тишина, и в тишине этой: приглушенная тоска. И вместе – облегчение неясное. Процессия обращается фантастическим видением. Все будто сливаются в единое большое тело. Огромное тело ползет, придавленное мыслью. Солнце нещадно печет. Мечи вот-вот подбросят гроб к солнцу, блестя на солнце: солнцем клянутся.

Процессия приближается к концу проспекта.

Проспект заполнен массами народа – в ширину и в длину.

Арчибальд Мекеш смотрит на гроб. Что это за шум?! Голова процессии точно столкнулась с чем-то: остановилась, качнулась.

Из узкой улицы выезжает всадник: за ним мальчишки.

– Маркиз Пробка, Маркиз Пробка! – раздается смех, крики.

«Маркиз Пробка» – прозвище. «Кохта» – вот его настоящее имя. На первый взгляд кажется ребенком, играющим в старика: будто загримирован. Бритый (но бреется от случая к случаю: на щеках – точно иней – следы бороды). Усы франтовато подкручены. Глаза: серые – недоверчивые и насмешливые. На ресницах – будто снежинки. Нет: Кохта старик, но не утратил ребячьей свежести. Лицо хранит огоньки. Кохта молодецкливо озирается. На голове – рыжеватая-серая папах, изрядно поношенная. Одет в серую чоху, тоже поношенную. И вроде

с чужого плеча... Над ремнем пузырится. Кохта росточком невелик. А чоха-то едва до колен достигает. Может, каприз «Намлеви»¹ – так его иногда называют. Ремень большим кинжалом отягощен. На ремне там и сям – множество кремней, больших и малых. Если не курит – чубук, как пистолет, на боку. Но когда закурит, тогда-то надо посмотреть на его величавый вид. Вокруг слушатели толпятся. Кохта степенно повествует разные истории. Кохта – бывший князь (между нами говоря, он «искатель»). Кохта любит и картишки: особенно – «баккара» – (между нами: кроме «кончинки», он ничего не умеет). В «баккара» Кохта большие деньги просадил. Кохта и женщин любит – (с женщиной он сроду не бывал: это видно). Женщина была русская: графиня белокурая. Из-за женщины Кохта на дуэли дрался. И убил кого-то. Потом его сослали в Сибирь (Кохта с многозначительной улыбочкой присовокупит, что тут, дескать, и «политическая» сторона имела место: Кохта либерал). Слушатели всему этому и еще многому другому верят. Удивительно то, что сам Кохта во все это верит. Кохта за политикой следит. «Как дела на войне, Кохта?» – спрашивают его. Кохта чубучок раскуривает, сплевывает. Лицо его принимает выражение Меттерниха (клянусь вам, это он и не играет, это у него так «выходит»): «должен сказать, что если...» – и тут Кохта встает: плечи расправляет так, будто богатырь хоть куда...

– Маркиз Пробка!.. Маркиз Пробка!

Орут мальчишки. Смех, хохот.

Едет Кохта на лошади. Лошадь – кости да кожа. Мальчишки привязали к хвосту лошади большую ржавую жестяную банку. Этого Кохта не знает.

В толпе движение.

– Э-ге... Это что еще за пугало?!

– Кохта!.. Маркиз Пробка!.. Не знаешь?!

– А-аа... Пробка... где он нашел эту клячу?..

– Верно, из катафалка выпряг... ха-ха-ха!

– Ты смотри, как он в седле сидит!

– Точно Георгий Саакадзе... ха-ха-ха!..

– Тс-с-сс... Тише!..

¹ Намлеви - последыш (груз.)

– Маркиз Пробка!.. Маркиз Пробка!..

Не унимаются мальчишки. Смех – (сейчас – сдерживаемый).

Смех перекидывается и на процессию – незаметно.

Но Кохта невозмутим. Он и «тяпнул» немножко для храбрости; лицо раскрасневшееся. Поводья держит так, словно сидит на горячем скакуне. Поглядывает сердито на мальчишек. Но те не отстают. Кохта рассекает воздух плетью. Лошадь чуть-чуть продвигается вперед. Жестянка стучает по ногам, лошадь шарахается. Кохта придерживает лошадь. «Маркиз Пробка! Маркиз Пробка!». Ребенок – тот, что идет во главе процессии – внезапно останавливается и тоже кричит: «Маркиз Пробка! Маркиз Пробка!». Неоседланная лошадь пугается, лошадь Кохты – еще более. Она переступает шаг, но спотыкается, неоседланная лошадь вырывается вперед. За ней пускаются другие. Кохта не может удержать свою лошадь, она падает на передние ноги. Кохта сваливается с седла. Смех. В это время гроб резко качнулся. С Кохты спадают брюки (забыл застегнуть: поправляет). Смех, хохот. Гроб снова качается, дергается. Лошади шарахаются в разные стороны. «Эй, вы, помогите!» – и участники процессии бросаются к гробу, удерживают. Но смех никто уже не может удержать – (хотя и сжимают губы). Хохот сотрясает процессию.

Фантасмагория?! – думает Мекеш.

Вдруг подбегают поэты.

– В Грузии все должно делаться по-дурацки!

Патетически восклицает один.

– Так было и так будет!

Подтверждает другой.

– Куда девалась эта собачья морда?!

Кричит третий.

Все смотрят на Кохту. Хохот стихает.

Кохта идет по узкой улочке – пешком: лошадь ведет в поводу. Но отчего он прикрывает глаза правой рукой?! Рукавом чохи утирает слезы? Кохта плачет?! И хохот умирает вмиг. Умирает, прибитый.

У всех одновременно вырывается:

– Бедный Кохта... бедный...

– Поднимите гроб! Продолжайте процессию!..

Кричат поэты.

Процессии направляется к кладбищу.

У горловины Верийского спуска – мальчишки-газетчики:

– Экстра! Экстра! Экстра!

– Вот этого нам не хватало!

– Заткните этих идиотов!

– Экстра! Экстра! Большевики взяли...

– Дьявол их возьми всех!..

– Экстра! Экстра! Большевики расстреляли...

Разбрасывают депеши.

– Эге!.. Лашхи?..

– Кто?! Не Вамех ли, слушай?!

– Кто знает?!

– Он уехал в Россию...

При упоминании Вамеха все всадники оборачиваются. В глазах ужас.

Арчибальд взглядывает на всадников. Там он читает свой страх. Страх переходит от одного к другому. Страх кружит в растревоженном теле – во взбудораженном теле процессии.

– Может быть, это не Вамех... Лашхи распространенная фамилия...

– Может быть... Может быть...

Теперь медленно ползет надежда. От одного к другому. Одна надежда подкрепляет другую.

Арчибальд тоже обнадеживает себя.

Процессия продолжает путь.

Арчибальд расходится с процессией.

Сердце человеческое устроено так: «только бы не он!». Сердце Арчибальда устроено тоже так: «хотя бы оказался другой Лашхи!». Это тоненькая ниточка. На ниточке подвешено сердце – (сердце Мекеша). Сердце боится, как бы ниточка не оборвалась: внизу пропасть. Нет: внизу – желтые уголья. Сердце сгорит.

Арчибальд Мекеш – крепкий Мекеш – наследник Ирубакидзе, не-сгибаемых Ирубакидзе – Арчибальд Мекеш сломлен.

И цепляется за эту тоненькую ниточку.

(Хотя бы встретить Таба-Табая!)

СОЛНЕЧНЫЕ СЛЕДЫ

*Мы приходим с солнца
...и на точеных плечах наших,
как клейма, горят следы жгучего солнца.*

Карду

К дверям отеля подошла деревенская девушка. Голова повязана косынкой. Плечи покрывает шаль. Деревенская девушка высока ростом – хотя коши ее без каблуков. Застенчиво, робко входит в отель. В вестибюле швейцар. Он изучает журнал регистрации, который лежит на столе (похожем более на книжную полку). Швейцар приподнимает голову. Смотрит вверх очков.

- Кого тебе?
- Арчиба... англичанина...
- Белье принесла?
- Какое бельё?!

Швейцар приглядывается к деревенской девчонке (нет, это не прачка).

- Слушай!.. Василий!.. Восьмой номер дома?

Что за номер? Девушка удивлена.

- Нет его... Давеча ушел...

«Нет»: девушка опечалилась...

- Не знаешь, куда ушел?

- Сказал, в театр идет...

- В какой театр?

- В грузинский...

Девушка стоит молча – (возможно, она и не знает, что такое театр).

- Ушел, ушел в Грузинский театр...

- А где этот театр?

- Ступай направо и там спроси... здесь это, недалеко...

Деревенская девушка обрадована: пока еще чужеземец здесь.

Идет искать театр. Спрашивает, где. Объясняют. Показывают.

Девушка застенчиво входит в здание. Лицо суровое и надменное.

Только и суровость, и надменность – с примесью страха.

– Ваш билет!
Спрашивает кто-то.
– Какой билет?!
Девушка в недоумении.
– Чего тебе? Отвечай же!
Спрашивает тот же голос.
– Мне... Арчи... англичанина... видеть его надо...
– Тут не то что англичанина, а и грузина не найдешь!..
Девчонка не уходит. Поток людской нарастает постепенно. Для нее все чужие. Кого-то она замечает – (лица не видно). Бросается вслед. Румянец вспыхивает на лице. Крик – почти вопль:
– Вамех!..
Незнакомец оборачивается. «Нет! Не Вамех...».
Девушка понуряет голову, смущается. Незнакомец останавливается. Смотрит на нее.
– Кто ты?
Она поднимает голову. Только сейчас незнакомец видит ее глаза.
– Мне надо найти англичанина... Его зовут Арчиба...
– Так что же?
– Он здесь... Мне сказали в гостинице...
Незнакомца покоряют глаза.
– Пойдем... Может статься, найдем его...
Девушка идет за ним: раскрасневшаяся, взволнованная. Встречные пялятся на нее, меряют взглядами. Девушка, точно чужестранная птица, настороженно озирается по сторонам – (ястребу завязывают глаза, чтобы потом, когда снимут повязку, глаза его обрели еще большую зоркость: взор деревенской девушки – тот ястребиный взор).
Незнакомец ведет ее за кулисы.
– Подождите здесь...
Она садится в уголке, оробевшая.
Украдкой оглядывает мужчин: «Может, он здесь!.. Может, среди них...» Сердце девушки – не чуда ли ждет?..
За кулисами шум. Поэты и артисты спорят:
– Пантомима готова... но...
– Что значит «но»?!
(Вопрошающий – тот, кто ставит пантомиму).

– Тамар мы нашли. И Медэю. И царицу Кетэван...
– А Святую Нино?!
– Нино не нашли!..
– Что же, в Грузии уже и женщины перевелись?!
– Нет, не перевелись, конечно, но...
– Что «но»?!
– Такой, какую ты хочешь, нет... не нашли. Приходит кто-то. Приводит женщин.
– Вот, выбирайте из них...
Постановщик разглядывает их.
– Прошу прощения... Эти не подойдут...
(«Прошу прощения» обращено к женщинам).
Женщины уходят.
– Объясни, Бога ради: чего ты хочешь?
– У Нино должны быть высокие бедра... глаза гишеровые... но гишер – который отсвечивает синью... грудь тугая и высокая...
– Что же, разве в Грузии нельзя найти такую?..
– Да не знаю... скольких привели, а ни одна ведь не годилась...
– Неужто красивых не было?
– Их красота – красота византийской Божьей Матери... все они сухие... нет плоти... нет страсти...
– Ну, если ты такую хочешь, ищи среди русских...
– Нет: она обязательно должна быть грузинка! – Да кто там разберет?!
– Кто разберет?! О нет! Раса исподволь проявляет себя! Сегодня – праздник расы...
Деревенская девушка в уголке замершая – словно горлица. Прислушивается к разговору. Ничего не понимает – (неужели это ей снится?!).
– Тогда не надо Нино...
Говорит один.
– Без Нино я пантомиму не поставлю!
– Послушай, да кто там будет разглядывать синие отблески в гишере!
– Говорю тебе: раса – в невидимых чертах...
Упрямится постановщик.

К поэтам и артистам приближается некто (тот, который привел девушку). Лицо его смеется.

– Неужели столько времени вы не можете найти Нино?!

– Нашли... но ему ни одна не нравится!

– Может, эта деревенская понравится...

Говорит со смехом пришедший.

Все оборачиваются на сидящую в углу: она краснеет. Подходят к ней: она смущена. Ее рассматривают: она горит.

– А ну-ка встань!

Она встает. Лицо: суровое и надменное. Страха теперь незаметно. Только пылание.

Взоры обшаривающие.

– Ладная фигура...

Деревенская девушка проклинает себя: – зачем она очутилась здесь!

– Снимите с нее косынку! И шаль уберите!

Девушке кажется: ее раздевают. Все тело – как горящие уголья...

Но – ни одной слезинки в глазах. Она закрывает глаза рукой.

– Не стесняйся... Опусть руку...

Она опускает руку. Опускает голову. Смотрит исподлобья.

– Это она!.. Настоящая Нино! Уведите ее... –

говорит постановщик.

– А вдруг она не сможет выучить?!

– Что там выучивать?! Ей достаточно лишь появиться!

Деревенскую девушку уводят.

В зрительном зале сидит Арчибальд Мекеш. Зал полон народу.

На сцене идет мимодрама – (местами вкраплена и речь) – «Цотнэ Дадиани». Шаншэ. Эгарслан. Варам Гагели. Кваркваре. Купро Шотай. Саргис Тмогвели. Эретцы. Кахетинцы. Гамрекели из Торэ. Месхи. Таойцы. Заговорщики – перед шатрами нойонов. Ожидают казни. Идут исполнители приказа нойонов. Заговорщиков уводят. Их должны раздеть догола. Затем вывести на солнцепек. В это время входит некто высокий и сбрасывает с себя одежды. «Кто это?» – «Дадиани Цотнэ». – «Чего он хочет?» – «Чтоб и его казнили». – «За что?» – «Он

тоже был с заговорщиками». Нойоны удивляются – (монголы любят правду). Отменяют казнь. Заговорщики радуются. Обнимают Цотнэ.

Зал – взволнованное сердце. Глаза скрывают слезы.

Среди сердец и сердце Арчибальда.

Среди других глаз и глаза Арчибальда. Всколыхнулся хребет рода. Издалека светят лица Ирубакидзе. Правда солнца – рыцарственность меча: поднимаются в сердце. Глаза уже не могут сдержать слез. Арчибальд Мекеш более не принадлежит самому себе: его увлекает нахлынувший поток. Волна теряется (теряется?!) в океане.

За мимодрамой следуют другие сцены: обломки расы.

Стремительность гурийцев и их звонкая песня (подобной не знает мир). Изящество движений и вкрадчивый взгляд мегрелов (несущий в себе ароматы морских берегов). Узловатые мускулы сванов и гимн «Лиле» (который – солнце, пораженное мечом). Буйволиное упорство и откровенность картлийцев (которая – знак силы или стойкости). Пляска кахетинцев и меч (которые – сам праздник), поэтические состязания пшавов (явивших Важа). Фехтование хевсуров (которое испытывает бесстрашного борца). Изысканность и степенность расы имеров (спорящие со всеми расами).

Арчибальд Мекеш не принадлежит себе. Он принадлежит всем: всем здесь находящимся. Все – братья его. Собрание братьев влечет его к далеким корням. Мекеш в тумане. Он забывает обо всем. Он помнит об одном: камень цвета ящерицы, найденный в Хамадане. О-оо! Вот когда понимает он загадочные слова, на нем высеченные:

...Брата моего небывшего
как любить мне
больше солнца
и больше меча
– ибо был он
двойник мой.

Праздник переносится в концертный зал.

В артистической уборной сидит деревенская девушка, одетая в

костюм Нино.

Ждет она – Арчибальда. Неужто не нашли его за столько времени?

– Не нашли?!

Опечаленная, спрашивает она того, кто привел ее сюда.

– Мне сказали: он здесь... не бойся... найдем...

– А если не найдете?

– Как не найдем?! А какое дело у тебя к нему?

– Я хочу расспросить его о моем брате...

– А кто такой твой брат? Он в Англии был, что ли?..

Деревенская девушка понуряет голову. Вопросавшего кто-то зовет. Он уходит. Девушка успокаивается.

Поэты и артисты готовятся к кабаре.

Зал полон столиков. За одним столиком, близко к эстраде, сидит Арчибальд Мекеш. Он в одиночестве.

Яства, напитки – в изобилии, как водится за грузинским столом. «Стол – тоже признак расы», – говорит один поэт. Струнный оркестр. Застолье. Грузинский пир (и это тоже – признак расы?).

На эстраде: то поэт, то артист.

Имена возвещает киноэкран.

Конферансье – высокий, крепкий поэт: в глазах которого душа его раскрыта. Поэт позабыл, что в мире говорят языком прозы. Он бросает рифмы, как игрок в нарды – кости («ду шаш» выпадает постоянно).

Арчибальд Мекеш пьянеет: то ли от вина, то ли от атмосферы. Больше – от последнего. Рядом с ним – столик. За столиком сидит красивая женщина – (белокурая, русская). С женщиной – грузин, подтянутый, молодцеватый. Арчибальд Мекеш время от времени взглядывает на женщину. Ей нравится его открытое лицо. Но «молодцеватому» не нравится. Арчибальд не замечает этого. Разве понять «молодцеватому» его вольный дух?

Арчибальд Мекеш временами бледнеет: точно странную тень замечает. «Вамех»... Где он нынче?! Как украсил бы он этот праздник! Что если... Нет! Невозможно!.. Лицо его белеет. «Молодцеватый» истолковывает это иначе: как гнев соперника. Откуда знать «молодцеватому» причину его бледности!..

На эстраде – парение, и сама она воспаряет.

Артист сменяет артиста. Поэт – поэта.

Выходит один поэт. «Смерть Ирубакидзе», произносит он тихим голосом.

(Ирубакидзе?! «Некто» привстает с кресла).

Поэт останавливается. Окидывает взглядом публику: точно факир. Бледнеет. Закусывает уголок губы.

Поэт начинает. Стих – как Буцефал. Поэт – как Александр, который укрощает дикого жеребца.

«Некто» с опущенной головой внемлет поэту. Кажется, у мускулов появились уши. В мускулы вливаются слова. Слова – слитки металла. «Падение меча и раскалывание его надвое»... «выход на балкон»... «лошадь, оборвавшая поводья, понесла»... «красавица-наложница скачет вслед и заарканивает лошадь»... «вскочила на лошадь и помчалась ветром»... «сине-зеленое поле и потоки пурпура»... и многое, многое другое... «Некто» замер: все тело его – оркестр: кто дирижирует этим оркестром? Он не знает. Ничего он не знает... знает одно лишь: нет! – вспоминает: завещанный отцом пергамент. Но откуда поэт про это знает?! «Некто» воспаряет ввысь. Внемлет поэту (или самому себе?). Поэт продолжает. Внезапно слово – точно удар меча и преломление его: «Умирает Ирубакидзе»...

– Он не умрет!

Кричит, вскакивая с места, «некто».

Кто это? Умалишенный какой-то!.. Поэт умолкает. Оглядывает зал.

– Ирубакидзе – это я!

Восклицает молодой человек. Он смотрит в пространство – будто впрямь умалишенный.

Приглушенный ропот. Поэт, не закончив чтения, убегает.

«Молодцеватый» – друг поэта. Он воспринимает это как оскорбление, что ли? Он вскакивает и замахивается на Мекеша. Мекеш молниеносным движением отражает удар. Затем обеими руками схватывает его и поднимает в воздух. Еще немного – и «молодцеватый» будет брошен наземь. Но внезапно Мекеш смягчается. Опускает «молодцеватого». Закладывает руки за спину и, опустив голову, стоит, как бы ожидая удара.

«Молодцеватый» отступает, пораженный.

Шум переходит в молчание.

Прибегает поэт – (конферансье). Два слова говорит Мекешу, три

– «молодцеватому». Пяти слов достаточно, чтобы инцидент был исчерпан.

Мекеш – сейчас пристыженный – рассматривает поэта. На кого он похож, интересно? Знакомая непосредственность, знакомая легкость...

Поэта умоляют: чтобы он прочел стихотворение снова. Поэт непреклонен. «Ни за что!» – говорит он.

Мекеш рассматривает конференсье. В его глазах он будто увидел кого-то – и опирается на стол, понурившись. Потом выпрямляется и застывает в неподвижности. Поэта уже не видно.

Арчибальду Мекешу вновь вспоминается слово, высеченное на камне цвета ящерицы: слово – о «брате». Сейчас «брат» ударяет его (ведь замахнулся?!). Боль корней. Но – не обида: ни капли!

Мекеш, замерев, прислушивается к боли.

На эстраде на киноэкране возникают имена: Нино – Кетэван – Тамар – Медэя: пантомима.

– Да что ж это сударь, все Нино да Тамар!.. – шепчет кто-то.

– Или других женщин нет, перевелись все?! – поддерживает второй.

Одна группа улыбается. Но на эстраду уже вышла женщина. На экране возникают буквы: Кетэван. Улыбки гаснут. Лицо женщины: словно готово принять муку. Зал замер – и что-то пронзительное пробегает по рядам.

Выходит вторая. На полотне экрана: Медэя.

– А это кто?!

Спрашивает один.

– Не все ли равно: кто?!

Женщина – красота и гнев Колхиды. Амазонка – пляшущая на острие меча. Если разъярится – каленым железом выжжет себе груди. Если будет мстить – задушит собственных детей.

– Очень уж красива!..

Говорит один.

– Сердитая чего-то...

Отзывается другой.

– Такой только попадись в руки...

– Тогда – держись!..

Шепот стихает; выходит третья.

Здесь уже ни к чему буквы на полотне. Зал встает и кричит: Тама-аар!

Такие ресницы только у Тамар.

Зал садится. Выходит четвертая. Экран объявляет: Нино.

Зал взрывается аплодисментами. Перед зрителями стоит языческая дева, чья раса – драгоценный камень, омытый прозрачными струями источника. Кровь чистая и несмешанная. Таковы были, вероятно, дочери картлийских племен, впервые выбежавшие на берег Черного моря. Зал гремит, рушится от рукоплесканий.

«Нино» смущается: она не знает, что ей делать.

Арчибальд не в силах оторвать глаз. Не «она» ли?! Нет. Как она могла попасть сюда?! Грузинские женщины похожи друг на друга. Но перед глазами все-таки «она». Ведь и он назвал ее «Нино»? – там, в Саирме. На закате желтое пламя стихает. Горы Саирме в тот час одеваются в лиловые одежды. Из лиловых одежд проглядывает синий глаз – камень драгоценный, в зрачке которого остается осколок солнца.

«Нино» горит. Она дика. Она не знает пантомимы. Она повторяет движения других, как сомнамбула. Порой бросает взгляд в зал, но ничего не видит. Вдруг глаз схватывает столик: который возле эстрады. Но отчего у сидящего за тем столиком лишь половина очков? Она в жизни не видела подобного! Незнакомец отнимает от глаза монокль и опять смотрит на нее. «Нино» идет за другими женщинами. Проходит по краю рампы. Еще раз взглядывает в зал – и внезапно спрыгивает с эстрады.

– Арчиба... Арчиба!

– Матаси! Матаси!..

Матаси падает на колени и обнимает его колени.

Арчибальд поднимает ее.

Шум. Ропот. Изумление.

– Где Вамех?! Где находится Вамех?!

Арчибальд видит глаза Матаси. Как он может обмануть эти глаза?!

Арчибальд теряется. Матаси его молчание сводит с ума.

– Где он?! Скажите мне!.. Вы знаете это!

Арчибальд знает. Но он знает и другую правду: более высокую.
Этим глазам ничего больше сказать он не может:

– Вамех в Персии...

– В Персии?! Так значит, он не в России... его не расстреляли!..

– Нет. Успокойтесь.

– Вамех... Вамех... Вамех...

И, будто нашла Вамеха, обнимает Арчибальда.

Лицо Матаси орошено слезами.

Арчибальд сдерживает слезы.

Оба покидают зал.

Праздник полнится, как азарпеши.

Кто осушит их?

– Как мама-Нино?

– Спасибо... хорошо...

– А дедушка Саридан?

– И он тоже...

Арчибальд провожает Матаси. Улица пуста.

– Вы ведь приедете к нам?

– Куда?

– В деревню...

– Приеду...

– Приезжайте вместе с Вамехом...

– Приеду.

Матаси радуется. Арчибальд скрывает боль.

Они идут по Верийскому мосту. Но кто это?!

– Сэр Арчибальд?!

– Табай-хан!..

Персиянин – то ли индус – то ли египтянин пристально смотрит на Матаси.

– Познакомьтесь: сестра Вамеха...

– О-о, Вамеха?! Где он сейчас?

– Я расскажу вам позже...

Арчибальд уже не в силах скрывать боль. Хорошо, что сейчас ночь.

Еще лучше, что Матаси не знает английского.

При упоминании имени Вамеха Матаси встрепенулась.

Подозрительно глядит на незнакомца.

Провожают Матаси.

– Так значит, непременно приедете?

– Непременно...

– Вместе с Вамехом?

– Вместе с ним.

Прощаются. Она протягивает им руку...

...Матаси уже не видеть.

В правой руке Арчибальда осталось что-то жаркое и сухое: трепет руки Матаси – как трепет запутавшегося в сети ястреба.

ВАМЕХ

«Братское утешение» ярко освещено. Оркестр сотрясает воздух. Кого только тут нет?! Грузин. Армянин. Турок. Осетин. Еврей. Поляк. Эстонец. Литовец. Русский офицер. Полковники. Земгусары. Хаки. Шинели. Погоны различнейшие. И – целый рой сестер милосердия и свора офицерских жен. Содержанки-демимонд. Папиросный дым. Кофе и коньяк. «Кахетинское». Шум. Гам. Кутеж. Веселье. Новый романс. Какой-то тенор: земгусар. Какой-то баритон: тоже земгусар. Женщины возбужденные и мужчины воспламененные. Тут и там в глазах – мерцанье сифилиса. Истерия и вакханалия. У стойки стареющие дамы, которые вспоминают былую свою красоту. Вокруг столиков роятся юные девицы: «первый выход» испытывается здесь...

В углу сидит незнакомец. Всегда сидит он за этим столиком. Здесь это знают, и столик всегда считается занятым. Незнакомец не обращается к девицам с заказом. Они знают и это. Подают ему: крепкий черный кофе и коньяк. Вчера было так... Сегодня тоже так. И завтра

будет так. Незнакомец ни на кого не смотрит: взгляд – ни на что. Не шелохнется. Лишь изредка закурит сигару. Вокруг шепчутся:

– Кто он?

– Быть может, англичанин...

– Похож и на испанца...

– Вроде облик грузина...

– Может, он и понимает по-грузински...

– Да что ты?!

Незнакомец будто бы не слышит ничего.

Оркестр уже не играет. На эстраде сменяют друг друга поэты. Читают стихи: так, словно сражаются с врагом. Несомненно, они потомки воинов. О чем только не читают: о луне. Об иберийской деве. О соловье. О Дионисе. Еще о чем? Состязаются друг с другом рифмами. Ассонансами – на дуэль вызывают. Возбуждают все. А их самих возбуждают аплодисменты: как ласка – амазонка.

Кто-то просовывает голову в дверь. Голова трясется и дергается. Волосы еще не знали ножниц. В глазах – глаза, что две осы – светится фосфор: пьянства ли, безумия ли – или и того, и другого вместе... Голова орет:

В магазинах трехэтажных
продаются трикотажные...

Столики хихикают:

– Вот это поэт что надо!..

– Таких ассонансов и на нашей эстраде мало!

Просунутая в дверь голова смелеет:

Сегодня авиатор
Похитил Травиату...

Столики в восторге:

– Вот это поэт!

Пустите его на эстраду!

Голова продолжает орать:

Ораанг – утаанг...

– Вот это созвучие для стиха!..

Голова вкатывается.

Протягивают еду. Вино.

Ему ничего не нужно. Нужна только водка. Один стакан водки. Подносят. Руки начинают дрожать. Он смотрит на полный стакан. Такой мути не было, наверное, и в глазах пьяницы Артура Рэмбо. Рука дрожит. Губы – еще сильнее. Радость?! Если бы он знал, что это такое – он был бы счастлив. Но он будет счастлив! – он знает. Опрокидывает стакан. Осушает единым духом. Будто весь мир узрел – разом. Стакан водки – мир. Он выходит. Незнакомец в его выпученных глазах уловил взор висельника – там, в Месопотамии увиденного...

Снова оркестр...

– Пречиистая спасиии...

Эти, верно, с берегов Волги. Мужчина и женщина. Глаза у обоих высохшие. Голос женщины: визгливый. Голос мужчины: голос швейцара с большого вокзала. Они идут. Откуда и куда?! Знают ли сами?..

– Спаасиии!..

– Их только нам не хватало...

– Подожди, еще не то будет...

(Столики обладают даром предвидения).

– Новый романс!.. Новый!

– Обязательно! Разве нужно просить?

Земгусар на эстраде поправляет воротничок:

– Гордая прелесь осанки.

Страстная нега очей,

А на улице:

– Экстра! Экстра!..

– Брестский мир!

– Большевики отдали...

– Карс... Ардаган... Батоми¹...

– Закавказское правительство готовится...

– Экстра!.. Экстра!..

¹ Батоми - Батуми

Столики зашевелились.

– Какое они имеют право заключать мир!..

– Мы им покажем мир!..

– Вот ужо приберем их к рукам...

– Романс!.. Романс!..

– Э-э, всего лучше – романс!..

Земгусар продолжает:

Все это есть у испанки.

Дочери южных ночей...

Девыцы тают – те, которые мельтешат вокруг столиков.

Незнакомец сидит неподвижно.

Часто бывает: идешь лесом. Ночь безлунная. Вверху – звезды, и внизу – лесная чаща. Тишина: которая переносит человека вдаль. Слух обостряется. Слышится звон цикад. Словно мгновения вечности текут. Прислушивание к безмолвию.

Незнакомец тоже словно бы в лесу. Шум кафе – как звон цикад. Мыслями он унесся далеко-далеко. Вокруг – будто океан, и в океане одна лишь мысль молчаливой струей: «Возможно!» Крики вездесущих мальчишек-газетчиков отрезвляют его. Он покупает газету. Читает. О «тех» событиях ни слова. Но что зачеркнет «те» события?! Расстрел на вокзале. Среди фамилий расстрелянных – знакомая фамилия. Неужели это «он»? Неужели с «ним» была и «она»? Нет! Невозможно! Мысли становятся злее. А если мир переворачивается?! «Пусть его, переворачивается, только...»

Вот это «только»! Таинственнейшее слово из всех.

Муравей ползет. Буйвол наступает копытом и раздавливает муравья. Буйвол не видит, что раздавил его. Земля сотрясается и рушит гору. Земля не видит, что она разрушила гору. Планета сталкивается с планетой и раздавливает Землю. Планеты не замечают, что погубили Землю. Но где тот, что разрушит все и сам останется целым? Нет его?! Значит, все подвержено разрушению: ничего не остается! Но ведь сердце говорит другое, сердце не смиряется с «ничем». Сердце живо только тем, что «что-то есть». Пусть это «что-то» будет крошечным муравьем: для сердца муравей – целый мир. Раздавится муравей –

сердце изойдет кровью.

– Экстра! Экстра! Экстра!..

Опять эти мальчишки, газетчики!

– Революция побеждает!

– Большевики разбили!..

– Большевики расстреляли!..

Мозг незнакомца прожигается каленым железом.

Пусть ее, побеждает: но кто «его» спасет?..

Что возвратит утраченное?!

– Экстра! Экстра! Экстра!

– Уши прожужжали эти мальчишки, ей-Богу!..

Дверь открывается. Входят: мужчина и женщина.

Столики вспыхивают. Некоторые из сидящих вскакивают с мест.

– Вамех! Вамех! Вамех!

Бросаются к нему, каждый стремится обнять: но разве Аллан когонибудь подпустит! Дог сам обнимает молодого человека. Потом бросается к женщине: и ее обнимает. Арчибальд встает.

Столики кричат наперебой:

– Вамех, ты спасся?!

– Мы думали, тебя расстреляли!..

– В тех депешах упоминалась и твоя фамилия...

– Расстреляли моего однофамильца...

– Поздравляем тебя со спасением!

У всех одно слово на устах – «Вамех». Такая встреча – словно все это время лишь одна забота мучала всех. Веселье на лицах – правда веселье. На сияющих лицах – радость. Особенно радуется высокий поэт: который не дает двинуться Вамеху. Вамех видит Арчибальда. Ольга уже сидит с ним рядом. Вамех подходит к ним.

– Арчи!

– Вамех!

Братское объятие – переплетенье шей.

Ольга сбрасывает кожаный френч. Кладет на стул шоферскую фуражку. Столики теперь утавилились на нее. Ее рыжие волосы встрепа-

ны. На лице: ветер и пыль.

Но один взгляд в сторону и столики поворачиваются к женщине перпендикулярно. Грудь?! С такой силой дышит, пожалуй, только зверь.

– Оркестр! Оркестр!

Арчибальд будто выходит из пещеры, где было одиночество мрачное и – скорпионы. Видит расстилающийся простор: будто из-под сени больших орехов. На зелень травы проливается золото солнца. В золоте лучей – пылающее тело женщины...

Сердце Арчибальда колотится: спаслось от удушья!

– Ольга!..

Изумрудные листья влажнеют, поблескивая. Он вдыхает пьянящие ароматы вольных просторов, что реют в глазах женщины.

Рядом опять крики:

– Оркестр! Оркестр!..

Но еще не родился оркестр: который выразит эту радость.

(Это думает Арчибальд).

Веселье нарастает.

– Вамех!.. Здесь была Матаси...

Внезапно говорит он другу с улыбкой.

– Матаси?! Здесь?.. Чего она хотела?

Вамех сейчас – меч, из ножен выхваченный. Арчибальд рассказывает ему о Матаси.

Вамех вскакивает. Убегает:

– Я сейчас... надо отправить депешу...

Только Аллан удивляется его побегу.

СКИФСКАЯ МЕНАДА

Сердце, бьющееся сильно...

Гомер

Что происходит с Ольгой?

Арчибальду вспоминается вчерашняя сцена.

– Арчи!.. Как прекрасна Юдифь, когда она отсекает голову Олоферну: верно, насытилась его кровью...

– С чего ты вспомнила?

– Арчи!.. Если бы у Юдифи был жених... единственный...

– Ну и что же?

– Как бы он принял ее обратно?

– Как принесшую себя в жертву Израилю, освободившую свой народ от тирана...

– Но если тиран познал ее?..

– Об этом жених должен был забыть...

– «Должен был»? Ты так думаешь?

– Я так думаю...

– А если бы Юдифь не смогла убить Олоферна?!

– И в том случае тоже... но...

– Но в том случае забыть было бы трудно, да?..

– Да, я тоже так думаю...

– А если бы Юдифь понесла от Олоферна?

– ?! ?! ?!

– И не смогла бы извергнуть его семя?

– ?! ?! ?!

Арчибальду вспоминается блуждающий взор Ольги и то, как замер он сам, точно объятый страхом.

Арчибальду и другое вспоминается.

Как раненная пантера, срывается женщина с места и бросается к букету цветов. Вдыхает их аромат – как зверь, что припадает к источнику. Потом – руки ее обезумели, что ли?! Мнут и терзают цветы.

– Ольга! Что с тобой?! Ведь эти цветы подарил тебе Вамех? Ольга!
Ольга!

Она падает. Потом собирает цветы, целует их. Потом бросается к Арчибальду. Обвивает его шею руками. Это пальцы ее так горестно плачут...

– Арчи! Арчи!.. Арчи!..

– Ольга! Что с тобой происходит?!

Что происходит с Ольгой?!

Россия взбунтовалась... Может, это и есть причина ее смятения? Тысяча несчастий, тысяча горестей... Но Олоферн?! С чего она вспомнила библейскую историю? Нет, здесь что-то кроется... какая-то тайна... Ольга откроет ему эту тайну... Ольга ничего не утаит от Арчибальда... Но эти цветы – измятые, искромсанные?! Подаренные Вамехом... А потом – как она целовала эти цветы... И после – слезы, слезы... Что все это значит?! Тоненькая иголочка кольнула мозг и тотчас исчезла. Вамех?! Поверить ли?! Нет!.. Нет! Пусть лучше сгинет весь мир!

Арчибальд прокликает подозрение.

Что происходит с Ольгой?!

Арчибальд не знает.

Когда приближался Дионис, – женский хор наполнялся его близостью, как пересохшее лоно ручья водой. А когда он уже приходил?! Тогда ручей разливался, переполнялся. Женщины, хмелея от близости божества, самозабвенно предавались восторгу и упоению. Но упоение пронзало что-то обжигающее и сладостное. И толпа женщин неслась к Дионису с криками: Эвоз! Эвоз!

Ольга тоже обезумевшая менада? И она встречается с Дионисом? Или ждет его – «освободителя»?! Но где он?! Кто «освободит» женщину? Глаза Ольги расширяются: зрачков не видать: исчезают в затуманенной сини... Глаза видят что-то, расширенные...

Ольга видит:

Равнины. Равнины. Равнины. Затерянная станция среди равнин. Никто не знает, кто владеет сейчас станцией: красные или белые... Или зеленые. Выжженная окрестность, дикие просторы.

Поезд останавливают.

Ольга и Вамех спрыгивают.

Их ведут. Какой-то тип жадно смотрит на бедра Ольги и глотает слюни. Вамех замечает это.

– Ольга! Обезобразьте свою фигуру! Вы ведь знаете: она возбуждает всех... Видите того человека?

– Вижу... Но как еще мне обезобразиться?..

На голове ее выцветшая шоферская фуражка, напыленная по самые глаза. Стан скрывает вымаранный сажей, грязный желтый френч и под ним – черное латаное платье. На ногах: грубые мужские сапоги.

Вамех улыбается:

– Все же...

Кто-то приближается. Тот самый, который нагло пиялился.

Обращается к женщине:

– Вы должны здесь остаться...

– То есть как это?..

– И ваш спутник тоже...

– Зачем?!

– Надо выяснить ваши личности...

Поезд уходит.

Выжженная окрестность становится еще более выжженной. Меланхолия пространства становится острее. Бродят солдаты в драных шинелях и лузгают семечки. Ольга смотрит на идущего издали Вамеха. Солдаты оживляются. Смешки. Хихиканье. Вамех суровеет. Куча солдат приближается к станции. Вдруг раздается:

– Ух ты, грузо голопятый!

Вамех не дает им договорить.

Швыряет наземь одного. Другого. Третьего. Четвертого. Но что сделаешь с ружьями?! Появляется начальник.

– Стой! Отставить!

Ружья опускаются дулами вниз. «Некто» уводит Вамеха.

Вечером к Ольге приходит «некто».

– Ваш спутник кажется мне подозрительным...

– Как?

– Да и кроме того: он оскорбил солдат своими действиями. Солдаты требуют его расстрела.

– Что вы говорите?!

– Я не могу препятствовать их требованию.

- Бога ради!
- Молчание на миг. Глаза.
- Ну разве что ради вас...
- Что вы?!
- Условие – одна ночь...
- Вы что, сошли с ума?!
- А потом я помогу вам бежать... обоим....
- Вы сошли с ума!!
- Другого выбора нет.

Женщина бросается ему в ноги. Обнимает его колени с рыданиями:

- Все что угодно... все... кроме этого...
- Только «это» и ничего другого.
- Умоляю вас!!!
- Даю три часа сроку... подумайте...
- Умо...ляю... вас, все... кроме...

Его уже не видно.

Почему мир обезумел?! Куда несется пространство? Женщина лежит ничком на полу... Расстрелять Вамеха?! Нет!.. Нет... Но Арчи?! Нет! Нет! Нет!.. Жертва величайшая?! Да, пусть так – если это спасет его... Чей-то шепот: «одна ночь» – как сон... Сердце разрывается, испепеляется... Где же время?!

Дверь отворяется.

- Вы готовы?

Женщина безмолвно следует за ним.

(Ольга вскакивает... точно стремится прогнать видения. Но тени преследуют ее неотступно).

Проклятая ночь: выпавшая из времени ночь. Прикосновение: как прикосновение тысяченожки. Поцелуй: как жабья слизь. О-о! больше невмочь!

Ольга резко вскакивает... Расширенные глаза словно смотрят на призрак. Призрак – из угла:

– Одна ночь – это сон... Смоется... Вода нахлынет и вымоет из памяти... Ничего не останется... Плод? Для этого существует врач... Извлекают и выбросят. Оскверненная женственность?! Но ведь это было насилие!.. Если женская грудь не раскрылась навстречу мужчине,

как цветы – навстречу солнцу, мужчина не достигнет женщины... Твоя женственность осталась нетронутой... Арчибальд?! Арчибальд не похож ни на кого!.. Он другой!.. Он все поймет... И не вспомнит?.. Он убьет воспоминание... безусловно... А ведь он вздрогнул при упоминании Олоферна... Естественно. Но он мужчина: он убьет память...

«Но ведь я-то не смогу убить...»

Ольга опять вскакивает. Призрак исчез.

Из окна виднеется Кашветская церковь. Тоже дева.

Ольга выбегает из гостиницы.

Входит в церковь. Становится перед ликом Богоматери... Сейчас вся она – сплошное сердце... Слова рождаются и исчезают... Нет: Ты – женщина... Ты – поймешь... Что для мужчины плод?! Ничто... Случайное «освобождение»... Для женщины?.. Для женщины – кровь... и плоть. Но плод насильника?! И его плод – кровь... Но гнилая... И тоже плоть. Но – тронутая гнилью... Выбросить его? Но ведь плод прирос к лону... И если выбросить его, лono уязвится?! Значит, грязь?.. Пусть остается?! О, Мать Божия!! Оскверненное лono!.. Оскверненное. Слова рождаются и задыхаются произнесенными... Она озирается по сторонам... Люди кругом... О, хотя бы не было здесь людей!.. Она бы бросилась на пол... Кричала бы криком, голосила... И Божия Мать призрела бы на нее... А теперь?.. Теперь слышны лишь слова, приглушенные: оскверненное чрево... оскверненное лono...

Выбегает из церкви. Мысли – каленое железо.

Нет! Значит, это моя участь... Хотя бы Арчибальд был плохим, дурным!.. Хоть немножко!.. Тогда бы мне легче было это переварить... Нет... пусть будет таким какой есть... хорошим... Сердце не умрет... Все подвержено смерти... сердце не умирает... Оно перестанет биться – но обратится незримой сетью... в сети будет второе сердце: оставшееся... А если и оно разорвется?! Запутается в сети... Все равно, так будет лучше... Смерть?! Это просто страх... и ничего больше... Тот, кто не боится поднятия занавеса – тот бессмертен... У кого дрогнет рука, поднимающая занавес, – тот лишь взглянет на Ничто и исчезнет сам.

Она входит в комнату. Что-то готовит... Сейчас она почти спокойна. Пишет... Смотрит на деву Кашвети... или сжалиться ее просит?.. Кашвети сжалится... Решение: жестокое и непреклонное...

Одно лишь имя на устах осталось: «Арчи... бальд»...

Что происходит с Ольгой?!

Арчибальд не знает. Да и кто знает?!

Аллан поеживается, потягивается: словно бы дурной сон ему видится... Вскрикивает вдруг... лает... Да что это с ним?! Он открывает дверь Аллану... Аллан прыжками бежит к комнате Ольги... Лает... Никто не открывает... Арчибальд подходит к двери... Стучится... Ответа нет...

Он ломает дверь...

На тахте распростерта женщина. На глазах – два лепестка фиалки. Волосы разметались по подушке застывшими солнечными потоками. На лице: спокойствие последнее. Ни обиды. Ни смятения. Ни спешки. Ни желаний – ни стремления. Одна лишь маленькая просьба: простить этот поступок. На груди осталась лежать фотография молодого человека. Правая рука бессильно свесилась. Свесилась, выронив письмо.

Остановилось сердце: «бьющееся сильно». Никогда не встрепнется. Никогда?! Сердце всегда живет в другом сердце. С умершим сердцем сейчас другое сердце: проникло в него. Но ведь и это сердце выпало из своего гнезда.

Случается, в океане моряки вытащат на борту акулу. Вырежут сердце и акулу без сердца бросают обратно в океан. Сердце продолжает биться. Его кидают на палубу. Сердце бьется о поручни. Его выбрасывают в океан. Сердце плывет обезумевшей рыбой: ищет гнездо, из которого его вырвали. Но выпотрошенную акулу уже сожрали другие рыбы. Тогда еще раз вскинется выброшенное сердце: но кто отзовется на его зов?! Сердце взбухнет напоследок: чтобы разом опасть навсегда.

Это сердце – сердце Арчибальда.

И его сердце – вырванное из гнезда.

Аллан скулит.

В записке – отрывистые слова: как озябшие пичужки в морозную ночь. «Кто смирится с плодом насильника?!» «Каленым железом выжжено лоно...» «Кто преодолеет непреодолимое: кто предаст забвению клеймо скверны?» «Какому мужчине не отравит оно память?» «Кто вытравит тень третьего, вставшего между двумя?!» «Никто из смертных»... «Ни одна женщина...» «Лучше смерть»...

Я преодолел бы непреодолимое!

Это крик оставшегося сердца. Но его крик не догонит уже то, первое сердце.

Рыдание приглушенное.

Саул! Саул! Лира Давидова не утешит сегодня тебя!!

Сейчас их двое: Арчибальд и Вамех. И Аллан с ними. Нет: их четверо: остановившееся сердце тоже с ними.

– Читай!

Шепотом велит один.

Второй берет письмо.

Губы деревенеют... «Как могла я отдать им Вамеха?! Я предпочла принести в жертву свою «одну ночь»...

– Отчего не расстреляли меня, несчастного!..

Молодой человек, рыдая, бросается на пол перед тахтой.

Теперь – глухие стенания двоих.

Нет! И Аллан скулит.

Саул! Саул! Кто утешит тебя!..

Ночью несут закрытый гроб. За гробом идут: Арчибальд и Вамех. И Таба-Табай с ними. И Аллан. Несут не душу: материю. Так они идут: опустив головы. В полном безмолвии. Боятся взглянуть друг на друга.

Порой кто-то один пошатнется. Рука другого тотчас поддержит.

Идут. Несут.

Так на расстрел идут.

Шаги их надрывают душу земле

ОТЕЦ

ЗМЕЯ МЕНЯЕТ РУБАШКУ

Дедушка Саридан греется на солнце. Горячо весеннее солнце на склонах Персати. Кости стынут у дедушки Саридана. Сколько весен видел старик? Вспоминает и не может сосчитать. Память перескакивает с одного на другое. Весна во все возрасты одинакова – (так думается старику).

Трава поднимается – растет на глазах. Почки точно пополам разделяются: сердцевину хотят вывернуть свою что ли. Стебель наливется силой, колышась тихо. Побег зреет, и ворсинки зеленые играют с солнечными зернами. Ветка соперничает с веткой – стремится стать деревом. Лист уплотняется, толстеет и по листу ползет червячок, извиваясь лениво – (и он, верно, толстеет). Долина налилась вешнею силой и сыто потягивается. Само солнце нежится, лениво потягиваясь.

И дедушка Саридан нежится. Та же весна – думает он (что была прошлым годом, позапрошлым – позапозапрошлым – и еще поза-... поза-... поза-...). Та же – но!.. Мысль старика что-то укалывает-кусает. Смотрит в сторону: поодаль Вамех укрощает необъезженного жеребца. Жеребец привязан к дереву. Вамех щеткой вычесывает зимнюю шерсть. Жеребец ржет, играет: то на дыбы встанет, то лягнет копытом. Но Вамех и дикого коня укротит: ловок он и силен – (думает про себя дедушка Саридан). Что-то укалывает-кусает его мысли – та же весна – но... Будь проклята старость: разве может Саридан укротить жеребца – теперь?! Старик подходит поближе к Вамеху: нравится ему внук.

– Вамех! А Матаси где?

– По воду пошла... Вон, возвращается она!..

Саридан ладонью заслоняет глаза от солнца и глядит в противоположную сторону. Матаси несет на плече кувшин, полный ключевой воды. И сама она полна (чем? весной?). Платье понизу вымокло и липнет к бедрам. Высокие бедра чуть-чуть раздалились – (и здесь – весна?!).

- Матаси!
- Да, дедушка!
- Напои меня, деточка!
- Пей, дедушка!

Матаси подает старику кувшин. Он отпивает – («а-ах, какая холодная!»). Матаси принимает кувшин. Старик глядит в сторону виноградника.

- Кто это такие, деточка?
- Гости...

Арчибальд и Таба-Табай спускаются по тропе к винограднику.

- Гости...

Повторяет про себя старик. Глаза его не видят?! Будь проклята старость! Саридан смотрит вслед удаляющейся Матаси. И Арчибальд смотрит ей вслед. Его взгляд Матаси чувствует. Оправляет платье. Но платье опять липнет. Бедра заметно налитые. Арчибальд не может отвести взгляд (на что он смотрит?!) Где-то в глубине что-то заиграло: как исток родника в пересохшем лоне забил. Матаси прикрывает лицо головным платком (зарделось ли румянцем лицо?). Идет смущенная. Несет полный кувшин. И сама полна... Чем?! Того не знает Матаси. Скорее Арчибальд это знает. Старик вспоминает вдруг покойную жену – Мзэху. И она была такая: стройная, как тетива натянутая. Матаси – (нет: Мзэха!) – несет кувшин с водой. «То же самое – но...». Проклятая старость... Нет: весна не бывает одна и та же – (заключает кто-то вместо старика).

Взор Арчибальда уносит с собой тело Матаси.

От глаз цвета серы этот взор не скроется.

– Какая красивая девушка Матаси!..

Он рад, что слова эти говорит Таба-Табай.

И, еле ворочая языком, подтверждает:

– Красивая...

Он не заканчивает фразы: им стремительно перебегают дорогу большая ящерица. Арчибальд вздрагивает. В сердце вспыхивают глаза цвета ящерицы – (Ольга!..). Это тоже не укрылось от глаз цвета серы. Персиянин – то ли индус – то ли египтянин стремится утишить боль:

– Все меняется... Жизнь – вереница перемен...

– Но разве ничего не остается от ушедшего?
– Остается. Но коснуться этого почти невозможно...
– Сладость жизни именно в этом касании.
(Арчибальда обжигает тень Ольги).
– И без касания ощутишь сладость... если прочувствуешь...
– Именно это «если» и суть главное...
– Ты видишь эту почку? Она распустится... расцветет... Даст плод...
плод созреет... упадет... увянет... и исчезнет...
– Значит, все исчезает...
– Ничего не исчезает. Одно переходит в другое...
– Но ведь это «другое» не будет тем «первым»?
– Будет в нем и то, «первое»... Вот в чем смысл!
– Трудно осознать...
– Разве выделишь волну из океана?.. Зачерпнешь горстью, – волну, ту, которую видишь... выльешь обратно – и нет ее... соединилась, слилась с океаном. Но разве волна исчезла?

Арчибальд молчит. Ольга... Исчезла она?! Подобно волне в океане? Не исчезла? Но ведь ее никогда не коснуться рукой! Никогда не увидеть! Никогда!..

Таба оборачивается и смотрит в сторону.

Арчибальд останавливается и тоже смотрит туда же.

– Змея пожирает другую, что ли?..

Говорит испуганный Арчибальд.

Таба прищуривает глаза цвета серы.

– Нет... Змея кожу меняет... сбрасывает...

Глаза цвета серы магнетизируют змею. Змея извивается вверх, но не двигается с места. Может, рубашка ее держит. Пестрая рубашка сброшена наполовину. Рубашка, точно вторая змея, держит змею. Солнце прошло зенит: жжет, палит. Змея: потягивание – дрема – зевота. От чего?! От солнца? – весеннего солнца? В потягивании в дремоте и зевоте змея забывается, что-то оставляет позади – меняет кожу. «Не прошлое ли оставляет – прошлую жизнь?..».

Глаза цвета серы магнетизируют змею.

Змея кажется рассерженной: будто бы на то, что нарушили ее уединение. Она отрезвляется. В глазах пробегают злые огоньки. Высовывается раздвоенный язык. Шипение и свист. Ее движения стали

энергичней. Но рубашка препятствует, не отпускает. Змея взвивается вверх (наполовину) и снова опускается на землю. Будто слюной брызжет ядовитой.

Глаза цвета серы, обретя страшную силу, как бы ударяют змею.

Она стремительно встает на хвосте (почувствовала, что ли, удар: но чей? солнца или глаз человека?) Извивается, извивается... Рубашка спадает еще на два вершка.

Таба-Табай – ни звука. Веки и взор неподвижны. Змея вертит головой. Раскачивается в разные стороны. Глаза Таба-Табая сверлят, сверлят ее. И наконец: внезапным рывком змея высвобождается, сбрасывает старую рубашку и, сверкая новой, уползает прочь.

Таба-Табай поднимает с земли выползину. Рассматривает.

– Нет на свете ничего более замечательного, чем это!..

Произносит он как бы про себя. Персиянин – то ли индус – то ли египтянин... Он любит пестрой змеиной рубашкой: будто не выползина это, а прекраснейший воротник Астарты.

– Эта вот змеиная рубашка... замечательная?

Спрашивает изумленный Арчибальд.

Глаза цвета серы рассыпают радостные искорки.

– Видите?! Змея рассталась с собой: сбросила старую кожу и покинула ее. В этом – великая мудрость.

Изумление Арчибальда не уменьшается.

– Мудрость?..

– Так вот следует смотреть на свое прошлое: как змея – на прошлогоднюю рубашку: сброшенную и покинутую... как говорили древние.

Арчибальд ждет дальнейших пояснений.

Таба-Табай не медлит:

– Вынести жизнь можно только таким путем.

Арчибальд опускает голову: словно перед ним – какая-то тяжесть.

Персиянин – то ли индус – то ли египтянин внезапно изрекает непонятные слова – (не заклинания ли?). Глаз не сводит с выползины. Любы ему пестрые узоры эластичной кожи (и в его глазах пробегают порой краски этих узоров). Наконец он умолкает. Оглядывается на Арчибальда, который стоит с опущенной головой. И вдруг – накидывает ему на шею змеиную кожу.

Арчибальд всегда питал страх перед змеями. И – отвращение. Но в эти мгновенья нет ни страха, ни отвращения. Он стоит в оцепенении и смотрит ка друга. Часто лунатик не чувствует своего тела – (оно делается как бы чужим). Арчибальд похож на такого лунатика.

Таба-Табай снимает с его шеи змеиную рубашку.

Бормочет про себя:

– Вынести жизнь можно только так...

Арчибальд молчит. Кажется, молча соглашается. Таба-Табай улыбается. В улыбке тайный смысл. Арчибальд берет у него змеиную рубашку. Рассматривает разноцветные чешуйки.

– Красивая?

Спрашивает его друг.

– Красивая... красивая...

ИСТОК РОДНИКА

Неужели же змеиная рубашка околдовала его?!

Арчибальд сидит под ореховым деревом. Листва ореха распускается – (как и Матаси?). На молодые листочки льется поток солнечных лучей – (как улыбка Матаси?!). Арчибальд смотрит на молодую ярко-зеленую траву. На траве солнечные пятна-блики играют. Порой меж ними женский лик возникает. Возникнет – исчезнет. И здесь Матаси?!

Нет: его и вправду околдовала змеиная рубашка!

Здесь же, поблизости, и дедушка Саридан сидит. Рассказывает Таба-Табая сказку о каменном юноше.

Вамех переводит. Временами Таба-Табай пару-другую слов грузинских произносит – (полиглот он: язык осваивает быстро). Дедушка Саридан скоро сказку заканчивает. Таба-Табай слушает с неослабным интересом. Саридан раскуривает чубук, сплевывает по обыкновению и заключает «Вот оно как...»

– Неизбывная красота... – говорит Таба-Табай.

– Дедушка! Про лесную царицу расскажи!

Просит Вамех.

Саридан, раскурив как следует чубук, тихим голосом заводит сказ. Сперва про то, как лесная царица заманила в свои сети охотника. Она

послала ему навстречу прелестную лань – (на лбу у лани полумесяц). Охотник не может выстрелить в лань – (последняя посвящена богине). Лань увлекает охотника в лес. Охотник теряет дорогу, лань исчезает. На месте, где лань стояла, появляется сама царица лесная. Дедушка Саридан подробно ее описывает. Он не жалеет красок на описание ее красоты. Глаза – бездны изумрудные. Волосы: золотой поток солнечный. Грудь: белая, как камни речные. И так далее, и тому подобное. Дедушка Саридан входит в роль. Даже о чубуке забывает: увлекся рассказом. А царица лесная околдовала охотника. И зарок с него берет: чтобы никогда не польстился он на смертную женщину. И так далее, и так далее – все новые и новые волшебства и чудеса плотоядной страсти.

Наконец дедушка заканчивает сказку сказывать.

Отплевывает и приговаривает «так-то, брат...».

Таба-Табай одобрительно кивает:

– Красота неисчерпаема...

Арчибальд смотрит в сторону: будто никого не слушает. Он видит въявь лесную царицу – («глаза цвета ящерицы» мерцают вдали). Ольга?! Да... Но отчего утраченная царица – лишь утихающая печаль?! В крови Арчибальда – иной огонь: речная женщина из сказки о каменном юноше. Произнести ли сверкающее имя «Матаси»?!

– Дедушка Саридан, а ты не видал лесную царицу?

Спрашивает с лукавой улыбкой Вамех.

– Как же, видал... Дважды с ней встретился...

– Ну и как потом? Нарушил зарок? Отомстила она тебе?

– После того не было у меня удачи на охоте... Только это вот, а другим ничем мне не повредила...

– И больше ничего?

– Раз волка встретил... по-моему, она подослала...

– Отчего же так думаешь?

– Я прицелился, нажал курок, а ружье не выстрелило...

– И что же потом было?

– Задушил я его вот этими руками... так-то...

Дедушке Саридану видится где-то вдалеке юноша-богатырь – (не себя ли видит старик?..).

Таба-Табай произносит раздумчиво:

– В вас земля еще не просохла...

Саридан слышит, но не понимает смысла иноязычных слов.

– Что говорит твой гость, сынок?

– Говорит, что земля в вас еще не высохла.

– Что землю высушит, сынок...

Саридан берется за трубку. Она погасла.

– Покличь-ка Матаси, сынок, пускай огня мне принесет.

Вамех оборачивается к кухонному домику. Там мама-Нино готовит обед – (слышно похлопывание ладоней по лепешке мчади). Матаси тоже там – помогает матери стряпать.

– Матаси! Принеси огонька дедушке!

Матаси выходит из кухни. В деревянных щипцах уголек несет. «Не мое ли сердце несет» – (думает Арчибальд, пылая сам).

Матаси застенчиво подходит, подносит деду огонек.

– Расти счастливая, деточка.

Матаси поворачивается уходить. У Вамеха возникла какая-то идея.

– Матаси! Развлеки немножко моего друга... чего-то грустный он сегодня... А я и Табай-хан прогуляемся верхом...

– Великолепная мысль! – одобряет Таба-Табай.

– Хорошо... – еще более застенчиво отзывается Матаси.

– Вамех, сыночек, помоги мне подняться...

Вамех помогает. Саридан уходит по направлению к дому.

– Ну-ка, Матаси! Прогуляйся с Арчибальдом к источнику...

– Хорошо...

Чуть слышно отвечает Матаси.

Арчибальд молча следует за ней. Он смущен еще более.

Налево: большой синий лес Саирме. Направо: просторная долина Рионская – пойменные рощи Квирилы – ущелье Ханисцкали. И всюду – солнце: медленное и раскаленное.

На Матаси белое ситцевое платье. На голове – желтый платок шелковый. Среди огненных пятен солнечных Матаси – солнечное пятно сверкающее.

– Здесь спуск... Если вам угодно, мы можем в обход пойти... почтительно говорит Матаси.

– Нет... лучше по этой дороге...

Матаси сбегает по склону, точно серна. Арчибальд идет вольным

шагом. Вдруг он спотыкается. Матаси улыбается:

– Дайте мне руку...

Арчибальд подает руку навстречу протянутой руке – (огонь, оказывается, горит и в этой руке: думает он). Сам он в огне. Такого огня он не помнит. Неужели солнце Саирме в том повинно? Но ведь здешнее солнце такое медленное!..

Они спустились к роднику.

В подножье скалы родник – точно огромный глаз диковинного быка. Глубина – около двух алаби. Русло голышами устлано. Камни поросли темнозеленым мхом. Вода от него темная, с синим отливом. Но прозрачная – камни хоть поодиночке считай. Родник – огромный глаз – (бычий глаз), который ждет другого глаза, чтобы в нем отразиться. На дне в уголке, ключ бурлит, из земли пробиваясь, величиной с человеческий глаз.

Арчибальд заглядывает в источник. Будто камешки считает. Разглядывает ключ (чего не доводилось ему видеть).

– Как это называется? –

он указывает пальцем.

– Ключ, глаз родника.

– Глаз родника... –

повторяет про себя Арчибальд. Теперь взор его устремлен на Матаси. Он в упор смотрит ей в глаза. И вдруг:

– Вы и есть глаз родника.

Матаси опускает голову: скрывает краску, залившую лицо.

Арчибальд чувствует, что преодолел некий рубеж.

Неловкость развеивает пастух. Он ведет черного, без единого пятнышка быка. Бык с эпическим спокойствием направляется к роднику. Пьет. Бока раздуваются. Бык поднимает голову, оглядывается по сторонам. Затем снова принакает к воде.

Наконец пастух уводит быка.

Матаси заглядывает в ручей.

– Полродника выхлебал!

– Вы хотите пить?! –

спрашивает Арчибальд.

Матаси становится на колени, чтобы зачерпнуть воду горстью. Но рука ее едва достигает поверхности.

– Я вам помогу! –

говорит Арчибальд – (рубеж-то преодолел).

Матаси бросает на него смятенный взор.

Арчибальд берет Матаси за руку.

– Дайте мне другую руку!

Матаси непроизвольно протягивает ему и другую руку.

– Нагнитесь и пейте!

Воля ее исчезла – (она вся – трепет ястреба). Арчибальд держит ее руки, протянутые назад. Матаси нагибается. Голова ее приближается к воде. В глазах вдруг помутилось: она не видит ни камней на дне, ни истока родника. Пьет. Пьет взахлеб. Лицо мокро от брызг. Кровь стучит в висках. Голова кружится. Груды наливаются неведомым дотолем огнем. И будто задыхаясь, она прерывисто говорит:

– Поднимите меня...

Жажда мучит и Арчибальда – посильней, чем того быка черного, без отметины. Он хватает Матаси, поднимает на руки и рывком прижимает к груди: целует мокрые губы – пьет из родника (Матаси и родник сейчас – одно и то же). «Задыхаюсь!» – кричит кто-то (не Матаси ли этот голос?!). Арчибальд опускает ее на землю. Матаси уходит вперед – пылающая. Закрывает лицо косынкой. Потупив голову, идет вверх по склону. Арчибальд смотрит ей вслед, смотрит на ее бедра – они тоже пылают. Потом он оборачивается и смотрит на родник точно, как тот бык черный. «Нет, я до времени исчерпал родник – сейчас лишь исток его бьет из земли...» (кто говорит это устами Арчибальда?).

Он взглядывает на тропинку – Матаси не видать: ушла.

Только сейчас он опомнился. «Что я натворил?! Боже!..» Пестрая змея жалит мозг. Но далеко – в тайной глубине его пола – что-то колыхнется обнадеживающее: «Ведь она и сама не противилась» (кто не противился? Матаси?!).

Арчибальд поднимается на пригорок.

Вдали показались деревенские ребята – идут и поют.

Арчибальд слышит знакомую с детства мелодию: «Одэлиа рани». Какая сладостная песня! Но что это за слова?!

Девушка из рода Лашхи,
из какой пришла ты сказки...

Лашхи? Да это Матаси... Как они смеют?! – загорается гневом Арчибальд. Но гнев тут же улетучивается: песня хорошая, поют ее беззаботные деревенские ребята от чистого сердца.

Арчибальд направляется к дому. Теперь другие мысли помогают ему: как встретиться с Матаси?! Как посмотреть в глаза Вамеху? Он смотрит вдаль: на синие склоны Саирме солнце льет гранатовый свет, расцветивает драгоценными камнями. Нет, это волшебный камень! Кровь Арчибальда сейчас – бушующий огонь (Ирубакидзе?).

За обедом Матаси не видно.

– Где Матаси? – спрашивает Вамех маму-Нино.

– Нemoжeтся ей что-то...

– Нemoжeтся?.. (удивляется дедушка Саридан).

– Должно быть, оттуда за ней это пошло... от родника... сегодня ж ходила туда...

«За ней это пошло...»? (Арчибальду непонятны эти слова).

– То место зачатое...

Добавляет старик.

«Зачатое?» (Арчибальду и это непонятно).

Таба-Табай наблюдает за лицом Арчибальда, слегка зардевшись. В его улыбку вкралось лукавство.

«Где Матаси?» – спрашивает свое сердце Арчибальд.

Матаси лежит в своей комнате неподвижно. Все тело – точно камень, который порой на зерна раскалывается. Но это на миг. Матаси напряжена, как ястребок, которого коснулась крылом какая-то неведомая птица. Только сердце работает бешено: словно хочет расстормошить камень. И груди – как камень. Только порой (и это тоже на мгновенье) – их что-то пронизывает – словно наполняются они странными зернами – (так наполняются бутоны роз, когда стебли насыщаются семенами солнца).

Матаси объята одним чувством – (тело ее – одно чувство): кто-то замутил прозрачный исток родника. Но исток и сладость вкусил неведомую. Последней мысли она сторонится – (тело ее сторонится).

– Что с тобой, моя девочка?

– Ничего... голова чего-то болит...

– Ты сегодня купаться хотела... вода уже готова...

Матаси следует за матерью. Уже свечерело.

В кухне горит огонь. На цепях висит большой котел. Рядом трехногий табурет в большом тазу. Тут же и посудина с теплой водой. Матаси сбрасывает платье, раздевается. Садится на трехногий табурет. Она будто скрыть хочет свое тело – (от кого хоронится? От матери?! Но ведь до этого не стеснялась, не хоронилась матери?). Мать сперва моет ей голову особой глиной для мытья волос (глина разведена уксусом). Затем – тело. Матаси не разрешает матери коснуться груди. Бедра сгорают со стыда. «Уже женщина...» – думает мать.

Матаси перед огнем – осушает тело. Языки пламени вскидываются на высоту полутора алаби. Тело – первоцвет вешний. В свете пламени оно, кажется, и само пылает – (цветом раскаленных угольев).

– Мама! Закрой дверь!

(Мать, как всегда в черном, выходит).

Но оттуда, из дома, уже кто-то углядел Матаси. Это Арчибалд. Матаси не чувствует его взгляда. Она еще раз тщательно обтирается бязевым полотенцем и отбрасывает его в сторону. Выпрямляется, поднимает кверху голову. Согнув в локте правую руку, подносит ее к лицу и голову склоняет к руке – (поцеловать ли ее хочет?). Томно потягивается, вздрагивает всем телом точно необъезженная кобылица, из реки на солнце выведенная. И выпрыгивает из таза на деревянную доску, специально положенную на земляной пол.

Дверь кухни сейчас прикрыта. Но мужской взор уже выхватил из полутьмы огненное видение. Взор играет этим видением, точно змея волшебным камнем, который подбрасывает, ловит, снова подбрасывает¹...

Как медленно солнце Саирме! Оно зайдет – и багряный глаз его остановится на вершине Саирме. Саирме синий, и багрянец, льющийся с небес, камнем застывает на нем. Этот глаз (лиловый свет) – соколиный. Соколиный глаз глядит со склонов Персати: на Рионскую долину – пойменные – рощи Квирилы – ущелье Ханисцкали. Может, весь край этот – соколиный глаз и есть? Нет! Это Матаси – Матаси Лашхи – сестра Вамеха...

¹ По народным поверьям, если ухитриться схватить волшебный камень, которым владеет змея, все желания будут исполнены.

Безлунная ночь окутывает Персати.

С тяжелой тишиной ночи сравнится, быть может, лишь сон дедушки Саридана.

Не спит Арчибальд. Нет: он спит, спит с открытыми глазами. Во сне он видит женщину, юную, едва расцветшую. Женщина то лесная царица, то – дева вод, али. Скорее – али.

В смежной комнате рядом с матерью спит Матаси. Спит ли?..

– Матаси! Усни наконец! Что с тобой?..

Говорит мама-Нино. Матаси затихает.

ТАМУНЧО

Близ заброшенной усадьбы Макашвили – маленькая лавчонка. Внутри по стенам висят лампы: тут же продаются и фитили. Соль, керосин, папиросы, ситец, спички, мыло, сахар и какие-то сласти. На склоны Персатских гор карабкается Европа. И лавочник Гиго – «европеец». Он, Гиго, читает газеты и сведущ во всем, что творится в мире. Возле лавчонки собираются сельчане, чтобы узнать новости. Здесь и «салакбо» – площадь куда собираются для бесед и разговоров. По лавке скачет сорока и, слушая человечьи разговоры, заучивает отдельные слова; временами заводят граммофон. Сорока слушает в легком изумлении. Сельчане уже попривыкли к этой «чертовой выдумке» и часто просят «играть песни».

Алексиа Кнопка – (так прозвали его сельчане) – ест кислый огурец, громко чмокая. Это тот самый злоречивый человек, который встретился Вамеху и Арчибальду в макашвилевской усадьбе и рассказал о судьбе последнего князя Макашвили. Алексиа Кнопка ест кислый огурец, и мелкие кусочки кидает сороке. «Угощайся, Мартия» (Мартия – так зовут сороку): и Мартия охотно клюет огрызки. «Мартия, скажи что-нибудь!» и Мартия выкрикивает какое-либо слово.

Сельчане поддевают Кнопку:

– Ты все жуешь и жуешь. Кнопка, никак не нажуешься?

Кнопка на них не обращает внимания. Его куда больше интересует Мартия – (может, они родственны друг другу).

Среди сельчан сидит, скрестив ноги, Сико и покуривает чубук. Аха-

лухи его нараспашку и видны широкие бязевые подштанники, которые на животе выбились наружу. Ему лет пятьдесят.

– Интересно, кто этот человек, а? –
раздумчиво произносит он.

Мимо лавки проходит старик. У него длинные волосы и борода. И волосы, и борода – совершенно белые. Одет по-европейски. Одежда поизношенная, но сидит на нем ловко. Он подносит правую руку ко лбу. Рука сухощавая. Пальцы – длинные, прямые, тонкие. Он слегка сутуловат в плечах, но, в общем, кажется крепким. Профиль чистый, благородный.

– Да кто же этот человек?! –
повторяет Сико.

Незнакомец, верно, слышит вопрос и оглядывается на собравшихся. Рассеянный взгляд вдруг напрягается зажегшись (такой взгляд бывает у быка, нечаянно забредшего в чужое стадо).

– Сам он говорит, что он баск, –
отзывается Наниа.

– Ба-аск?! – удивленно вопрошают собравшиеся.

– А что это такое – баск?

Наниа поясняет:

– Народ такой есть. Живут где-то там, за тридевять земель...

– А ты почему знаешь?

– Он сам мне сказал...

– Кто сказал?!

– Чужеземец...

– Когда он тебе сказал?!

– Когда я из Самтредиа в поезде ехал...

– А он куда ехал?

– В Тбилиси...

– А тут чего ему надобно?

– А я почему знаю!..

Пауза. Взоры обращаются на старика. Старик остановился неподалеку, стоит, смотрит на горы. Сельчане делают вид, будто не обращают на него внимания. Беседа продолжается:

– Что ему здесь надо, интересно?

Наниа рассказывает:

– Как к станции Риони подъезжать стали, он в окно высунулся и давай плакать...

– А потом?

– Ну, потом... поезд еще и не остановился, а он уже с поезда спрыгнул и бегом сюда... Мы вместе дошли...

– Ты с ним разговаривал?

– А как же!

– Что же, он и по-грузински знает?!

– Знает, а то... немножко подзабыл...

– То есть как подзабыл?! Разве он грузин?

– Да уж не знаю,.. а только разговаривает...

Старик, вероятно, слышит беседу. Все так же, с выражением быка, забредшего в чужое стадо, поворачивает голову, смотрит на лавку. Потом снова продолжает созерцать окрестность.

Сельчане теперь разговаривают тихо: не хотят, чтобы он слышал – («знает по-грузински»).

Сико дымит чубуком, почесывает левое колено:

– Этот человек мне вроде бы знаком...

– Да брось ты, ради Бога!

– Скажешь тоже! Вечно ты что-нибудь такое болтаешь!..

– Говорю, знаком он мне!

Сельчане смеются.

– Чего ему надо было в Тбилиси? –

спрашивают снова Наниа.

– Говорит, сын там у меня должен находиться...

– Сы-ын?!

– Да, сын... на войне, оказывается, был... сын-то... с англичанами...

– Чудно все это, ей-Богу!..

– С англичанами, в Месип...

Сико никак не может выговорить «Месопотамия». Наконец выговаривает неестественно громким голосом:

– Из Месипитами приехал...

Незнакомец оглядывается, услышав это слово. И словно кольнуло, куснуло его что-то – резко поворачивается и идет вверх, к княжеской усадьбе.

– Уж вы как хотите... хоть убейте меня, но...

– Что «но», Сико?

– А то, что этого человека я где-то видел!

– Ох, да брось ты, заладил тоже!..

Сельчане провожают глазами удаляющуюся фигуру.

Тамунчо – (таково баскское имя Тамаза) – идет к усадьбе. Он вправду бык: раненный в схватке – с обломанным рогом – с помутившимся взором – обессилевший. Мысли – мысли – мысли: тяжкие и запутанные... «Время ухудшилось...» (думает он, верно). У быка влажнеют глаза – (слезы?).

Тамунчо входит в полуразрушенный дом – (побежденный бык понуро возвращается в хлев). Первое, что он чувствует: это разрыв времен. Нет: возвращение веков. Словно восстал могучий предок и из глубины тысячелетий взирает на свой разрушенный очаг. В эти минуты Тамунчо – весь род, хребтом пролеглий через века. Тамунчо замер, как птица в сумерки. Два дня созерцает он свой очаг. Часовня – дворец – двор – деревья – камни: все это его родное. Но его самого нет ни для часовни, ни для дворца, ни для двора, ни для деревьев, ни для камней. В голове множество мыслей – как тихо тлеющие уголья. Мысли тяжело движутся, сталкиваются друг с другом, словно перелитые в тело огромного дуба. Тамунчо в эти минуты и вправду как могучий дуб, пустивший глубокие корни.

Внезапно позвоночник – (род Тамунчо) – шевельнулся: содрогнулся – будто прострелом схваченный. Мысли замирают, сжимаются в одно бревно, и из бревна кричит кто-то: «Смерть идет, Смерть!». Тамунчо сейчас – сплошное сердце. Он выходит из тумана тысячелетий... вспоминает сына: Арчила (Арчибальда). Хочет позвать его издали. Но колени подгибаются и, как подкошенный, он падает на могильный камень. Здесь похоронен Макашвили: он влечет потомка. Тамунчо снова погружается в туман. В тумане рдеет уголек. Тамунчо вспоминается:

Люксембургский сад в Париже. Ранняя весна. Группа студентов – они читают газеты. Звучат грузинские слова. Незнакомец подходит к студентам. Просит у них газету. Вертит ее туда, сюда. Забыл, что ли, шрифт? Наконец, поворачивает как нужно. Глухим голосом прочитывает несколько слов. Умолкает, сильно взволнованный, растроганный. Порывисто обнимает студентов и убегает, в слезах. Студенты

провожают его удивленными взорами. Кто этот странный человек? Тамунчо (Тамаз Макашвили). Сердце Тамунчо кричит: «Где ты, сын мой?!» Незнакомец хочет перелететь в Англию. Он идет к кассе. Но внезапно он останавливается – (не кто-то другой ли его останавливает?). Нет: «время еще не пришло». Тамунчо возвращается в Басконию.

У горячечного больного порой спирает дыхание. Не хватает воздуха. Сердце, кажется, выскочит из груди. Оно хочет выбежать наружу. Но – едва поднявшись, он снова падает на постель. Может быть, и Тамунчо болен – не обычной горячкой. Может быть, сама жизнь для него – горячка. Не зря же он бежит из одной страны в другую (не от смерти ли бежит? Не сам он бежит: некто – сильнее него). Тамунчо шевельнулся. Вскakiвает с камня. Ему не хватает воздуха?! Нет: его рука коснулась смерти. Он жадно вдыхает воздух Саирме. И – вновь погружается в марево тумана. В тумане уголек воспоминаний, приоткрывшийся в золе, приоткрывает глаза.

Баски. Народ удивительный. Сердце нежное и гордое. В характере – рыцарственность сдержанная. В теле огонь затаившийся. Дон Хосе из бессмертной «Кармен» был баск. Народ молчаливый, любящий пору захода солнца – (в эту пору глаза их полнятся неведомой меланхолией: не древнюю ли родину – прародину – вспоминают?.. Среди басков – чужеземец, тоже вспоминающий родину. Вспоминающий сына – которого, кажется, вырвал из рук неумолимого рока. Пятнадцать лет не видал он сына. Пока еще не время – рано: думает он. Но внезапно разражается война. Перед Тамунчо разверзаются пропасти. Он бросается в другие края. Ищет сына. Не находит. Он мечется, сходит с ума. И вдруг – известие: сын в Месопотамии. Тамунчо едет по его следам. По дороге узнает: сын уехал в Персию. Оттуда – в Тбилиси. Тамунчо добирается до Стамбула. Знакомится там с лазами. Они помогают ему переправиться в Трапезунд. Затем – в Батоми. Оттуда поездом едет в Тбилиси. Поезд прибывает на станцию Риони. Тамунчо видит окрестности Саирме и – ...

Тамунчо не выдерживает более – воспоминания душат его.

Он резко поднимается. Прижимаем руку к сердцу: не вырвалось

ли?

Идет к часоленке. Прислушивается к чему-то: в немотном Времени вдали реют тени минувшего. Он подходит к дереву. Обнимает ствол. Сердце принакает к сердцу дерева. Одна из веток склонилась низко. Тамунчо целует листок. Ступни его как бы прилипают к земле – к родимой земле. Постепенно утихает волнение. Он идет ко дворцу. Завтра ввечеру он покинет эти места. Но эту ночь он проведет под дедовским кровом. Возможно – в последний раз. Тамунчо ложится. В его теле сосредоточен весь род. И мысль – сын.

Саирме окрашивается в темно-лиловый цвет. Еще немного – и лиловый переходит в черноту желчи. Ночь распахивает плотный плащ. Все затихает. Трава склоняет голову: будто на руку. Куры затихают в курятниках. В хлеву, пережевывая жвачку, дремлет скотина. Звери прислушиваются к ночи и время от времени взглядывают на звезды.

Тишина опускается на землю. Только лягушачий оркестр звучит в ночи, но безмолвие от этого лишь более углубляется.

Спит Тамунчо в своем родовом гнезде.

На сомкнутых ресницах застыли две крупные слезы. Точно раздавленные виноградины незрелые – истрими – грузинской лозы.

БРАТЬЯ

– Уехал ваш друг?

– Уехал... не остался...

– Ты-то останешься хоть ненадолго?

– Останусь... на два дня... Потом и я должен ехать...

– В Тбилиси?

– В Тбилиси... мы с моим другом встретимся и отправимся в путь.

– Куда лежит ваш путь?

– В Персию... Там теперь наши... англичане...

– Англичане? Или агличаны?

– Ну да, агличаны... –

дедушка Саридан так произносит это слово. Арчибалдь не поправляет.

– Где, интересно, сейчас наш Тамаз скитается? Он ведь тоже к

агличанам тогда подался... –

негромко произносит Саридан.

Это имя – «Тамаз» – внезапно ошарашивает Арчибальда. Два дня, как не вспоминал, не думал он об отце. Что это с ним? Думать об отце он любит в одиночестве. И он уходит, идет бродить по окрестностям. Аллан радостный бежит за ним.

На гумне деревенские мальчишки поймали теленка и выдавливают у него на спине личинки: надавят двумя большими пальцами вокруг бугорка, кожа лопается, и личинка с доброго жука величиной выскакивает. «Вот здесь еще! А ну, надави!» – кричат наперебой ребята. И напевают между делом:

Ай, Матаси-стрекоза,
Ненаглядная краса...

Опять Матаси. Всюду Матаси.

Арчибальд подходит поближе к ребятам. Они поют:

Девушка из рода Лашхи,
из какой пришла ты сказки...

Сейчас Арчибальда радует эта песня. Но Аллан рычит и бросается на ребят. Арчибальд удерживает его. Бедный теленок с перепугу пускается наутек. Ребята разбегаются кто куда.

На склоне холма появляется Матаси. В руках у нее – большая ветвь цветущего ткемали. Арчибальд спешит ей навстречу. Аллан его опережает: подбегает к Матаси, становится на задние лапы. Матаси ласково гладит его рукой.

– Какие прелестные цветы... –
говорит ей Арчибальд.

– Это ветка ткемали...

Матаси ниже опускает потупленную голову. Но Арчибальд видит: она уже не смущается. Он радуется.

– Она расцвела, как вы...

Матаси поднимает голову. Лицо, освещенное блуждающей улыбкой, вспыхивает пламенем – пламенем добела раскаленных угольев.

Она протягивает ему цветущую ветку.

Арчибальд целует ей руку. «Значит, она не сердится на меня», – радостно думает он.

Перед ними яблоня. Две огромные ветви склоняются к земле. Арчибальд подбегает к дереву, хватая эти ветки и притягивает их друг к другу почти вплотную.

«Какой он сильный!» – думает Матаси.

Потом он спрашивает:

– А где Вамех?

– Он пошел туда, к макашвилевской усадьбе... –

отвечает Матаси.

«Опять отец!» Арчибальд восторгнулся.

– Я тоже пройду туда... не желаете ли пойти со мной?

– Нет... меня мама ждет в конце виноградника...

– В таком случае, я пойду один...

– Вы скоро вернетесь?

– Скоро... мы вместе вернемся...

Матаси уходит. В движении бедер – новое: молодой человек замечает это.

Арчибальд взором пьет удаляющуюся фигуру. Потом поворачивается и вместе с Алланом направляется к развалинам отцовского дома.

Перед лавкой Гиго шумно. Там и Вамех. Он одет в серую чоху. Деревенские парни рассматривают его меч. «Вот это меч!» – восторженно восклицают одни. «Острый, должно быть!» – говорят другие.

– А ну, попробуй его на ветвях ясеня! – говорит одному Вамех, а сам входит в лавку. Парень направляется к невысокому ясеню. Ветки ясеня толщиной в руку. «А ну, руби!» – подзадоривают остальные. Парень наносит удар – не разрубил ветку и до половины. Еще удар – ветка опять-таки крепко держится.

– Дай-ка мне... – просит другой. Берет у него меч. Ударяет по другой ветке. Ветка остается на месте. Ударяет еще раз. Ветка слегка надрублена. Ударяет и третий раз – острая боль в руке.

– Откуда вам знать, как рубят мечом! – кричит тот чужеземец –

(Тамунчо?!). Незаметно он оказался здесь.

– А ну, дай мне!

И старик в один миг преображается. Выпрямляется в плечах. Становится стройным и статным. Меч – точно плоть его: которая не изменит. Он взмахивает им и наносит удар – ветка летит наземь. Взмахивает второй раз – падает еще одна ветка. Третий – четвертый – пятый – шестой – седьмой. Тамунчо пьянеет. Разве помнит он сейчас о том, как мерз минувшей ночью на холодном балконе? В глазах темнеет – (ведь порой овладевает им безумие). Меч теперь – точно продление его руки.

– Ого! Смотри-ка на этого старика!

Смеются ребята. Смеются – и удивляются.

При слове «старик» Тамунчо и вовсе осатаневает. Кажется, все ветви ясеня обрубит. В это время из лавки выходит Вамех. Он поражается силе старика. И вспоминает самого себя в Персии – как этим же мечом рубил ветки огромного дерева...

Старик останавливается. Смотрит на меч.

Ребята не унимаются, хихикают:

– Эге-ге-ге! Смотрите на старика!

«Старик» это слово он слышит в тот миг, когда читает на мече «Ирубакидзе». Он впадает в ярость. В мозгу – один лишь огонь. Глаза безумные. По лбу пробегает пламя безумия. Мнится: враг перед ним. С поднятым мечом бросается на молодых ребят. Крики, вопли, переполох. Из лавки высыпает народ: кто с дубинкой, кто с лопатой, кто с мотыгой. Тамунчо только того и надо. Он становится спиной к дубовому дереву и с непостижимой быстротой отражает направленные на него удары дубинок, лопат, мотыг.

– Оставьте его!.. Сумасшедший какой-то, будь он неладен! – кричат женщины и старики.

Но слово «сумасшедший» только разжигает ярость Тамунчо. Кто может его ударить?! Кто сумеет?! И кто сможет остановить?! Тамунчо переходит в атаку. Кого-то он поразил мечом – и парень падает как подкошенный.

– Свяжите его! Он безумен!!.

– Убил?! Убил его?..

– Ранил слегка...

– Уведите его! Перевяжите рану!

Раздаются отрывочные слова в общем шуме и гвалте.

– Вамех! Хоть ты помоги ребятам!..

Вамех стоит неподвижно – (нравится ему меч Ирубакидзе в руках старика?).

Внезапно он срывается с места и, безоружный, бросается к старику. Круг размыкается – толпа расступается – только Тамунчо и Вамех стоят друг против друга. Меч наготове у Тамунчо: миг и... но он выглядывает на Вамеха – и рука, сжимающая меч, бессильно опускается. Что он такое узрел?! Что увидел?! Вамех ошеломлен. Вокруг – молчание и изумление. Тамунчо видит себя в молодости. Не привиделось ли ему? Нет: это он, он, молодой Тамаз Макашвили! Может, это двойник его?! Во взбудораженном мозгу Тамунчо тлеет некий уголек... Он снова хочет взмахнуть мечом, однако... (В сновиденьях бывает часто: человек сражается с врагом, но вдруг видит в противнике самого себя...) Вамех опережает его действия: стремительное движение корпуса – и он оказывается под мышкой противника. Меч пролетел на вершок от его волос. Тамунчо напрягает все силы – чтобы не поддаться – Вамех обеими руками, как обручем, сковывает старика, пытаясь повалить на землю. Но старик все еще крепок, он кричит: «Кто может одолеть Ирубакидзе!»

В тот самый миг, когда старик вот-вот окажется на земле, на него с лаем набрасывается Аллан (напрасно тщится удержать его Арчибальд). Старик падает в глубокую рытвину и увлекает за собой Вамеха. Падая, старик не выпускает из рук меч, и оба падают на обнаженное острие. Оба легко ранены: и Вамех, и старик.

В общем шуме – пронзительные крики женщин.

Из рытвины выводят бледного как полотно Вамеха.

Старик валяется внизу. К нему бросается Арчибальд. Странные слова обжигают слух: «О, горе, Ирубакидзе побежден!» Аллан бежит прыжками, лает. Его никто не может удержать. Арчибальд поднимает старика на ноги. Старик направляется к макашвилевской усадьбе. Арчибальд следует за ним.

– Вамех! Заберите Аллана!.. Я скоро вернусь...

Видя участие Арчибальда, сельчане совершенно теряются.

Вамех уводит Аллана. Арчибальд – старика.

Старик вспоминает сейчас: у его противника возле уха – родинка, на том же месте, что и у него самого. Постепенно он приходит в себя. Но лицо молодого человека неотступно стоит перед ним. Арчибальд укладывает его на широкую доску. Щупает пульс: пульс ускоренный. Слушает сердце: оно вот-вот выскочит. У старика жар. Он не понимает, что Арчибальд, проверяя пульс, пальцами целует его запястье и, слушая удары сердца, правой щекой, прижатой к груди, целует его грудь.

Тамунчо бредит. В его бреде – осколки тех историй, которые известны как истории рода Ирубакидзе.

Жар немного спадает. Теперь старик сможет выдержать внезапное: Арчибальд снимает с шеи медальон и открывает его перед Тамунчо. Тот вскрикивает:

– Сын мой!.. Сын!.. Арчи... Арчибальд!..

(За этой сценой наблюдает из-за окна Вамех, притаившийся у стены).

Старик не помнит уже ни о жаре, ни о сегодняшнем злосудии. Он вскакивает и обнимает Арчибальда. Целует лоб – целует глаза – плечи – грудь. Целует устами – пальцами – щекой – грудью. Из глаз его льются крупные слезы. Плачет и Арчибальд.

(Слезы льет и тот – у стены затаившийся).

У старика иссякли слезы. Слышно лишь: «Сыночек... сын мой... Арчи... Арчибальд...»

Арчибальд сдерживается: если он даст себе волю – сердце (другое) разорвется. Он плачет беззвучно, рыдания душат его. Обрывистыми фразами повествует свою историю.

(Вамех – весь – один лишь слух. Он не понимает многого: отец и сын говорят преимущественно по-английски. Лишь порой мелькают грузинские слова. И тогда Вамех не упускает ни единого звука).

Старик постепенно овладевает собой. И снова маячит перед ним тот юноша. Он спрашивает Арчибальда.

(Вамех в эти минуты – сплошная дрожь. Теперь они говорят по-грузински).

– Он твой друг? Где ты с ним познакомился?

– В Персии...

– Его имя?

- Вамех.
- Фамилия?
- Лашхи...
- Как зовут отца?!
- Не знаю.
- А мать?
- Нино.

Старик вскидывается всем телом и кричит:

- Сын мой!.. Сын! Сын!..

(Вамех замирает. Но не знает он: это «сын» относится к нему или к Арчибальду?).

- Сын... сын мой... –
продолжает старик.

– Арчил! Приведи его ко мне! Сию минуту приведи, сейчас же!
Сын... мой...

(У Вамеха темнеет в глазах, он убегает).

- Сейчас... –

отвечает Арчибальд и открывает дверь.

Выглядывает в ночь и видит: кто-то удаляется быстрым шагом. Вамех?.. Но что ему здесь надо?.. Неужели он слышал?! Позвать его? Вамеха уже не видать. Арчибальд стоит – окаменев. Внезапно он слышит ужасающий вопль старика: «Арчил! Арчибальд!..»

Он входит в комнату.

Отец простирает к нему руки.

– Приведи его завтра... Я задыхаюсь один... ни минуты не могу быть в одиночестве!.. Не оставляй меня!

- Я с тобой, отец!

Отец успокаивается. Радуетя. Спрашивает – (даже с улыбкой):

- Ты знаешь теперь, кто ты такой?
- Ирубакидзе... –

с гордостью отвечает сын.

Старик вспыхивает радостью. Обнимает сына. Целует в лоб – целует его плечи – грудь. Целует устами – пальцами – щеками – грудью. Крупные слезы льются из глаз. Плачет и Арчибальд.

- Продолжай свой рассказ...–
говорит ему отец.

Арчибальд рассказывает о путешествии из Месопотамии в Хамадан и из Хамадана – далее...

– Мне холодно, сын мой... –
произносит старик.

– Холодно мне! Разденься и приляг рядом со мной... согрей...
Арчибальд ложится рядом с отцом, обнимает его.

– Продолжай, сын мой!..

Арчибальд рассказывает про Иран. Иран с его зноем и видениями.
Но отцу холодно. Стынет его тело.

Арчибальд рассказывает про переход с караваном.

Отец принакает к нему. Стонет тихо.

Арчибальд продолжает повествование... Он вдохновен... Рассказывает про смерть Бехана. Бехан... Видит Арчибальд и того малорослого перса... «Бехан! Бехан!» – плачет перс, но Бехан лежит перед ним, уже недвижим.

Внезапно Арчибальд ощутил рядом что-то холодное.

– Отец! –

кричит он.

– Отец! Отец!!

Отец недвижим.

На третий день сельчане опять собрались перед лавкой Гиго. Среди них и Сико. Сидит, скрестив ноги, курит свой чубук.

– Говорил ведь я вам: знаком мне этот человек!

– Кто, какой человек, Сико?

– Да этот... чужеземец...

– Тамаз Макашвили?!

– Ага... меня глаз не обманывает...

В беседу вступает и третий.

– А кто же тот, который увел отсюда Тамаза?

– Сын его, сын...

– Сын?! Которого наша Саломе грудью кормила?

– Ну да... тот самый...

Вступает и четвертый:

– Где теперь Саломе, бедняжка? Вернулась ли? Как?! Разве ты на

похоронах ее не видал?

– Я не присутствовал на похоронах, уезжал ведь...

– То-то... Была она на похоронах, Саломе...

Вступает еще кто-то:

– Где похоронили-то князя?

– В его же усадьбе... в часовне...

– И что, правда это, что сын вырыл могилу?

– Да... сам вырыл, бедняга...

МАТАСИ НА ЛОШАДИ

У Арчибальда уже нет слез. Он – как пересохший ручей. Солнце будто утихомирилось. Окрестность объята тишиной. Изредка пролетит муха с громким жужжанием – только и всего. Жужжание приносит странную, печаль – (о былом или о небывшем).

Где, интересно, Вамех?

С того страшного дня Вамех покинул свой дом. Матаси говорит: он гостит у родственников. Столько времени?!

Тело Арчибальда – как лоно пересохшего ручья, в котором бродят мысли умершего человека.

Где Вамех?! Может, устыдился, что увидели его подслушивающим под окном? Возможно... Но из-за этого?.. Нет... Переживает, что болролся со стариком (отцом)?! И это возможно... но... то, главное?! Ах, вот что: он увидел, узнал отца – другого отца... Как взглянуть теперь на мать? Да, да, вероятно, в этом корень... Вамех нежной души человек, он – словно девственница... Он не знает, что такое трещина... Именно трещина терзает его сейчас... Но Арчибальд?! Ведь он любит его? Любит... И все же... А сам отец... Настоящий, подлинный отец... Разве не должен был содрогнуться Вамех от встречи с ним? Да, и содрогнулся, содрогнулся – с любовью... И все-таки... и опять же – мать!.. Как посмотреть ей в глаза? Нет, Арчибальд чувствует трещину, мучающую Вамеха... Трудно ему встретиться с братом. Они встретятся потом... после... а теперь...

Теперь лучше уйти. Арчибальд решает уйти.

Он идет к часовне. Останавливается у порога. Входит. Глядит на

могилу. Замирает. «Я твой сын...», – шепчут его губы, – «и ты – во мне, отец...» Опускается на могилу. Обнимает ее. Слышны приглушенные рыдания. Потом он встает и уходит. Обходит кругом часовню. Обходит весь двор. Перечитывает надписи на могильных плитах. Идет к деревьям. Обнимает каждое дерево. Входит в полуразрушенный дворец. Смотрит на доску, на которой той ночью лежал умирающий отец. Слезы душат. Он выходит наружу и направляется к ореху его детства. Пролезает под изогнутым корнем. Поднимает комок земли, смотрит на него долго-долго и прячет за пазуху.

Пересохшее лоно наполняется. Арчибальд наполняется: воспоминаниями – дыханием земли – отцом – предками – родом – отчизной. Слез больше нет. Он идет к дому: к дому потомков дедушки Саридана. Идет, как лунатик. Входит во двор.

Рядом с налиа – горы кукурузной листвы.

На одну из них забралась Матаси и сверху кидает связки листьев детишкам Нико – (дяди). У ограды устроены ясли. Там привязаны быки. Дети тащат к яслям связки листьев. Быки вкусно жуют свежие кукурузные листья.

Арчибальд смотрит на Матаси.

Голова ее повязана желтой косынкой. Грудь открыта. Ноги босы – виднеются голени, тронутые золотом солнца. Тело ее как бы сливается с листьями, словно и оно – плод кукурузного поля – зрелый початок: крупный и крепкий, початок грузинских полей. Солнце льет потоки лучей – золотые ручьи. Матаси кидает связки листьев.

Арчибальд смотрит на Матаси. Глаз Матаси он не видит. А если встретит ее взор – не сможет уехать из Саирме. Воля Арчибальда – как кремь: он должен уехать, так будет лучше. Арчибальд не смотрит уже на Матаси.

Поднимается на балкон. На балконе, облокотившись о перила, стоит дедушка Саридан.

– Бедный Тамаз... Хотя бы я повидал его...

Арчибальд безмолвен.

– Как ясно помню его... словно сейчас вижу...

Арчибальд не может отвечать.

– Какой мужественный и отважный он был!..

Слезы подступают к глазам Арчибальда.

– Отчего ты не сказал, что ты его сын?

Вместо ответа Арчибальд обнимает Саридана.

– Не плачь, сынок... Все мы – дети смерти...

Арчибальд входит в свою комнату.

Теперь другая мысль жжет его: отныне не увидит уже он дедушку Саридана – высокого Саридана – спокойного Саридана – светлого Саридана. Не услышит от него легенду о каменном юноше. И ни о лесной царице. Не услышит более его голоса – утишающего.

Сердце щемит.

Вбегает Аллан. Ластится к нему. Скулит. Глаза дога влажные – (не плачет ли?). Арчибальд гладит его рукой. Дога лает – (утешает ли?). Арчибальд ласкает дога и говорит ему:

– Аллан! Ты останешься с Матаси...

Аллан смотрит на хозяина удивленно.

Арчибальд пишет Вамеху письмо. За девять месяцев он научился грузинскому. Пишет... Сдерживает рыдание. Будто кто-то тянет его назад. Но решение Арчибальда непреклонно.

Рано поутру просыпается обычно Матаси.

И нынче рано встала она. Идет к комнате Арчибальда. Ни малейшего шума. Никаких звуков. Арчибальд тоже обычно поднимается спозаранок. Неужели спит? Даже шороха не слышно. Она стучится в дверь. Никакого ответа. Сердце встревожено: что случилось? Она открывает дверь. Арчибальда в комнате нет. На столе – письмо на имя Вамеха. Неужели Арчибальд уехал?! Уехал втихомолку?! Но ведь Аллан во дворе?! Бросил любимого дога?! Она смотрит на письмо...

И внезапно раздражается рыданиями.

– Что с тобой, Матаси?

Это голос Вамеха. Он входит.

Матаси протягивает ему письмо. Вамех читает. Арчибальд любит Вамеха... Вамех – его брат... Любит дедушку Саридана... Любит их всех... Любит Саирме. Любит родную землю... которая навеки приняла его отца... (Вамех – глухим голосом: «Неужели он умер?!») Любит Матаси... Любит ее иной любовью... и все же уезжает... Когда-нибудь потом он встретится с Вамехом... Аллана он оставляет Матаси – на память... Он уходит. Он знает обиду – или боль Вамеха... и предпочитает уйти...

Вамех не заканчивает чтения.

– Матаси! Догони его верхом!.. Сейчас же! Ты догонишь!

Матаси обнимает брата за шею и – глядя снизу вверх, в его глаза:

– Что мне ему сказать?!

– Ничего не говори... Просто догони...

– И больше ничего?!

– Ничего... он сам знает...

Матаси бежит к конюшне. Выводит вороного коня. Всканивает на неоседланного коня, как юная амазонка. Пускает вскачь. За ними с лаем несется Аллан.

Спустя, час Матаси видит на повороте мужскую фигуру. Определенно он, думает она. Догоняет. Увы: Матаси хмурится – не он. Снова скачет. Аллан – следом, громко лая. Вдруг он вырывается вперед. Взбегает по склону холма. Матаси – за Алланом. Его не видно. Слышен только залиvistый лай. Вдруг лай смолкает. Матаси уже на вершине холма. И – о, радость! Аллан, стоя на задних лапах, передними обнимает за шею Арчибальда.

«Не остался!» – думает о доге Арчибальд.

– Ты изменил Матаси? Ах, ты...

И он легонько шлепает дога по голове.

Но в тот же миг обрывается топот копыт, и перед Арчибальдом уже стоит Матаси.

– Матаси!..

Матаси бросается к нему. Обнимает его.

Воля Арчибальда – уже не кремень. Он тоже обнимает Матаси. Его пьянят ароматы Саирме – (Матаси – серна с гор Саирме). Его пьянит аромат свежееотжатой грозди виноградной – (Матаси сама – гроздь виноградная). Пьянит аромат зрелого початка – (Матаси, сама – початок). Глаза Матаси расширяются – точно свежие побеги дубового дерева, на которые льются сверкающие солнечные лучи. Арчибальд глядит на ее высокие бедра – вот она, грузинская земля: с ее пашнями – с ее грудью – с ее нивами. Дыхание земли необоримо. И голова у Арчибальда кружится. Он смягчается.

– Вамех не приходил?

– Пришел... Утром, сейчас вот...

– Что-нибудь говорил?

– Сказал, догони...

– Больше ничего?

– Ничего...

Дрожь охватывает Матаси. Она опускает голову.

Арчибальд смотрит на нее. Каменная воля ломается. Вернее – воли просто нет. Арчибальд поворачивает к Саирме. Без слов – без раздумий – без мыслей – следует за Матаси. Извлекает что-то из-за пазухи. То – змеиная рубашка, выползина. Арчибальд видит как сейчас: на приречном песке змея меняет кожу. Сбрасывает ее, с иронией смотрит на нее – на саму себя, брошенную, и, скользнув, стремительно устремляется прочь, в новой и чистой коже.

Арчибальд рассматривает змеиную рубашку. Не себя ли самого видит: того, который был – которого нет уже – который покинут?! Иронии не видно.

Матаси идет легким неспешным шагом. Ступнями целует землю.

Арчибальд безмолвно следует за ней.

У калитки стоит Вамех – точно меч, в крови омытый и унявшийся. Ждет Матаси... Ждет кого-то еще.

Несчастный Тамаз! Если бы он мог увидеть встречу братьев! Их крепкое объятие!

ЭПИЛОГ

Дедушка Саридан сидит под орехом.

С ним играет маленький карапуз.

Старик тщетно пытается раскурить чубук.

– Тазико! Сбегай-ка, попроси у дяди трут!..

Тазико бежит вприпрыжку.

Под грушей-чичквой¹ Вамех и Арчил (Арчибальд теперь – Арчил) укрощают необъезженного коня. Конь злой и непокорный. Но руки мужчин сильны. Конь поглядывает то на одного, то на другого: хочет понять, который сильнее. Постепенно конь остывает.

– Что тебе пишет Таба-Табай? –

¹ Чичква – сорт груши.

спрашивает Вамех, хватая в то же время коня за заднюю ногу. Конь отскакивает в сторону. Арчил с той стороны удерживает его.

– Он, оказывается, побывал в Калькутте... Собирается к нам... Тазико приближается.

– Не подходи к лошади! Стой там!

Это отец велит.

– Дедушка сказал, чтобы ты дал трут... –

кричит Тазико Вамеху. Вамех подает ему трут. Тазико убегает.

Дедушка Саридан вытаскивает из кармана кремень. Огниво. Кладет трут. Ударяет. Рука его дрожит и он промахивается. Ударяет во второй раз. И на этот раз не высек искры. «Черт бы побрал старость!» (думает он про себя). Ударяет еще раз. Наконец трут загорается. Саридан раскуривает чубук и треплет Тазико по головке.

– Как тебя зовут, Тазико?

– Тамаси...

– Не «Тамаси», а Тамази...

– Та... ма... си...

Тазико старается, но безуспешно.

Старик улыбается.

– А как твоя фамилия, Тазико?

– Илубакидзе...

– Ирубакидзе... Повтори: И-ру-ба-кидзе.

Старик и сам плохо произносит фамилию.

Тазико повторяет. Старается:

– И..ллу...ба...ки...дзе...

Не совсем получается.

Старик смеется.

Тазико играет с дедушкой Сариданом. То забирается к нему на колени, то дергает за бороду. То хватается за чубук. То ладошкой шлепает Саридана по щеке. То дергает за волосы, торчащие из ушей, и спрашивает: «Что это?» Старик улыбается:

– Полно тебе, малыш!..

Издали на Тазико глядит Матаси. Она беременна, и идет это ей. Матаси смотрит на Тазико и радуется.

А Тазико не дает покоя старику.

Старик смотрит на западный край неба. Пылающая чаша солн-

ца опускается. Сколько еще раз увидит он эту чашу? – (думает старик?!). Он поворачивает голову и созерцает окрестность, где живут его потомки. Взгляд его как бы останавливается.

– Дедушка!

Зовет Тазико.

Внезапно старик крепко сжимает зубами чубук: точно хочет перекусить. Тазико ручонкой стучает по чубуку – он падает наземь. Голова старика наклоняется книзу – вбок.

– Дедушка!

Не отстает Тазико. Бросается на его руку. Рука бессильно падает – точно оторванная. Тазико забегает с другой стороны и хватает его за другую руку. Старик падает наземь, точно деревянный. Головой задевает за ствол дерева. Сбивает кусочек старой древесной коры. В тишине замирает и этот звук.

– Дедушка!

Тазико теревит старика и удивленно смотрит на его глаза. Как он быстро уснул! – (думает мальчик).

– Что это ты, Тазико, покоя не даешь дедушке?

Подходит Вамех и Арчил с ним.

– Посмотри... как он спит!.. – лепечет малыш.

Вамех и Арчил склоняются над стариком.

Дедушка Саридан не дышит. Он и вправду уснул... навеки.

Вамех и Арчибальд укладывают тело на длинный валун.

Пылающая чаша солнца больше не видна: не она ли унесла с собой взор дедушки Саридана...

От переводчика

Однажды, в конце 80-х годов минувшего века, солнечным майским днем мы с моей коллегой, сотрудницей и подругой Викой Зининой были приглашены к известной грузинской писательнице Тине Донжашвили на чашку чая. Она была интересным, принципиальным и прямолинейным человеком и общение с ней всегда было приятно.

Прежде чем мы сели за стол, я стала рассматривать книги в книжном шкафу. И вдруг увидела, стоявшую лицом, книгу, которую давно хотела прочесть: «Григол Робакидзе. Змеиная рубашка». Это был радостный шок. Когда вошла Тина (ее не было в комнате), я с затаенным волнением спросила: «Тина Георгиевна, Вы не одолжите мне Григола Робакидзе?» - «Конечно», - сказала она с улыбкой, подошла к шкафу, вынула книгу и, вручила ее мне, добавила: «А я недавно поставила ее сюда. Возьми. И почитай».

От Тины я ушла взволнованная, в таком приподнятом настроении, словно получила роскошный подарок (так оно и получилось: когда я сообщила Тине, что собираюсь переводить роман и спросила, можно ли пока что оставить книгу у себя, она сказала: «Держи, ради Бога, сколько хочешь, конечно!»). Прошло время. Забегая вперед, скажу, что я перевела роман и он был опубликован в журнале «Литературная Грузия» в 1991 году. Книгу можно было возвращать. Но 1992 год в Тбилиси начался орудийными выстрелами и пулями снайперов с крыш сололакских домов. 17 марта 1992 года Тины Георгиевны Донжашвили, к сожалению, не стало, о чем я узнала лишь время спустя. И «Змеиная рубашка» волею судьбы осталась у меня). И так, я ушла от Тины, унося с собой не только книгу, но и до сих пор нестираемое воспоминание о том теплом майском предвечерье, о розовато-золотых лучах предзакатного солнца, льющихся на всю окрестность, вид на которую открывался с застекленной лоджии, где мы сидели, попивая чай с традиционным яблочным пирогом собственного изготовления хозяйки, и беседуя. В частности, беседовали мы о проекте Худон-ГЭС, о вырубке лесов и тех тяжелых последствиях, какие это могло повлечь. Тина много ездила по Грузии и много писала о проблеме леса. Могла ли я думать тогда, когда подписывала петицию против сооружения Худон-ГЭС, что в следующем столетии эти проблемы снова будут стоять перед нами?..

Конечно, в тот же вечер я засела за чтение «Рубашки». И с первых же страниц книга пленила меня. Экскурсы в историю древнего мира, представленного столь красочно, само видение этого мира на протяжении веков в некоем органическом единстве и в единстве с современностью, основные проблемы которой и сегодня не утрачивают

актуальности, в нашу эпоху стремления к глобализации, стирающей различия и особенности и ведущей к стандартизации, к штампу; поразительные краски и оттенки, полутона чувств и отношений, скульптурная четкость характеров, удивительно богатый, пластичный, меткий и точный грузинский язык, стиль, манера повествования – все это совершенно очаровывало меня. Что особенно было интересно для меня и неожиданно – это как бы легким пунктиром означенная тема таинственной связи двух Иберий; существующих по оконечностям Европы: Кавказской (Грузия) и Пиренейской (Испания – баски). И еще: удивительная параллель – переклик поэтического видения Луны у Григола Робакидзе и у великого испанца Федерико Гарсиа Лорки: «Луна – мертвая планета», «знак трупа», - говорит один из главных героев «Змеиной рубашки»; у Лорки Луна символизирует обитель смерти, куда возносятся его погибшие герои. «No llorad ninguna. El Amargo está en la Luna», - говорит мать Амарго. «Пусть никто не плачет – Амарго уже на Луне».

Словом, я уже знала, что переведу этот роман со всеми его трудностями. И в беседе со своим старшим другом, главным редактором «Литературной Грузии» (впрочем, тогда он был председателем СП Грузии), писателем Георгием Цицишвили заговорила о своем решении. «Генацвале, - чуть помолчав, сказал он (это была его излюбленная форма обращения), - конечно, это будет очень хорошо. Но думаю, у тебя возникнут сложности с изданием». Человек доброй и щедрой души, он был умен и обладал большим опытом. К сожалению, впоследствии мне не раз вспоминались его слова.

Однако, все хорошо, что хорошо кончается. Издание состоялось, к моей радости. И кажется мне, что я выполнила какой-то долг перед памятью большого писателя, человека столь трудной судьбы, Григола Робакидзе.

Я выражаю глубокую признательность вдохновителю и руководителю проекта г-ну Николаю Николаевичу Свентицкому, Арсену Еремиану, Александру Сватикову и всем членам слаженного коллектива «Русского клуба», участвовавшим делом или словом в подготовке и выпуске романа «Змеиная рубашка», писателю Серго Окропиридзе за предоставленное эссе Стефана Цвейга и Эрику Ахсахану за его большую помощь.

Камилла-Мариам КОРИНТЭЛИ

Перевод романа осуществлен с первого издания 1926 года (გრიგოლ რობაქიძე. „გველის პერანგი“. თბილისი. 1926.). Сохранена пунктуация, по возможности графический рисунок текста, а также орфография топонимов оригинала. Орфография грузинских имен собственных максимально приближена к грузинской орфоэпии.

Григол Робакидзе родился 28 октября 1884 (по другим данным – 1880, 1882) года в селе Свири, в Западной Грузии (тогда – Кутаисская губерния) в семье священника и зажиточной крестьянки. Окончил Кутаисскую духовную семинарию (на два года раньше срока, дважды сдав экстерном экзамены). В августе 1901 года поступил на юридический факультет Тартуского университета, но уже в декабре был исключен за неуплату – отец мечтал видеть сына священником и полагал, что, оставшись без материальной помощи, Григол вернется домой, однако этого не произошло. С 1902 по 1906 гг. Робакидзе учился на философском факультете Лейпцигского университета, который окончил со степенью доктора философии. В течение двух лет слушал лекции в различных европейских университетах.

В 1908 году Робакидзе возвращается в Грузию и начинает выступать в Кутаиси и Тбилиси с публичными лекциями, посвященными грузинской и немецкой литературе. Послушав выступление Робакидзе, Акакий Церетели произнес знаменитые слова: «Наконец-то я вижу грузинского интеллигента, о котором мечтал всю жизнь».

Робакидзе публикует стихи, которые Тициан Табидзе впоследствии назовет «евангелием модернизма». В 1915 году Робакидзе, как лидер грузинского символизма, становится одним из основателей литературной группы грузинских символистов «Голубые роги». В состав группы входили Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе, Валериан Гаприндашвили, Колау Надирадзе, Николоз Мицишвили, Серго Клдиашвили... С группой были связаны Галактион Табидзе и художник Ладос Гудиашвили, который часто иллюстрировал публикации голубороговцев. О них упоминает Сергей Есенин в стихотворении «Поэтам Грузии»:

Земля далекая! Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.
Вино янтарное в глаза струит луна,
В глаза глубокие, как голубые роги.

(В 1937 году Тициан Табидзе и Николоз Мицишвили были арестованы и расстреляны, а Паоло Яшвили в ожидании ареста покончил с собой в здании тбилисского Дома писателей).

В 1917 году при активном участии Г. Робакидзе был основан Союз писателей Грузии.

В период независимой Грузии, в 1918-1921 гг., он занимается редактурой постановлений правительства Ноэ Жордания в Управлении государственными делами. Одновременно читает лекции на высших женских курсах в Тбилиси, в Бакинском университете. В 1918 году, после открытия Тбилисского государственного университета, избирается доцентом кафедры грузинской литературы.

В 1919 году выходит первая книга Григола Робакидзе «Портреты» - сборник очерков о П. Чаадаеве, М. Лермонтове, В. Розанове, А. Белом, написанных на прекрасном русском языке.

В 1921-1925 гг. он заведует отделом искусства при Комиссариате просвещения, занимает пост заместителя председателя правления Союза писателей Грузии.

При деятельном участии писателя была спасена от уничтожения церковь Кашвети в Тбилиси.

В эти годы на сцене тбилисского театра имени Руставели идут три пьесы Робакидзе – «Лонда», «Мальштрем» и «Ламара». На показе «Ламары» в Москве в 1930 году присутствовал Сталин. Спектакль имел оглушительный успех, его даже дали повторно.

В марте 1931 года Григол Робакидзе эмигрирует в Германию. Советского гражданства его лишили не сразу. Это произошло в 1935 году, когда власть окончательно потеряла надежду на его возвращение. После этого началась настоящая травля. В газетах было опубликовано обращение Союза писателей Грузии под названием «Никакого доверия классовому врагу», в котором Робакидзе называли предателем, писали о том, что он переметнулся в фашистский лагерь и т.д. Лишь несколько писателей имели мужество стать на его защиту. В их числе был Михаил Джавахишвили. Однако все усилия были тщетны, имя и произведения Робакидзе в советской Грузии были официально запрещены.

Причиной своей эмиграции Робакидзе называл большевистскую диктатуру. В одном из своих выступлений по радио он говорил: «Кто в СССР свободен? Никто. От страха там никто не может спокойно заснуть. Каждый боится, как бы во сне, в бреду случайно не сболтнуть

то, что накопело на сердце».

В 1930-е гг. в Германии регулярно издаются произведения Робакидзе – романы, новеллы, эссе, стихотворения, написанные на немецком языке. В 1933 году выходит новый роман писателя – «Убиенная душа» (другой вариант перевода – «Замученная душа»). Робакидзе пишет о том, как государственная карательная машина калечит человеческие души. Уже в те годы он понял, что Сталин в сознании советских людей превращается в языческого бога – жестокого и неумолимого, которому нужны многочисленные жертвоприношения.

Г. Робакидзе был виднейшим деятелем грузинской политической эмиграции. В частности, он основал Союз грузинских традиционалистов, председателем которого стал глава европейского царского дома Багратиони Иракий Багратион-Мухранели.

Однако на рубеже 30-40-х годов Робакидзе пишет и издает две книги, которые сыграют фатальную роль для его репутации, станут губительной и непоправимой ошибкой в судьбе – «Адольф Гитлер. Взгляд иностранного поэта» и «Муссолини. Отмеченный солнцем». Книги вышли огромными тиражами и были включены в список рекомендуемой партийной литературы.

Не для оправдания писателя, но для полной ясности картины подчеркнем – прежде, чем огульно осуждать Робакидзе, эти книги надо прочитать. И тогда станет ясно главное – для писателя не имели значения взгляды и идеи этих личностей. Поэтому Робакидзе и не считал свои произведения фашистскими. Страстный поклонник Ницше, Робакидзе видел и анализировал в Ленине, Сталине, Гитлере, Муссолини природу сверхчеловека. Его интересовало демоническое начало в тех, кому столь слепо и с таким воодушевлением поклонялись сотни тысяч людей. В общем-то, Робакидзе и сам во многом мифологизировал своих героев и в итоге подменил мифом историческую правду. Впрочем, в одной из своих статей писатель так характеризовал свою книгу о Гитлере: «Книга эта построена по «пифагорейской» схеме. Короче, в ней я полностью, изнутри разрушаю национал-социалистическое мировоззрение».

По свидетельству поэта Иракия Абашидзе, в 1962 году он получил письмо от Григола Робакидзе, в котором тот писал: «До меня дошли слухи, что в Грузии я считаюсь «гитлеровцем». Это ложь и бред! Правда состоит только в одном: с середины июня 1941 года до конца войны я находился под надзором гестапо. Разве это имело бы место,

будь я гитлеровцем?!»

Всю войну писатель находился в Берлине. В апреле 1945 года с трудом переехал в Швейцарию, где получил статус «интеллектуально-го эмигранта». Он продолжал писать статьи, романы, пьесы. Многие из них так и остались неизданными.

Григол Робакидзе скончался 19 ноября 1962 года в одной из швейцарских клиник и был похоронен на женевском кладбище. Квартиру писателя опечатала полиция. Стараниями друзей архив Робакидзе был спасен от уничтожения.

В 1976 году грузинские эмигранты Нино и Калистрат Салия перевезли прах писателя во Францию и предали земле на грузинском кладбище Левиль под Парижем.

Подготовила Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

СОДЕРЖАНИЕ

Александр МАРГИШВИЛИ

СТЕРЖЕНЬ ГРУЗИИ 3

Стефан Цвейг

О РОМАНЕ «ЗМЕИНАЯ РУБАШКА» 7

ЭКБАТАНА 12

ПОЗВОНОЧНИК С ПРОСТРЕЛОМ 22

СЕРДЦЕ НА ЛАДОНИ 32

КАШАНСКИЙ КОВЕР 56

КРОВЬ БОРЦА 67

ХАЛИБСКАЯ СТАЛЬ 76

ИРУБАКИДЗЕ 85

ОГОНЬ ПЫЛАЮЩИЙ 94

ИРАХШАНДА 101

КАРАВАН 108

 УДИН 108

 БУЙНАК 111

 КАРАВАН 113

 ОЗАРСИП 116

 МАНОВЕНИЕ ВЕЧНОСТИ 122

 БЕХАН 126

ИНТЕРМЕДИЯ 129

 «СОЛНЕЧНОЕ ГУМНО»: 130

 «ХИМЕРА ПУСТЫНИ»: 130

СОКОЛИНЫЙ ГЛАЗ	131
ЦХРАМУХА	131
САРИДАН	135
ВАМЕХ И АРЧИБАЛЬД	139
ЧАСОВНЯ	145
КОРМИЛИЦА	149
МАЙЯ	153
МАТАСИ	160
НОРД-ОСТ	165
ИМАМ ЗАДЭ ХАШИМ	181
ТБИЛИСИ	197
КАРТЛИС ЦХОВРЕБА	213
ГРОБ НА СОЛНЦЕ	218
СОЛНЕЧНЫЕ СЛЕДЫ	226
ВАМЕХ	236
СКИФСКАЯ МЕНАДА	242
ОТЕЦ	249
ЗМЕЯ МЕНЯЕТ РУБАШКУ	249
ИСТОК РОДНИКА	253
ТАМУНЧО	260
БРАТЬЯ	265
МАТАСИ НА ЛОШАДИ	273
ЭПИЛОГ	277

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Издание осуществлено при поддержке
Международного благотворительного фонда «КАРТУ»

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ
ЗМЕИНАЯ РУБАШКА

РОМАН

Перевод и редакция
КАМИЛЛЫ-МАРИАМ КОРИНТЭЛИ

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Технический редактор
ДАВИД АБУЛАДЗЕ

Набор текста
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

Над книгой работали
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
АЛЕНА ДЕНЯГА

Коринтели Камилла-Мариам, поэт, переводчик, член Союза писателей и Союза журналистов Грузии. Окончила Тбилисский Государственный университет. Со дня основания журнала «Литературная Грузия» работала долгие годы в редакции на разных должностях. Затем работала в тбилисском Институте иностранных языков им. И. Чавчавадзе. Автор множества переводов произведений грузинской прозы, изданных в Тбилиси, Москве и т.д. Автор книги стихов «Гранат цветет». Кавалер Ордена Чести.

